

ОТДЕЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИМЕНИ Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВНУТРЕННИЕ ДИСБАЛАНСЫ
КРУПНЫХ РАЗВИВАЮЩИХСЯ ГОСУДАРСТВ
И СПЕЦИФИКА ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С СОПРЕДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ**

Под редакцией
члена-корреспондента РАН А.В. Кузнецова,
д. полит. н. Д.Б. Малышевой

Москва
ИМЭМО РАН
2017

УДК 339.9
ББК 65.6
Внут 608

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензенты:
академик РАН Н.А. Симония
кандидат экономических наук А.О. Филоник

Внут 608

Внутренние дисбалансы крупных развивающихся государств и специфика их взаимодействия с сопредельными странами / Под ред. А.В. Кузнецова, Д.Б. Малышевой. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 144 с.

ISBN 978-5-9535-0507-9

DOI:10.20542/978-5-9535-0507-9

Коллективная монография подготовлена при поддержке Программы комплексных фундаментальных научных исследований Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН №III.10П «Дисбалансы современного миропорядка и Россия» (проект «Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира»). Исследуются дисбалансы социально-экономического и политического развития ряда крупных развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки – Китая, Индии, Таиланда, Индонезии, Саудовской Аравии, Нигерии, ЮАР, Бразилии. Отдельное внимание уделено Казахстану как лидеру интеграции в постсоветской Центральной Азии. Анализируются вместе с проблемами регионализма роль этих государств в региональных и интеграционных процессах, особенности их взаимодействия с соседями, в том числе и в рамках существующих объединений (АСЕАН, Меркосур, ССАГПЗ и др.). Рассмотрены перспективы Российской Федерации в тех макрорегионах современного мира, где особенно ощутимы экономические и социальные дисбалансы.

The Major Developing States' Imbalances and the Specificity of their Interaction with the Neighboring Countries / Kuznetsov A.V, Malysheva D.B., eds. – Moscow, IMEMO, 2017. – 144 p.

ISBN 978-5-9535-0507-9

DOI:10.20542/978-5-9535-0507-9

The collective monograph which has been supported by the Russian Academy of Sciences Program ("Imbalances of the modern world order and Russia", Project No. III.10P "Economic and social imbalances in macroregions of the modern world") is an analytical study of socio-economic and political imbalances in several major developing states of Indo-Pacific Asia, Sub-Saharan Africa, the Middle East and Latin America – China, India, Thailand, Indonesia, the Saudi Arabia, Nigeria, the Republic of South Africa, and Brazil. Special attention is given to Kazakhstan as the leader of integration in post-Soviet Central Asia. The monograph reveals the problem of regionalism as well as the contribution of the major developing states to regional and integration processes. The peculiarities of their interaction with neighboring states in the framework of some organizations (ASEAN, MERCOSUR and others) are also studied. The authors take also into account the Russian Federation's prospects in the macroregions of the modern developing world, where economic and social imbalances are acute.

На обложке использован фрагмент работы В.В. Кандинского «На точках»

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0507-9

© ИМЭМО РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1	
ИНТЕГРАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА КИТАЯ И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С СОСЕДЯМИ	6
Глава 2	
СОВРЕМЕННАЯ ИНДИЯ: ДИСБАЛАНСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	18
Глава 3	
ДИСПАРИТЕТЫ «БЕЛИНДИИ» ИЛИ БРАЗИЛЬСКИЙ «МИР МИРОВ»	33
Глава 4	
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ МАШРИКА.....	55
Глава 5	
ВНУТРИСТРАНОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	70
Глава 6	
АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ: ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ И РЕГИОНАЛИЗМ	100
Глава 7	
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И МЕСТО В НИХ КАЗАХСТАНА	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	142

ВВЕДЕНИЕ

Последние несколько лет Россия активно участвует в реализации очередного проекта региональной интеграции на постсоветском пространстве. Многие авторитетные эксперты демонстрируют принципиальное отличие ЕАЭС от более ранних попыток реинтегрировать постсоветское пространство¹. Тем не менее хватает и скептиков, которые акцентируют внимание на политических аспектах взаимодействия стран ЕАЭС и считают, что другие участники данного проекта не имеют серьезной долгосрочной заинтересованности в сближении с Россией, а потому для последней экономическая интеграция с ними принесет в основном убытки. Один из аргументов оппонентов евразийской интеграции в нашей стране – нецелесообразность отвлечения ограниченных российских финансовых ресурсов на стимулирование социально-экономического развития отстающих членов ЕАЭС в ущерб преодолению довольно острых внутренних дисбалансов в Российской Федерации.

Действительно, хорошо известны социальные контрасты в российском обществе, в том числе в региональном разрезе. Так, в 1-м квартале 2017 г. среднемесячные денежные доходы на душу населения в России не достигали 30 тыс. руб., при том что у 7.7% населения они превышали 60 тыс., а у 28.6% были ниже 14 тыс. руб. При этом в Москве в марте 2017 г. показатель составлял 58.5 тыс. руб., тогда как в рядом расположенных Владимирской и Рязанской областях не достигал 24 тыс., во всех регионах Северного Кавказа был еще меньше, а в Республике Тыва вообще равнялся 12.7 тыс. руб.² В этой связи несомненный интерес представляет опыт взаимодействия с сопредельными странами, который демонстрируют различные крупные государства мира со значительными социально-экономическими дисбалансами.

Традиционно в российской научной литературе повышенное внимание уделяется Европейскому Союзу, где две стоявшие у истоков регионального интеграционного проекта страны – ФРГ и Италия – так и не преодолели контрастов (соответственно по линии Запад-Восток и Север-Юг), но тем не менее активно поддерживали быстрое расширение ЕС за счет относительно бедных постсоциалистических государств Центрально-Восточной Европы³. В результате ЕС стал единственной интеграционной группировкой в мире, где полноценная политика по выравниванию социально-экономических контрастов между регионами проводится на наднациональном уровне⁴.

Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя обходить вниманием и опыт ведущих развивающихся стран – Китая, Индии, Бразилии. Почти игнорируется в научной литературе практика борьбы с внутренними дисбалансами в таких государствах, как Саудовская Аравия, Индонезия, Таиланд, Нигерия или ЮАР. При этом все названные страны с разной степенью успеха пытаются проводить политику развития регионализма в соответствующих частях мира. Безусловно, далеко не весь их опыт применим к России в силу специфики соответствующих региональных держав. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением, что движущийся к

¹ См., например, Чуфрин Г.И. Евразийский интеграционный проект и стратегические интересы России // Россия и новые государства Евразии. 2017. №1. С. 9-20.

² Социально-экономическое положение России: январь-март 2017. М.: Росстат, 2017. С. 197; Социально-экономическое положение России: январь-май 2017. М.: Росстат, 2017. С. 369-370.

³ Расширение ЕС на Восток: предпосылки, проблемы, последствия. Отв. ред. Н.К. Арбатова, В.П. Гутник, Е.С. Хесин, Ю.И. Юданов. М.: Наука, 2003.

⁴ См., в частности: Региональная политика стран ЕС. Отв. ред. А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2009; Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии. Под ред. А.В. Кузнецова и О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015.

многополярности современный мир не столько глобален, сколько представляет собой симбиоз около двух сотен неодинаковых стран с самым разным уровнем формационного, то есть социального и экономического, развития⁵.

Однако для России интересно изучение других крупных стран не только ради поиска каких-то рецептов, но и для лучшего понимания наших важных экономических партнеров. Именно поэтому в данной монографии анализируется роль названных государств в региональных и интеграционных процессах, особенности их взаимодействия с соседями, в том числе и в рамках существующих объединений (АСЕАН, Меркосур, ССАГПЗ и др.). Отдельное внимание уделено Казахстану как лидеру интеграции в постсоветской Центральной Азии.

Коллективная монография подготовлена при финансовой поддержке Программы комплексных фундаментальных научных исследований Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН №III.10П «Дисбалансы современного миропорядка и Россия» (реализуемый в 2016-2017 гг. проект «Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира»).

Авторский коллектив монографии:

- Введение – чл.-корр. РАН *А.В. Кузнецов*;
- Глава 1 – д.э.н. *А.И. Салицкий*, *Н.К. Семенова*;
- Глава 2 – д.и.н. *А.Г. Володин*;
- Глава 3 – д.э.н. *В.А. Красильщиков*;
- Глава 4 – д.полит.н. *Д.Б. Малышева*;
- Глава 5 – к.э.н. *А.А. Рогожин*, д.полит.н. *Н.Г. Рогожина*;
- Глава 6 – к.и.н. *Э.Е. Лебедева*;
- Глава 7 – чл.-корр. РАН *А.В. Кузнецов*, д.полит.н. *Д.Б. Малышева*;
- Заключение – чл.-корр. РАН *А.В. Кузнецов*.

⁵ Симония Н.А., Торкунов А.В. Глобализация и проблема мирового лидерства // Международная жизнь. 2013. №3. С. 21-35.

ИНТЕГРАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА КИТАЯ И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С СОСЕДАМИ

Основное внимание в главе уделено специфике развития современного транспортно-энергетического хозяйства (ТЭХ)⁶ Китая, его взаимодействию с сопредельными странами и территориями. Эти многократно описанные исследователями контакты, воплощенные в десятки соглашений, сотни прогнозов и прочие документы, долгое время формировали образ Китая как наползающего на соседей неутомимого пожирателя ресурсов.

В середине второго десятилетия XXI века такой образ Китая, впрочем, уже не вполне соответствует действительности: в самом Китае интеграция внутреннего рынка в основном завершена, современная инфраструктура построена, а модернизация, основанная на индустриализации, похоже, подходит к концу. Развернулись в полную силу потребительская и экологическая революции, снижается беспрецедентными темпами энергоемкость производства и быта, разрушая привычные способы хозяйствования и регулярно опрокидывая многочисленные прогнозы экономики и энергетики. Постепенно меняются и отношения с соседями, которым в рамках программ и проектов «пояса и пути» предложены новые перспективы совместного освоения Евразии.

Некоторые итоги 12-й пятилетки

Ограничим для краткости статистический анализ преимущественно данными 12-й пятилетки (2011-2015 гг.)⁷. Ее общие итоги впечатляют привычными чертами: высокой экономической динамикой, крупными социальными и научно-техническими достижениями. Кроме того, прошедшие годы стали периодом утверждения у власти пятого по счету поколения руководителей КНР. Это поколение отличает решительный и амбициозный настрой, контрастирующий в известной мере с относительно скромным правлением Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао.

Почивать на лаврах заслуженных успехов Пекин явно не собирается. Стране и миру предложено серьезное обновление, свидетельствующее о переходе Китая на новую ступень эволюции⁸. На внешней арене Китай решительно преобразился, и внешнеэкономические проблемы отошли для него в известном смысле на второй план. В связи с обострением международной обстановки китайская пресса и научные издания запестрели новыми словами и оборотами – «комплексная мощь государства», «геополитика», «геостратегия», «баланс сил». Популярность обрели сюжеты, связанные с современными войнами и видами вооружений. Сейчас редко кто вспоминает «опору на собственные силы» (а она в модифицированном виде остается фундаментом участия Китая в международном разделении труда): страницы и сайты китайских издательств заполняет информация о зарубежной жизни. Страна явно ощущает себя активным членом международного сообщества, ей до всего есть дело, а упреки в адрес зарубежных правительств в протекционизме

⁶ Данное словосочетание, возможно, вводится в научный оборот впервые, ибо транспорт и энергетика – очень близкие отрасли с теоретической (модернизационной, динамической) точки зрения; нет их – значит страна еще (уже) отстала и, что хуже – фрагментированная. А уж рынка ей не хватает или плана – вопрос второстепенный.

⁷ Здесь и далее цифры китайской статистики даются со ссылкой на сайт stats.gov.cn – для краткости изложения без уточняющих адресов. Из длинных рядов использовались в основном материалы Синь Чжунго 65 чжоунянь (65 лет Нового Китая). URL: <http://www.stats.gov.cn/tjzs/tjbk/201502/P020150213481078341062.pdf>.

⁸ Салицкий А.И., Чжао Синь. Китай: завершение модернизации? // Запад – Восток – Россия 2015. Ежегодник. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 76.

стали дежурным местом публикаций по мирохозяйственной и внешнеполитической проблематике.

Одним из самых простых объяснений всем этим переменам служит тот факт, что внешне современные города Китая уже мало в чем уступают – а во многом и превосходят – зарубежные аналоги. Прекрасный городской транспорт, полный (если не избыточный) набор современных коммуникаций, широкий слой населения, познакомившегося с зарубежьем в личных деловых и туристических поездках, навсегда лишили страну всевозможных комплексов, которых у нее, впрочем, не было так уж много даже в куда более тяжелые времена.

Тем временем приходящие статистические данные продолжают регулярно сокрушать прогнозы – в том числе местных научных и даже партийных институтов. Куда, например, девать теперь стратегическую цель – «добиться модернизации» к середине века или выйти к тому же сроку на уровень среднеразвитых стран? Модернизация практически завершена 12-й пятилеткой, страна катится по отлаженным рельсам развития, пусть менее динамичного, но уже не содержащего в себе императивов и срочности.

В 2016 г. по уровню ВВП на душу населения (по текущим валютным курсам) Китай обошел соседний Казахстан. Далеко не последней страной по уровню жизни смотрится КНР и среди стран Центрально-Восточной Европы. Снизилась негативные индикаторы – уровень самоубийств, неуверенность в завтрашнем дне и т.п. Получается, что Китай куда более спокоен и свободен, чем многие европейские постсоциалистические страны, занятые слепым копированием равновесных, то есть статических моделей. А они, как известно, кончаются там, где есть накопление реального капитала и повышение квалификации работников, и при упрямом их проведении в жизнь просто сводят экономический рост на нет (увы, самый яркий пример этого – Россия в 2013-2016 гг.). В Китае же оформлен законодательно и *постепенно построен* рынок (а не провозглашен – как в некоторых странах) – с превосходным, разветвленным ТЭХ, с хранилищами и депо, мастерскими и лабораториями, прекрасно оборудованными училищами среднего специального образования и глобально работающей службой доставки товаров⁹, по ходу прихватывающей такие активы, как South China Morning Post и тут же делающих их бесплатными для пользователя. Наконец, по эффективности НИОКР КНР – регулярный лидер даже мировых рейтингов¹⁰.

Завершение модернизации происходило в Китае в устойчивом режиме: в минувшей пятилетке темпы экономического роста составили примерно 8% (против среднемирового показателя в 2.5%). Замедление темпов роста в конце периода признано естественным явлением¹¹, а внимание общества сосредоточено теперь на новых сферах и проблемах развития. Его социальная и «зеленая» ориентация из противоречивых следствий экономического роста стали самостоятельными и приоритетными целями. Страна утвердилась в мировой экономике и политике, ощущая себя современным государством, способным помочь другим.

Все изложенное (а также некоторые другие моменты, которые для краткости опущены) приводит к простому заключению: наиболее вероятными трендами на

⁹ Салицкий А.И. О факторах экономического роста в Азии. Рецензия на монографию: Александров Ю.Г. Может ли Россия стать «евроазиатским тигром»? М.: ИВ РАН. 2007 // Восток (Oriens). 2007. №3. С. 178-185; Чжао Синь, Потапов М., Салицкий А. Китай: новая фаза развития // Перспективы. 22.02.2016. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/kitaj_novaja_faza_razvitija_2016-02-22.htm (дата обращения: 23.02.2016).

¹⁰ Виноградов А.В., Салицкий А.И., Салицкая Е.А. Наука и техника Китая: состоявшаяся модернизация // Вестник РАН. 2016, том 86. №2. С. 152-160.

¹¹ Средневысокая динамика роста, впрочем, устойчива; примечательна также стабилизация прироста ВВП на уровне 6.7% в первых трех кварталах 2016 г.

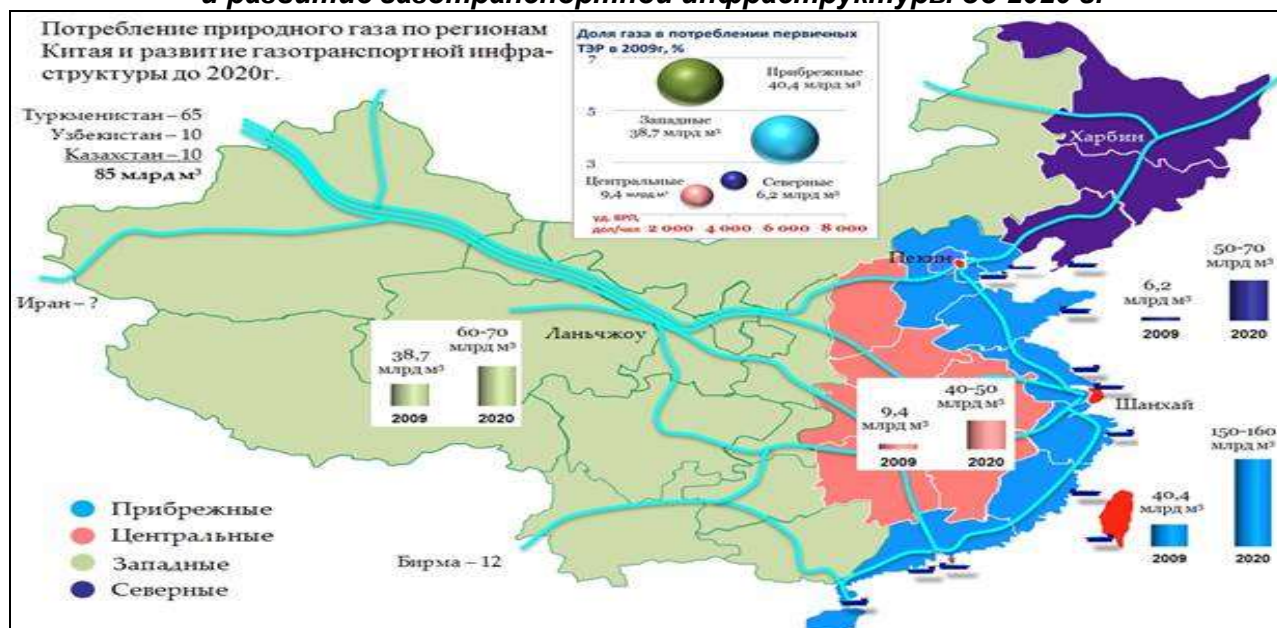
ближайшие пять лет в китайском ТЭХе будут: продолжение в умеренном темпе железнодорожного (в том числе высокоскоростного) строительства; снижение в абсолютных показателях добычи и ввоза угля; умеренное расширение импорта нефти, трубопроводного газа и сжиженного природного газа (СПГ). Повышенными темпами будет расти производство энергии на АЭС и в новой энергетике (включая газогенерацию), значительные усилия Пекин приложит к модернизации энергосетей. Продолжится, в том числе в рамках программы «пояса и пути», вынос за рубеж энергоемкого и материалоемкого производства.

ТЭХ – основные базы и коммуникации

В течение последних нескольких лет была сформирована система транскитайских трубопроводов (Запад–Восток-1, Запад–Восток-2 и др.), позволившая доставлять газ и нефтепродукты из северо-западных районов Китая, а также из Туркменистана и Казахстана на промышленно развитый восток (см. рис. 1.1). Одновременно для приема СПГ, сырой нефти и нефтепродуктов расширена система терминалов и хранилищ на востоке страны. Общая протяженность трубопроводов в Китае достигла 120 тыс. км. Длина нефтепроводов составляет около 23 тыс. км, газопроводов – примерно 76 тыс. км, продуктопроводов – 21 тыс. км¹².

Рисунок 1.1

Потребление природного газа по регионам Китая и развитие газотранспортной инфраструктуры до 2020 г.

Источник: Экономический анализ состояния и развития минерально-сырьевого комплекса Иркутской области // Pandia [site]. URL: <http://pandia.ru/text/78/162/67985-3.php>.

Обобщенные показатели четырех (из шести) основных¹³ экономических районов страны свидетельствуют, что уровень индустриализации восточной части Китая достиг 78%, северо-восточных районов – 45%, центральной и западной части страны – 30 и 25% соответственно. В то же время уровень индустриализации

¹² Синь Чжунго 65 чжоунья (65 лет Нового Китая) / Китайский информационный Интернет-центр. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjzs/tjbk/201502/P020150213481078341062.pdf>.

¹³ В официальных документах КНР упоминается шесть экономических районов (так называемых районов кооперации), выделенных по принципу относительной самостоятельности: Северо-Восточный, Северный, Восточный, Центральнo-Южный, Юго-Западный и Северо-Западный. Уровень индустриализации Юго-Западного и Северного районов незначителен.

центральной и западной частей страны в целом остается довольно низким, развитие районов и городов осуществляется неравномерно.

Если распределить имеющиеся в КНР запасы энергоносителей по шести основным экономическим регионам, то наиболее обеспечен Северный Китай – 43% всех запасов. На Юго-Запад приходится 28.6%, а Северо-Запад – 12.1%. Наибольшие запасы угля сконцентрированы в Северном Китае (64%), гидроресурсов – в Юго-Западном (70%), а нефти – в Северо-Восточном (48.3%). Почти весь природный газ добывается в западных районах – вдали от основных потребителей. Закупки топлива за рубежом смягчают региональные разрывы в обеспечении сырьем, снижают нагрузку на внутренний транспорт. Пекин неизменно стремится диверсифицировать импорт по странам-поставщикам, чтобы не стать жертвой привязки к одному-двум производителям с риском завышения ими цен. Основными странами-экспортерами угля в Китай стали Австралия, Индонезия, США и Канада. Поставляет уголь в Китай и Россия, но здесь особых перспектив расширения бизнеса нет в силу близости к крупным угольным базам КНР, где издержки добычи ниже средних.

Перспективной задачей развития ТЭХ Китая становится формирование общенациональной газотранспортной системы с пропускной способностью до 150 млрд куб. м в год. Ее развитие началось со строительства с 2002 г. газопровода Запад–Восток, который соединяет месторождения Таримского бассейна с Шанхаем, где находится один из основных рынков потребления газа в стране. Стоимость проекта оценивается в 17 млрд долл.¹⁴ Газопровод вступил в коммерческую эксплуатацию 1 января 2005 г. Вторая линия газопровода Запад–Восток, которая включает в себя одну магистраль и 8 веток, берет начало в Хоргосе, далее идет на восток до Шанхая и на юг – до Гуанчжоу и Сянган. Пропускная способность газопровода достигает 30 млрд куб. м. К середине XXI века газовая сеть покроет 31 административную единицу страны, свыше 95% административных центров будут газифицированы и структура потребления электроэнергии будет оптимизирована.

Доля газа, потребляемого в генерации, составляет в настоящее время лишь около 4%. В середине 2000-х годов на энергетику приходилось лишь 3% спроса на газ, на домохозяйства – 15%, зато промышленность потребляла 25% газа, и еще 20% уходило на неэнергетическое использование этого топлива. Но уже к 2010 г. произошла перестройка рынка и сложилось нынешнее распределение потребления, остававшееся относительно стабильным в последующие годы¹⁵. Основными потребителями остаются промышленность и ЖКХ (см. табл. 1.1).

С 2011 г. КНР стала ведущей страной по производству электроэнергии – важнейшего показателя уровня развития страны. Объем производства электроэнергии в КНР и США недостижим для других стран. Меняется структура энергопотребления и соответственно – транспортные артерии. При снижении удельного веса традиционного топлива и сравнительно стабильной доли углеводородов в первичном энергопотреблении возросло число новых и возобновляемых источников (НВИЭ). Они по итогам 2015 г. дали 20% всей электроэнергии КНР, в то время как мощность энергоблоков на ВИЭ составила 480 ГВт. Но основная электроэнергия в КНР производится на ТЭС в развитых восточных районах страны. Мощности ТЭС существенно увеличились в начале XXI века, что, в свою очередь, привело к сильному загрязнению атмосферы, не давая одновременно возможности покрывать пиковые нагрузки. Это стимулировало гидроэнергетическое

¹⁴ Здесь и далее по всему тексту книги, если не указано иное, то долл. – доллары США.

¹⁵ Пань Гуан. Энергетическая политика Китая и обеспечение энергетической безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №6. С. 16.

строительство в западных регионах страны, и ГЭС стали занимать второе место в выработке электроэнергии Китая.

Таблица 1.1

Потребление природного газа отраслями экономики КНР 1995-2010 гг.
(млрд куб. м)

Отрасль / Год	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Общее потребление	17.741	24.503	46.763	56.141	70.523	81.294	89.520	107.575
Сельское хозяйство	0.002	0.050
Промышленность (всего)	15.439	19.900	32.879	38.397	47.967	53.160	57.790	68.725
в том числе:								
- Горное дело	5.187	7.212	8.326	8.172	9.097	10.967	12.293	13.720
- Обрабатывающие производства	10.080	11.875	21.937	26.312	30.908	33.792	32.114	35.770
- Выработка электричества и тепла	0.172	0.814	2.616	3.913	7.962	8.401	13.382	19.235
Строительство	0.028	0.082	0.149	0.166	0.209	0.099	0.097	0.116
Транспорт	0.157	0.881	3.801	4.724	4.688	7.155	9.107	10.670
Сервис	0.055	0.344	1.079	1.316	1.711	1.775	2.396	2.724
Прочее	0.119	0.064	0.912	1.277	1.609	2.092	2.364	2.600
ЖКХ	1.941	3.232	7.943	10.262	14.339	17.012	17.767	22.690

Источник: China Energy Statistical Yearbook, 2014.

В 2009 г. в Китае действовало 20 ГЭС мощностью более одного ГВт. В текущем десятилетии вводятся в строй еще несколько крупных ГЭС (см. табл. 1.2). Самая крупная из действующих ГЭС – «Три ущелья» (мощностью 18.2 ГВт в 2009 г. и 22.5 ГВт в настоящее время). Являясь важным звеном в государственной программе объединения центральной энергосистемы с северной и восточной, эта ГЭС стала центром единой энергетической системы Китая, и ее работа позволяет перебрасывать на восток страны значительные объемы энергии.

Таблица 1.2

Крупнейшие ГЭС Китая

№	Наименование	Река	Год пуска гидроагрегатов	Установленная мощность (МВт)
1	Три ущелья	Янцзы	2003/2007/2012	22 500
2	Силоду	Янцзы	2013/2014	13 860
3	Байхэтань (строящаяся)	Янцзы	2019(?)	13 050 (проектная)
4	Удундэ (строящаяся)	Янцзы	2018/2020(?)	8 700 (проектная)
5	Сянцзяба	Янцзы	2012/2014	6 448
6	Лунтань	Хуншуйхэ	2007/2009	6 426 (9×714)
7	Ночжаду	Меконг	2012/2014	5 850
8	Цзиньпин-2	Ялунцзян	2014	4 800
9	Ласива	Хуанхэ	2010	4 200
10	Сяовань	Меконг	2010	4 200 (6×700)
11	Цзиньпин-1	Ялунцзян	2012/2014	3 600
12	Эртань	Ялунцзян	1999	3 300 (550×6)
13	Пубугоу	Дадухэ	2009/2010	3 300
14	Гоупитань	Ву	2009/2011	3 000

Источник: <http://www.gov.cn>.

В настоящее время в Китае действуют 45 тыс. малых ГЭС. Общая мощность их энергоблоков достигла 51 ГВт, а выработка электричества составила 160 млрд кВт/ч в год. Китай намерен построить еще 60 крупных ГЭС, что значительно увеличит их суммарную мощность. Стройки развернутся в западной части страны на реках Нуцзян, Ялунцзян, Цзиньшацзян, Дадухэ, Ланьцанцзян, а также в верхнем течении рек Брахмапутра и Хуанхэ.

КНР в 2010 г. опередила по суммарным установленным мощностям в ветряной энергетике (34 ГВт) Германию (26 ГВт) и вплотную приблизилась по этому показателю к мировому лидеру, США (36 ГВт). Всего же на Китай еще в конце 2010 г. пришлось около 20% мировых мощностей ветровых электростанций (ВЭС). К концу 12-й пятилетки показатель перевалил за отметку 100 ГВт. Но несмотря на впечатляющие показатели роста, энергия ветра обеспечивает чуть более 3% общей выработки электроэнергии в Китае (см. табл. 1.3).

Таблица 1.3.

Общее производство электроэнергии и доля ветроэнергии в общем объеме электроэнергии КНР

Годы	Общее производство электроэнергии, млрд кВт/ч	Выработка энергии на ВЭС, млрд кВт/ч	Доля ВЭС в общем объеме производства энергии, %
2006	2849	2.8	0.09
2007	3264	5.7	0.2
2008	4351	13.1	0.4
2009	3664	26.9	0.7
2010	4228	50.1	1.2
2015	5811	186.3	3.3

Источник: China-Electric-Power-Tables 2015. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-electricity.pdf> (данные округлены).

Поддержка отрасли включает гарантированный сбыт всей производимой в ней продукции. Сетевые компании обязывают приобретать продукцию в объемах не ниже установленного минимума. В итоге в отрасль активно пошел частный китайский и иностранный капитал. Ставится цель гелиоэлектрификации богатых солнечной энергией и обладающих огромными пустынными и незанятыми землями районов, таких как Цинхай, Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), Автономный район Внутренняя Монголия и Ганьсу, путем возведения там крупных фотоэлектрических и гелиотермальных станций, интегрированных в национальную энергосеть.

В 2011 г. крупнейшая в КНР солнечная электростанция (СЭС) мощностью 50 МВт начала работу в Нинся-Хуэйском автономном районе. В 2014 г. было завершено строительство новой линии электропередачи с напряжением 800 кВ от города Кумул в СУАР до города Чжэнчжоу (провинция Хэнань). С ее помощью энергетические компании передают энергию на 2210 км. В провинции Ганьсу строится парк солнечных модулей, который будет основой СЭС общей мощностью 1.1 ГВт. После достижения проектной мощности СЭС в Ганьсу станет второй в мире, уступая только сооружаемой в Индии электростанции мощностью 4 ГВт. На севере КНР, в Автономном районе Внутренняя Монголия, совместно с американцами планируется к 2019 г. построить СЭС, мощность которой составит 2 ГВт.

Производимое в Китае оборудование для производства и транспортировки ветряной и солнечной энергии экспортируется в другие страны. Особенно велика доля экспорта в производстве фотоэлектрических панелей, что отчасти объясняет снижение мировых цен на них на 60% по сравнению с 2008 г. В 2010 г. производство фотоэлектрических панелей достигло 8 ГВт – почти половины от мирового выпуска

этих изделий. В то же время в самом Китае таких панелей было установлено лишь суммарной мощностью около 0.4 ГВт. Почти вся продукция отрасли была, таким образом, реализована на внешнем рынке. Стоит также отметить, что перенос в Китай производства достаточно дорогостоящих изделий и компонентов, применяемых в области НВИЭ, и их соответствующее удешевление, оказали мощный стимулирующий эффект на развитие глобальной энергетики.

К концу июля 2016 г. общая мощность энергоблоков на АЭС в КНР превысила 55 ГВт. Таким образом, страна заняла четвертое место в мире по данному показателю. По мощности строящихся ядерных энергоблоков Китай вообще стал мировым лидером. В настоящее время в КНР есть уже 35 действующих атомных реакторов (4 из них заработали в 2016 г.), и еще 20 строятся. Предлагаются к сооружению еще более 80 блоков. Правительство планирует, что у КНР должно быть 110 атомных реакторов к 2030 г. Если этот план осуществится, Китай станет мировым лидером в атомной энергетике (см. рис. 1.2 и табл. 1.4).

Рисунок 1.2

Размещение АЭС в Китае

Источник: SNPTC – китайские AP-1000. Опубликовано 25.04.2013 на сайте atominfo.ru. URL: <http://www.atominfo.ru/newse/I0151.htm>.

Китай демонстрирует стратегическую нацеленность на овладение технологиями «зеленой энергетики», показывая прорывные результаты в сфере НВИЭ. И в этом плане сотрудничество с КНР в области модернизации может дать ощутимые результаты и российскому топливно-энергетическому комплексу.

По данным Китайской национальной ядерной корпорации, до конца 2016 г. начнется строительство первой плавучей АЭС. Она будет введена в эксплуатацию в 2019 г. Вероятнее всего, АЭС расположится в Южно-Китайском море и призвана будет обеспечивать энергией нефтяные и газовые месторождения на шельфе, а

также на островах. Строительство одной такой станции потребует в среднем около 3 млрд юаней (около 430 млн долл.). До 2030 г. планируется построить до 20 плавучих атомных электростанций.

Таблица 1.4

Строительство АЭС в Китае в 2010-е годы

Название	Максимальная мощность (МВт)	Установленная мощность (МВт)	Начало строительства	Пуск запланирован
Тяньвань	8 380	4 080	1999	2018/2019
Ниндэ	6 108	4 072	2008	2015/2016
Хунъяньхэ	6 122	4 122	2007	2015/2016
Янцзян	6 000	4 000	2008	2014/2015/2017/2018
Циньшань	6 838	5 438	1985	2014/2015
Фанцзяшань	2 000	2 000	2008	2014/2015
Фуцин	6 000	4 000	2008	2015/2016/2017
Саньмынь	6 600	2 200	2009	2014/2015
Хайян	8 800	2 200	2009	2014/2015
Тайшань	6 640	3 320	2009	2015/2016
Сяньнин	4 400	2 200	2011	2015/2016
Фанчэнган	6 000	2 000	2010	2015/2017/2019
Чанцзян	2 440	1 220	2010	2014/2015
Всего	76 328	40 852		

Составлено по: Nuclear Power in China (URL: <http://www.world-nuclear.org/info/Country-Profiles/Countries-A-F/China--Nuclear-Power>), а также материалам китайских СМИ.

Новая энергетика в Китае опирается на государственную поддержку. Государство спонсирует производство первых 50 образцов нового вида продукции на каждой фабрике. Решения о принципах и направлениях развития отрасли принимаются на высшем государственном уровне. Ядром принятия решений по политике в области возобновляемых источников энергии является Национальный Центр исследования возобновляемой энергетики. Его цель – разработка «дорожной карты развития» альтернативной энергетики. Помимо этого, при участии Госсовета КНР разработана комплексная «Программа по развитию новой энергетики», которая включает не только атомную энергетику, но и использование энергии ветра, солнца, биоэнергетику, технологии «чистого угля», интеллектуальные электрические сети и т.д. Программу предусмотрено реализовать в 2011-2020 гг., и в соответствии с ней Китай в краткосрочной перспективе будет делать основной упор на развитие трех видов энергетики – солнечной, ветровой и геотермальной. При этом не меньшее значение придается развитию гидроэнергетики.

Оценивать прогресс в промышленности можно по сокращению (относительному или абсолютному) добывающих и энергоемких отраслей, что особенно актуально в условиях экологической революции, развернувшейся в современном Китае. Второй год подряд в стране сокращается добыча и импорт угля, производство стали, цемента и т.п. В 2015 г. впервые за десятилетия незначительно, но все-таки сократилась выработка электроэнергии. И хотя структура промышленности остается еще несколько «утяжеленной», впечатляет динамика снижения энергоемкости ВВП. За первые четыре года 12-й пятилетки индикатор сократился на 13.4%, в 2015 г. – еще на 5.6%. По информации Государственного комитета по развитию и реформе (ГКРП) КНР, в ближайшие пять лет потребление угля сохранит отрицательную динамику, прирост потребления электроэнергии не превысит 3%, а рост потребления нефти составит около 3%.

Новый план предусматривает также увеличение объема использования природного газа – до 350 млрд куб. м к концу 2020 г. Согласно данным ГКРР, в первом полугодии 2016 г. потребление природного газа в стране выросло на 9.8%, составив 99.5 млрд куб. м. Выполнение поставленной задачи стало возможным за счет проведения реформы и снижения цен на этот вид топлива.

«Выход за рубеж»

Китайская стратегия «выхода за рубеж» включает в себя взаимодействие с самыми разными иностранными партнерами. В основе сотрудничества с развитыми странами лежит концепция «привлечения к себе» («инь цинь лай»), которая подразумевает привлечение внешних инвестиций для развития ТЭХ внутри страны, включая овладение современными методами управления. Контакты с отстающими или капиталонедостаточными странами строятся Пекином почти повсеместно по формуле – «инфраструктура в обмен на сырье (топливо)» Это дает возможность, во-первых, использовать собственные избыточные мощности в строительстве (а также в металлургии, химической промышленности и т.д.), а во-вторых, создавать зарубежные топливно-сырьевые базы, повышающие возможности страны в обеспечении себя в будущем гарантированными источниками снабжения. Хотя такая схема не раз критиковалась принимающими странами, а также и западными СМИ, она обладает рядом привлекательных черт и неплохо использует объективно сложившееся международное разделение труда.

Учитывая нарастающий дисбаланс между добычей и потреблением газа, Китай завершил работу по открытию для себя четырех главных энергетических коридоров: северо-восточного, северо-западного, юго-восточного, юго-западного.

Одним из приоритетных направлений стратегии «выхода за рубеж» остается развитие континентальных поставок сырья и топлива по северо-западному коридору – из России и государств Центральной Азии (ЦА). Таков, в частности, проект Сахалин-1, который включает месторождения Чайво, Одопту и Аркутун-Даги (северо-восточный шельф Сахалина). Оператор проекта готов продавать газ, добытый на этих месторождениях, Китайской национальной нефтегазовой корпорации (The China National Petroleum Corp., CNPC), и в настоящее время компания Exxon Mobil ведет переговоры о постройке газопровода с Сахалина на материковую часть России и далее – в северо-восточные области Китая. На подходе экспорт природного газа с Сахалина-2 и проектов Восточной Сибири.

Подпитку своей газотранспортной системы КНР собирается также получать из ЦА и России. Это, во-первых, газопровод, который начинается на территории Туркменистана, проходит через Узбекистан и Казахстан и завершается в Хоргосе. Протяженность газопровода – 1833 км. Как ожидается, за год по данному газопроводу будет перебрасываться до 40 млрд куб. м. газа. Во-вторых, это газопровод «Алтай», который, возможно, соединит месторождения Западной Сибири с СУАР. Там он вольется в китайский трубопровод Запад – Восток, по которому газ дойдет до Шанхая. Длина «Алтая» может составить 3 тыс. км. Проект, находящийся в настоящее время на стадии разработки, предполагает использовать в качестве ресурсной базы месторождения Надым-Пур-Тазовского региона, откуда к 2020 г. планируется экспортировать в Китай около 30 млрд куб. м газа.

По юго-западному коридору запущен с 2013 г. Китайско-бирманский нефтегазопровод, который имеет две линии – для нефти и газа. Они от границы Мьянмы проходят в Китае по территории Жуйли и завершаются в Куньмине. Общая протяженность трубопроводов – 2380 км. Проектируемая мощность по нефти, поставляемой с Ближнего Востока и Африки, составляет 22 млн т, по газу (из Мьянмы) – 12 млрд куб. м в год.

Помимо этого КНР получила доступ к иранским углеводородам, и китайские компании инвестирует средства в разработку в Иране нефтяных месторождений. В частности, CNPC является оператором двух крупных месторождений – Северного и Южного Азадегана. Месторождение Ядараван разрабатывает Китайская нефтяная и химическая корпорация (The China Petroleum and Chemical Corp., Sinopec), а Северный Парс – The China National Offshore Oil Corp. (CNOOC), которая подписала контракт с иранцами на сумму в 16 млрд долл. К началу третьего десятилетия этого века станет возможным создание дублирующей, по отношению к среднеазиатской, газотранспортной системы из Ирана в Китай через Пакистан.

Морской коридор (по переброске СПГ) ведется из Африки, Ближнего Востока, Австралии до восточного побережья Китая, где рост потребления в приморских районах привел к большому дефициту газа, что потребует увеличения импорта и дальнейшего развития индустрии СПГ.

Крупнейшими поставщиками нефти в Китай в 2016 г. являлись Россия (52.5 млн т) и Саудовская Аравия (51.0 млн т), далее следовали Ангола, Венесуэла и Ирак, на которые в сумме пришлось более ½ импорта нефти в КНР. За 5 лет импорт Китая вырос на 16.6% (на 54.5 млн т), причем из стран Ближнего Востока – на 33.6% (в основном за счет Ирака на фоне стабильных показателей Саудовской Аравии и Кувейта), тогда как из бывшего СССР – лишь на 16.7%. Правда, в последнее время значение России возросло, так что она вышла на 1-е место (так, в 2016 г. поставки нефти из России в Китай увеличились по сравнению с 2015 г. на 10.1 млн т)¹⁶.

Суммарная добыча природного газа составила в 2016 г. 138.4 млрд куб. м, увеличившись на 1.7% по сравнению с 2015 г. и на 27% за 5 лет. Суммарный импорт за 2016 г. составил около 72.3 млрд куб. м, увеличившись за год на 20.9%, а за последние 5 лет – более чем в 2.3 раза. Зависимость от внешних поставок в 2016 г. превысила 34%, тогда как в 2011 г. она составляла лишь 22.5%. Объемы импорта трубопроводного и сжиженного газа сопоставимы (в 2016 г. – 52.6% и 47.4% соответственно против 56.2% и 43.8% в 2015 г. и 46.3% и 53.7% в 2011 г.). При этом на долю трубопроводных поставок из Туркменистана пришлось более 40% всего импорта природного газа в КНР. Выделялись также Узбекистан и Мьянма. Основными поставщиками СПГ в Китай в 2016 г. были Австралия (22% всего импорта газа) и Катар (9%). Выделялись также Индонезия, Малайзия и Папуа – Новая Гвинея¹⁷.

Взаимодействие Китая со странами ЦА

Энергетическая политика КНР предусматривает не только сокращение разрыва между внутренним производством и потреблением, но и активное участие в международном сотрудничестве. Наиболее важным компонентом этого курса стала политика диверсификации импорта. КНР действует на четырех главных направлениях: в Северной Африке с опорой на Судан, в Западной Африке с опорой на Анголу, на постсоветском пространстве с опорой на Казахстан и в Латинской Америке с опорой на Венесуэлу. После арабских революций традиционные пути доставки Китаю нефти и газа с Ближнего Востока становятся все более опасными и нестабильными. В этих условиях возрастают роль и цена сухопутных энергетических коридоров из ЦА.

¹⁶ BP Statistical Review of World Energy June 2017. P. 24. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf> (accessed 10.07.2017); BP Statistical Review... 2016. P. 18; BP Statistical Review... 2012. P. 18.

¹⁷ BP Statistical Review... 2016. P. 28-29, 34; BP Statistical Review... 2015. P. 28; BP Statistical Review... 2012. P. 28.

Странам этого постсоветского региона необходимы инвестиции для освоения своих нефтегазовых ресурсов, новые рынки сбыта, в то время как Китай нуждается в диверсификации источников энергии. Общие границы, развитие экономики СУАР, стабилизация обстановки в регионе являются дополнительными факторами, формирующими интерес Китая к развитию связей с ЦА¹⁸. Китай при этом уверенно и неторопливо укрепляет в регионе свое влияние, широко и разнообразно использует торгово-экономические связи, предоставление кредитов на льготных условиях, поставки технологий, подготовку кадров и командирование квалифицированных рабочих, инженеров, врачей, технологов. Лидером ЦА по китайским инвестициям и кредитам является Казахстан, за ним (примерно с тройным отрывом) следует Туркменистан. На порядок меньше вложений осуществляет КНР в Узбекистан; совсем скромные показатели у Кыргызстана и Таджикистана¹⁹.

В случае с Казахстаном и Туркменистаном Китай ставит основной целью обеспечение стабильного и долгосрочного доступа к углеводородам. Политика Пекина по усилению своих позиций в нефтегазовых отраслях Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана определяется не столько энергетическими и коммерческими, сколько долгосрочными экономическими и политическими интересами. Освоение китайских инвестиций любого назначения стимулирует товарооборот между КНР и государствами ЦА, а также улучшает ряд макроэкономических показателей стран региона.

Помимо нефтегазовой отрасли, китайцы активны в атомной энергетике (Казахстан), электроэнергетике (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан), а также угольной отрасли (Кыргызстан). Влияние Китая в ЦА постепенно распространяется на Таджикистан и Кыргызстан, которые не имеют промышленных запасов углеводородов, а также на Узбекистан, который, обладает промышленными запасами нефти и газа, но не ориентируется на их масштабный вывоз.

В 2009 г. Китай за кредит в 10 млрд долл. получил один из главных активов Казахстана в нефтяном секторе (на него претендовала российская компания «Газпром нефть») – 49% компании «Мангистаумунайгаз» (ММГ), а также потенциальный доступ к урановым месторождениям. В экспертных кругах Казахстана есть мнение, что Китаем достигнута критическая доля собственности в топливно-энергетическом комплексе республики, но покупки активов продолжаются.

В наращивании китайского экономического присутствия в ЦА создание трубопроводов играет важную роль. С 2009 г. введен в строй экспортный газопровод «Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–Китай» (1800 км). Всего по газопроводу планируется в течение 30 лет поставлять в КНР до 40 млрд куб. м природного газа ежегодно. Газопровод соединил с Китаем все государства ЦА, располагающие нефтегазовыми ресурсами. В Кыргызстане и Таджикистане, территорию которых газопровод пока обошел, промышленных запасов нефти и газа еще не найдено. Причем, помимо Туркменистана, квота которой в газопроводе составляет 30 млрд куб. м, экспорт газа в КНР осуществляют Казахстан и Узбекистан, получившие дополнительный рынок сбыта. Казахстану газопровод позволит улучшить газоснабжение Жамбылской, Южно-Казахстанской и Алматинской областей, зависевших до недавнего времени от поставок узбекского газа.

В 2006 г. был запущен в эксплуатацию трубопровод Атасу–Алашанькоу (962.2 км). Он берет начало на западе в Атасу (Казахстан), заканчивается на востоке на КПП Алашанькоу (СУАР, Китай) и является частью транспортной системы, в которую

¹⁸ Пань Гуан. Указ. соч. С. 102.

¹⁹ Салицкий А.И., Семенова Н.К. Китай в Евразии: обновление приоритетов / Энергетика Евразии: новые тенденции и перспективы. Отв. ред. С.В. Жуков. М.: ИМЭМО. 2016. С. 121-128.

входят каспийские порты и уже действующий нефтепровод Атырау–Самара. По проекту годовая мощность нефтепровода составляет 20 млн т.

Трубопроводная инфраструктура государств ЦА, которая в советский период шла исключительно в северном направлении, в последнее время активно разворачивается на восток. По сути, уже намечены функциональные контуры проекта «пояса» – создание своего маршрута транспортировки энергоносителей и прокладка защищенных информационных каналов. Кроме того, вслед за трубопроводами, проложенными из Китая в ЦА, устремились автодорожная и железнодорожная инфраструктура, заслуживающая отдельного рассмотрения.

* * *

Как показал опыт Китая, инфраструктурное строительство способно не только поддерживать промышленность в трудные времена, но и решать стратегические задачи – в том числе интеграции внутреннего рынка крупной страны. Более того, возможно развертывание крупных инвестиционных программ буквально в считанные месяцы. Колоссальные масштабы китайской экономики (и сдвигов в ней) заставляют задуматься о форсированных (и координируемых с китайской стороной) методах и программах модернизации инфраструктуры восточных (да и не только восточных) регионов нашей страны. А эффект от улавливания будущего спроса в китайском хозяйстве, как представляется, может превзойти самые смелые ожидания.

СОВРЕМЕННАЯ ИНДИЯ: ДИСБАЛАНСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В современном социально-политическом дискурсе по проблемам переходных обществ все чаще встречается идиома «экономический рост 7%+», словно акцентирующая безальтернативность форсированной трансформации их хозяйственных комплексов. Да и сама политическая публицистика интенсивно насыщена экономическими дефинициями. Так, опытный индийский аналитик Радж Ченгаппа отмечает, что экономика стала безотказным политическим барометром. По его мнению, эффективное управление макроэкономическими процессами напрямую влияет на политический тонус общества. «Какими бы методами ни измерять ВВП, он остается на здоровом уровне в 7.65%, что делает Индию, возможно, наиболее энергично развивающейся экономикой в мире, тогда как международная среда пока не создает устойчивых импульсов для ускоренного роста. Можно сказать, что дееспособная экономика управляет большой политикой»²⁰.

Образ «поднимающегося гиганта» присутствует и в сочинениях некоторых представителей «академии». Траектория роста «крупнейшей демократии мира», полагает индийский экономист Арвинд Панагария, предопределена *тремя* главными обстоятельствами. *Первое*: Индия, в отличие от многих обществ Африки и Латинской Америки, не испытала длительных периодов стагнации и/или упадка. Макроэкономические кризисы, когда они случались, были недолговечными, а народное хозяйство довольно быстро возвращалось на путь роста. *Второе*: устойчивая эволюция политических институтов создавала и воспроизводила благоприятные условия для макроэкономической стабильности общества. В свою очередь, логика положительной «корреляции» экономики и политики обеспечивала *поступательное* развитие социума (прерванное за 70 лет суверенитета лишь однажды – во время чрезвычайного положения, длившегося с июня 1975 г. по январь 1977 г. – А.В.), что подтверждает жизненность избранной Индией стратегии развития. *Третье*: сложный национально-этнический, конфессиональный и сословно-кастовый состав населения обусловил выбор системы политического представительства как оптимальной модели государственного управления в Индии. Экономические преобразования в сложносоставном индийском обществе требовали *общенационального* консенсуса. Длительная история энергичного экономического роста в конечном счете определялась сопряжением интересов различных социальных макрогрупп общества и не требовала «революции сверху», то есть авторитарной модернизации, как это имело место в некоторых государствах Восточной Азии²¹.

Изложенные выше соображения имеют, однако, серьезных оппонентов среди сообщества индийских экономистов. Согласно представлениям одного из «патриархов» экономической мысли Индии Прем Шанкара Джха, ускоренный экономический рост (распределяемый *неравномерно* по различным группам населения и территориям) создает реальную угрозу социально-политической стабильности общества и способен «разрегулировать» деятельность институтов, ответственных за обеспечение развития и прогресса в стране²². Свой скепсис

²⁰ Chengappa R. Modi made a strong comeback // India Today. 17.08.2016. URL: <http://indiatoday.intoday.in/story/mood-of-the-nation-india-today-karvy-insights-survey-narendra-modi/1/742910.html> (дата обращения: 02.09.2016).

²¹ Panagariya A. India: the Emerging Giant. New Delhi: Oxford University Press, 2008. P. 3-4.

²² Jha P.Sh. India and China. The Battle between Soft and Hard Power. New Delhi: Penguin-Viking, 2010.

относительно «глобальных перспектив» Индии один из крупнейших экономистов современности Пранаб Бардхан обосновывает следующим образом: «Гетерогенное общество, изрешеченное социально-экономическим неравенством и конфликтами, затрудняет коллективные действия по организации долговременной стратегии [общественных] перемен и воздвигает популистские преграды долгосрочным инвестиционным программам и реформам [как таковым]... В Индии институты демократии и самоуправления на низовом уровне все еще недостаточно развиты: регулярные выборы на уровне дистрикта и ниже не сопровождаются [институционализацией] ответственности органов власти перед народом...»²³. Несколько ранее тезис о «гетерогенной социально-экономической структуре» как о препятствии для построения *межпартийного* консенсуса относительно долгосрочных целей развития Индии выдвинул еще один корифей экономического анализа – Балдев Радж Найяр²⁴.

В этой связи закономерен вопрос: в чем причина/причины столь сдержанного отношения к перспективе непрерывного форсированного экономического роста в Индии в обозримом будущем? Попутно рождается еще одна загадка, на сей раз более конкретная: а нет ли в самой социально-экономической структуре Индии неких «встроенных»/имманентных механизмов, затрудняющих преобразование ее дуалистической природы даже с помощью механизмов современного индустриального роста?

Диалектика «дуалистического» экономического роста

В начале 1980-х годов вышло комплексное исследование (в 2-х томах), посвященное общей характеристике и отраслевому строению индийской экономики. Руководитель авторского коллектива Г.К. Широков обращал тогда внимание на следующие *исторические* особенности народнохозяйственного комплекса Индии: ограниченная поглощающая способность индустриально-капиталистических укладов; слабая межотраслевая интеграция; территориальная разорванность цикла воспроизводства; поляризованный характер производственного процесса; гипертрофия сферы обращения и «традиционных» (до- и раннеиндустриальных) услуг; широкое распространение *докапиталистического* найма в сельском хозяйстве и т.д. Отсюда следовал вывод о необходимости «деятельности государства по преодолению дезинтеграции» в ее различных ипостасях²⁵.

Императивы интеграции социально-экономической структуры предполагали выяснение причин рассогласованности развития различных сегментов хозяйственного организма страны. В специальной литературе отмечалось: в хозяйственном механизме Индии сохраняются дезинтеграционные тенденции, однако это «не абсолютная разобщенность различных подразделений экономики, а отсутствие развитых обратных связей между ними»²⁶.

Можно сказать, что Индия пока не преодолела переходный период своего развития, политэкономическое содержание которого – в *дуализме* национальной хозяйственной системы, который проявляется в сохраняющейся *рассогласованности* эволюции города и деревни. Сельская экономика зачастую не может абсорбировать современные индустриальные формы производства, и эта недостаточная

²³ Bardhan P. Awakening Giants, Feet of Clay. Assessing the Economic Rise of China and India. Princeton-Oxford: Princeton University Press, 2010. P. 126.

²⁴ Nayar B.R. The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development. New Delhi: Oxford University Press, 2005. P. 238.

²⁵ Экономика Индии: общая характеристика. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980. С. 5-16.

²⁶ Колонтаев А.П. Проблема занятости в развивающейся экономике. Опыт независимой Индии. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. С. 27.

«поглощающая» способность в итоге отражается на темпах промышленного роста, динамике накоплений, утверждении современных форм занятости и т.п. Дуализм в построении доиндустриальной экономики, как показал А.П. Колонтаев, возник в доколониальный период, а отношения «метрополия – колония» лишь усугубили дезинтеграционные тенденции в развитии хозяйственного механизма. Далее, прочность традиционной системы разделения труда, развитость *внутридеревенских* связей сдерживают темпы перехода к индустриальному типу воспроизводства и – можно сказать – поддерживают дисбалансы социально-экономического развития страны. Данные дисбалансы воспроизводятся и неравновесностью (деревня – город) социально-демографических процессов в стране.

Освобождение от *исторического* бремени традиционных социальных отношений отстает от требуемой форсированной модернизации экономики, а победа индустриального способа производства «в масштабе всей экономики всегда связана с изменением прежних, ... докапиталистических производственных отношений». В отличие от траектории и характера становления капитализма на Западе, в Индии «не было, да и не могло быть, этапа *внутренних* (курсив мой – А.В.) взрывов против своей системы традиционных социально-экономических отношений». Основная энергия движения за суверенитет была направлена против внешней силы – Британского Раджа и «не сопровождалась глубокой перестройкой собственной сферы социально-экономических отношений в обществе. В результате в Индии не был открыт простор для развития производительных сил в том масштабе и в той степени, которых требует капиталистический способ производства»²⁷.

Победе над социально-экономическим дуализмом индийского общества препятствует еще одно обстоятельство *исторического* происхождения. Так, складыванию единого рынка рабочей силы в стране мешает сохранение кастового строя, особенно в индийской деревне. Более того, мигранты, переселяющиеся в крупные города, воспроизводят кастовые связи и отношения, что препятствует становлению социально-профессиональной структуры индустриального профиля даже в метрополитенских центрах. Кастовая солидарность помогает бывшим селянам *культурно* адаптироваться в городском обществе. Переселенец, в лучшем случае, существует в городе одновременно в двух разностадиальных ипостасях – *современной* (на рабочем месте) и в *традиционной* (в кругу семьи и друзей, выходцев из того же кастового кластера). Помимо этого, «раздвоение личности», социально-культурный дуализм стимулирует в современных промышленных и административных центрах Индии сосуществование в производстве, торговле, кредитовании и т.д. двух видов экономической активности населения – индустриального и традиционного (до- и раннеиндустриального). Наконец, *дуалистическая* структура общества и экономики обладает собственной логикой и динамикой развития²⁸.

Поляризация/дуализм социально-экономической структуры общества напрямую влияет и на размещение производительных сил в Индии, на географию хозяйства этой страны. Понятно, что индустриализация (как важная часть модернизации общества), «зеленая революция» (по сути дела, сайентификация аграрного сектора), искоренение нищеты и безработицы имеют как отраслевые, так и региональные измерения. Индия существует не как некое среднестатистическое общество, а как *сложносоставной* социум, части которого находятся на различных стадиях социально-экономической эволюции: от функционирующих по законам простого воспроизводства сельских общин (находящихся на почтительном удалении от современных процессов) до высокоразвитых форм экономической организации,

²⁷ Там же. С. 49-50.

²⁸ Там же. С. 59-60.

порой более плотно связанных с мировым хозяйством, чем с хинтерландом/общественной периферией собственной страны. И хотя в ходе форсированного индустриального развития формируется и углубляется географическое разделение труда, конституируются районообразующие «ядра», испускающие модернизационные импульсы по территориальному пространству Индостана, продолжается процесс становления индийского «суперэтнуса», сила *исторической инерции* требует сознательных усилий по преодолению дуализма/дезинтеграции социально-экономической структуры страны. Устранение диспаритетов в географии хозяйства остается одной из наиболее важных *политических* задач для правящих кругов Индии.

Издревле города (как свидетельствует опыт Западной Европы) были и плацдармами индустриальной эволюции, и катализаторами сопутствующих социальных перемен. В Индии, как и в других крупных странах Азии, еще в колониальный период возникли «линии проникновения» влияния метрополий, расходящиеся «от портовых городов-приматов» (Бомбея, Мадраса, Калькутты – А.В.). Аналогичным образом формировались «анклавные капиталистические формы социально-пространственной организации общества, окруженные морем полутрадиционной системы расселения, включающей в себя как сельские, так и городские районы»²⁹. В настоящее время в Индии, как отмечала в середине 1970-х годов видный экономгеограф Г.В. Сдасюк, процесс концентрации промышленности и других сфер и факторов современной жизнедеятельности усиливается тем, что «города имеют слабые производственные функции: промышленное развитие укрепляет экономическую основу их существования, происходит как бы «индустриализация урбанизации» ... даже наиболее промышленно развитые районы страны, тяготеющие к главным морским портам, находятся в стадии активного формирования – подведения тяжелоиндустриальной базы под существующие отрасли легкой промышленности»³⁰.

Одним из краеугольных оснований преодоления дуализма/дезинтеграции социально-экономической структуры в Индии остается государственная политика развития *промышленно-территориальных образований*. Среди последних наиболее зрелыми выступают *промышленные районы*, обладающие, по определению И.М. Маергойза, следующими принципиальными характеристиками: 1) значимой ролью во внутригосударственном разделении труда за счет четко выраженной специализации и качества и количества производимой продукции; 2) высокой степенью диверсификации региональной хозяйственной структуры; 3) значительной территорией с развитой сетью городских поселений, функционирующих по принципу *горизонтальной* взаимозависимости³¹. В Индии критериям подобной характеристики в принципе отвечают три промышленно-территориальных образования, сформировавшихся на основе «метрополитенских» портовых центров: Калькуттско-Дамодарский район, Бомбейско-Ахмадабадский и находящийся в процессе формирования Южно-Индийский под «руководством» Мадраса³² и Бангалора.

Безусловно, колониализм *видоизменил* экономико-географическую конфигурацию хозяйства современной Индии. По мнению Р.В. Дмитриева, «центр тяжести развития городов сместился на побережье (то есть в Бомбей, Мадрас,

²⁹ Город в формационном развитии Востока. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1990. С. 197.

³⁰ Сдасюк Г.В. Индия. География хозяйства. М.: Мысль, 1975. С. 177-178.

³¹ Там же. С. 181.

³² В 1990-е годы исторические названия Бомбея, Мадраса и Калькутты были изменены на Мумбаи, Ченнаи и Колкату.

Калькутту – А.В.) при практически полной стагнации этого процесса внутри страны. Это перечеркнуло все достижения индийской цивилизации на пути усложнения процесса урбанизации. В дальнейшем показатель урбанизированности рос весьма медленно, Индия оставалась преимущественно сельской страной с, по сути, «убитыми» городами»³³. Подобное утверждение выглядит излишне категорично, поскольку накануне колониального завоевания на Индостане *в принципе* не сложились условия для *межформационного перехода* к индустриально-капиталистическому способу производства. (Подобной точки зрения придерживаются такие авторитеты историко-экономической «гильдии», как В.И. Павлов и Ф. Бродель. Однако позитивной оценки заслуживают и взгляды на генезис капитализма в Индии А.И. Чичерова, Э.Н. Комарова и некоторых других видных индологов.) В сущности, идею о *несформированности* в Индии исторических предпосылок капитализма поддерживает и Г.В. Сдасюк (опираясь очевидно на выводы и заключения специалистов-исследователей социальной структуры и общественных функций средневековых индийских городов – К.А. Антоновой и К.З. Ашрафян, которые рассматривают «доколониальные» города как центры преимущественно административной и традиционной/докапиталистической экономической деятельности). Но и Г.В. Сдасюк, и Р.В. Дмитриев едины в главном: интенсивность импульсов, определяющих радиусы «концентрических кругов» индустриального развития, пока недостаточна, чтобы покрывать своим влиянием все экономическое пространство Индии.

Именно недостаточная сила, разгоняющая «волны» индустриализации, стала одной из главных причин дисбалансов социально-экономического процесса в Индии, которые проявляются в: 1) сохранении «поляризованной» модели хозяйства; 2) неравномерности развития штатов и территорий; 3) наличии обширных хинтерландов, само существование которых мешает проникновению в «поры» индийского общества отношений и институтов современного капиталистического производства; 4) недостаточной для *самоподдерживающегося* роста «горизонтальной» интеграции территорий и расположенных на них производственных единиц.

Дисбалансы, унаследованные от прошлого, продолжают воздействовать на социально-экономические процессы в стране. Так, административно-территориальные единицы (штаты) с наиболее низким уровнем *урбанизированности* (51% всего населения Индии и 34% городских жителей страны) являются серьезным «тормозом» динамизации экономического роста, распространения городского образа жизни и культуры. Прежде всего речь идет о штатах «пояса хинди», как-то: Уттар-Прадеш, Раджастан, Мадхья-Прадеш, Чхаттисгарх, Бихар, Джаркханд, Уттаракханд, Химачал-Прадеш. Для этих штатов характерны высокие темпы демографических процессов (особенно в среде «низов» традиционной сословно-кастовой иерархии), низкий (по отношению к «средневзвешенным» показателям по стране) уровень жизни и грамотности, консервативно-«стационарный» тип социально-экономической эволюции. Особо значимо для нашей темы то обстоятельство, что в крупнейших по количеству населения штатах Индии – Бихаре и Уттар-Прадеше (прежде всего в восточной части последнего) границы между городской и сельской культурой чрезвычайно подвижны, а порой и вовсе неразличимы. По образному выражению Р.В. Дмитриева, в этих штатах (особенно в Бихаре) современные города представляют собой небольшие островки в безбрежном «океане» сельского образа жизни³⁴. В населении

³³ Дмитриев Р.В. Опорный каркас расселения и хозяйства современной Индии. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 51.

³⁴ Там же. С. 56-57.

данных штатов высока доля «зарегистрированных» племен и каст – наиболее отсталых в социально-культурном отношении групп индийского общества. За этой группой штатов утвердилась характеристика своеобразного «балласта», то есть средоточия всех «кричащих» проблем и противоречий современной Индии.

В штатах Карнатака, Западная Бенгалия, Андхра-Прадеш, Харьяна и Пенджаб, образующих вторую группу административно-территориальных образований, выше и уровень жизни, и доля горожан в составе населения. Помимо этого, в Пенджабе и Харьяне, почти на 2/3 пополняющих фонд продовольственного зерна в стране, эффективность аграрного производства выше, чем в фермерских хозяйствах штатов Среднего Запада США. В настоящее время бурно развивается и диверсифицируется городская экономика Пенджаба и Харьяны.

Третья группа включает в себя наиболее экономически «продвинутые» штаты, к которым относятся Махараштра, Гуджарат, Керала, Тамилнаду, а также национальная столичная территория Дели, объект туристического паломничества штат Гоа и выпадающий из общего контекста Северо-Востока штат Мизорам (об этом речь впереди)³⁵.

Статистические службы Индии и ООН фиксируют положительную тенденцию: масштабы распространения бедности по стране неуклонно снижаются³⁶. Однако это лишь один из аспектов преодоления диспаритетов социально-экономического развития Индии. Ликвидация внутри- и межрегиональных дисбалансов предполагает, помимо прочего, выравнивание темпов экономического роста различных административно-территориальных образований, прежде всего штатов. Пока же тенденция такова, что экономически «продвинутые» штаты развиваются быстрее, чем штаты-«аутсайдеры». Именно усугубление социально-экономических дисбалансов (при наличии в Индии политической системы *открытого* типа) чревато политическими кризисами уже в *среднесрочной* перспективе.

Поляризованный тип развития (или «дуалистический рост», если воспользоваться академической идиомой А. Гершенкрона) – это обобщенное, экономико-географическое проявление дисбалансов в жизнедеятельности общества. При исследовании Индии чрезвычайно важны «детали», то есть конкретные проявления социально-экономических диспаритетов. Для целей данной работы целесообразно выделить два ареала: 1) «стационарный» Центр и 2) «отъединенный» от основной части субконтинента Северо-Восток.

Бихар и Уттар-Прадеш: штаты-гиганты в поисках роста и развития

В академических исследованиях социально-экономических процессов в Индии штат Бихар нередко называют «средоточием» всех проблем страны. В подобной позиции есть определенная логика. Штат Бихар занимает около 3% географического пространства Индии, здесь проживает примерно 9% всего населения страны (немногим менее 110 млн человек). Бихар – это наиболее густонаселенный и одновременно наименее урбанизированный штат Индии: горожане составляют всего 11% населения.

До недавнего времени Бихар входил в категорию штатов наиболее «вялого» экономического роста. Впрочем, в последнее десятилетие темпы роста определенно

³⁵ Приведенная классификация штатов Индии – не единственная. Согласно Докладу о комплексном исследовании состояния индийских штатов (2013 г.), в группу наиболее «продвинутых» территорий не попал Гуджарат, тогда как Пенджаб и Харьяна, а также Уттаракханд (последний переведен из «низшей» категории) были включены в «высшую лигу». В группу *среднеразвитых* штатов включены: Манипур, Нагаленд, Мизорам, Трипура, Сикким (все – от Северо-Востока), Джамму и Кашмир, Химачал-Прадеш (см. Hindustan Times. 26.09.2013).

³⁶ Дмитриев Р.В. Указ. соч. С. 124.

ускорились, достигая в отдельные годы 10% в годовом исчислении. Тем не менее Бихар продолжает пребывать в группе наименее экономически развитых штатов: с самыми низкими величинами подушевого дохода и, как следствие, наиболее широким распространением бедности по стране.

Дисбалансы социально-экономического развития в настоящее время проявляются в сохранении существенных элементов традиционной системы землепользования и занятости, что имело (и имеет) следствием массовые миграции сельских тружеников (главным образом из северных дистриктов Бихара) в более динамично развивающиеся северо-западные штаты (запад Уттар-Прадеша, Харьяна), с одной стороны, и радикализацию массовых настроений крестьянства южных дистриктов Бихара – с другой.

Повышение темпов экономического роста здесь принято связывать с активным развитием транспортных коммуникаций внутриштатовских товарных потоков, а также со своеобразным строительным «бумом» последних нескольких лет. Тем не менее дисбалансы социально-экономического развития выпукло проявляются в неравномерности «наполнения» ВВП штата различными видами деятельности: если на агросферу падает примерно 1/5 ВВП (при занятости 62% от всего самодостаточного населения), то на промышленность и услуги (в значительной части *традиционного* характера) приходится соответственно 20% (16.6% занятых) и 60% (21.6% занятых)³⁷.

Недостаточная диверсификация хозяйственной системы проявляется, в частности, в низкой продуктивности общественного труда: в промышленности производительность одного работника составляет лишь половину от общеиндийской, тогда как в аграрном секторе – около 70%. Несмотря на энергичный экономический рост в последнее десятилетие, уровень бедности в штате составляет 54%, тогда как среднестатистический показатель по стране существенно ниже – 32%. Показатели социального и «человеческого» развития также уступают общеиндийским³⁸. Считается, что важным ресурсом экономического роста и развития могло бы стать совершенствование деятельности институтов государственного управления в Бихаре.

Важным фактором социально-экономических дисбалансов в Бихаре остается характер аграрных отношений, опирающийся на кастовую *иерархическую* организацию, поддерживающую (силой традиции) социальное неравенство и диспаритет *классового* происхождения (за счет воспроизводства докапиталистической системы землепользования). За последние три десятилетия процесс обезземеливания активно продолжался, особо затронув своеобразное «дно» традиционного сословно-иерархического общества – низшие касты и социально уязвимые слои мусульманской общины. Рыночные же отношения принесли наибольшие выгоды средним (то есть земледельческим) кастам, в частности *ядавам*. К тому же доступ к кредитным ресурсам реально имеют лишь преуспевающие домохозяйства.

Диверсификации рынка труда в Бихаре препятствует как недостаточно развитая система образования, так и неравноправный доступ к ее институтам, прежде всего для представителей низших каст и мусульман. Росту эффективности труда в аграрном секторе мешает и система оплаты его результатов: ее базовый минимум составляет около 100 рупий, или 1/5 долл. США в день.

В последние десятилетия значительно интенсифицировались потоки трудовой миграции из сельских районов Бихара, причем этими процессами в большей степени

³⁷ Social and Economic Change in Rural Bihar and the Emerging Policy Framework. Summary of the Main Findings. New Delhi: Institute for Human Development, 2012. P. 5-6.

³⁸ Ibid. P. 6.

были затронуты депрессивные северные дистрикты штата. Миграционные потоки направляются, как правило, в города за пределами Бихара. Преобладающая часть мигрантов – мужчины, причем около $\frac{3}{4}$ всех мигрантов – это мужчины в возрасте 15-35 лет³⁹. Миграции имеют продолжительность от 3 до 8 месяцев (более 90% от общей численности). В северных дистриктах среди мигрантов абсолютно преобладают безземельные крестьяне. Около 60% мигрантов – лица, либо не имеющие образования, либо обладающие лишь его элементарными признаками. Миграции имеют *двойные* последствия. С одной стороны, они выступают своеобразными «катализаторами» социальной мобильности среди женской части населения. С другой стороны, миграция наиболее мобильной части рабочей силы (и это обстоятельство, пожалуй, выступает в качестве основного фактора) имеет неизбежным следствием консервацию социальной структуры и сохранение дезинтеграции хозяйственного механизма, что препятствует «выправлению» дисбалансов экономического развития в одном из наиболее населенных штатов.

Дисбалансы проявляют себя и в *социальных* показателях развития. В последнее время в Бихаре значительные группы сельского населения были вовлечены в сферу воздействия социально-экономических программ, спонсируемых как федеральным центром, так и властями штата. Данные программы охватывают такие сферы деятельности, как расширение занятости, повышение эффективности помощи «ущербным» группам населения, развитие здравоохранения и защиты от болезней, обеспечение жильем, повышение качества и доступности образования, специальные программы поддержки молодых женщин и т.д. Вместе с тем в Бихаре, особенно в его северных дистриктах, актуальной остается проблема чистоты питьевой воды (нередко насыщенной железистыми микроэлементами). Противоречиво и состояние образовательных программ. С одной стороны, государственные (федеральные и штатовские) программы образования стимулировали взрывной рост элементарной грамотности среди женщин и представителей низких каст и мусульман. С другой стороны, 8% детей в возрасте от 8 до 14 лет не посещают школьные заведения, а 16% делают это на нерегулярной основе. Общий уровень грамотности в Бихаре до сих пор составляет около 69%. Не менее трудной проблемой остается *качество* образования и сохраняющаяся нехватка школьных помещений.

Продуктивность экономики штата Бихар, несмотря на очевидные достижения последних десятилетий, остается ограниченной. Преодоление диспаритетов развития и ученые, и эксперты видят в экстренном введении в действие программ ирригации по всему штату, в незамедлительном повсеместном обеспечении жителей электроэнергией (не только для бытовых и производственных нужд), качественном расширении доступа к недорогому *институциональному* кредиту, особенно для мелких и средних агрохозяйств. Особо подчеркивается необходимость выработки всеобъемлющего, системного подхода к социально-экономическому развитию штата в целом. Иначе говоря, и ученые, и практики едины в отстаивании институционализации *стратегии развития* штата, учитывающей особенности исторической эволюции социально-экономической структуры Бихара.

Частью стратегии развития специалистам видится система мер, включающая: 1) упорядочение миграционных потоков; 2) «урбанизацию» профессионального профиля части рабочей силы; 3) развитие организованных рынков агропродукции в городах Бихара; 4) расширение государством системы профессионально-технического образования с перспективой использования выпускников в различных отраслях хозяйства штата, прежде всего в агросфере; 5) осуществление политики,

³⁹ Ibid. P. 12.

способной изменить традиционное социально приниженное положение женщин в бихарском обществе и тем самым ослабить «скрепы» сословно-кастовой системы/иерархии в одном из наиболее отсталых штатов Индии.

Взаимопереплетение и сложное взаимодействие факторов *историко-культурного* (институционального), экономического и политического происхождения предопределяет и траекторию общественного развития соседнего – и крупнейшего по числу жителей – штата Индии – Уттар-Прадеша (особенно его восточных, наименее развитых дистриктов) с населением более 200 млн человек (при этом пятое место по размерам территории среди индийских штатов). Как и в Бихаре, в Уттар-Прадеше внутри- и межкастовая иерархическая организация препятствует консолидации социально-профессиональных групп крестьянства на *современной* основе общности интересов, оказывает тормозящее влияние на экономический рост, образуя таким образом «заколдованный круг» причинно-следственных связей, который, в свою очередь, мешает преодолению дезинтеграции внутрихозяйственного механизма и, наоборот, консервирует (как и в Бихаре) дисбалансы и диспропорции социально-экономической структуры.

Некоторые авторы отмечают: консервации социальной структуры и поддерживающих ее институциональных механизмов *косвенно* способствовала и политика индустриализации Индии после завоевания суверенитета, поскольку значительный объем материальных ресурсов направлялся в т.н. «современный» сектор экономики, что сдерживало процессы модернизации сельского хозяйства и аграрных отношений. Естественная нехватка ресурсов перекрывала каналы для инвестиционной деятельности, адекватного современным требованиям развития инфраструктуры, обостряла отношения по линии *центр – штаты*, поддерживала высокий накал социальных «страстей» и политической борьбы в двух наиболее населенных штатах Индии⁴⁰.

Повышение темпов экономического роста в Бихаре в последние годы специалисты склонны связывать с действием факторов *политического* происхождения: повышением культуры и качества управления властями штата, включая жесткое внедрение принципов «закона и порядка» – пресечение актов насилия, систематическое противодействие коррупции и nepотизму, жесткий контроль за эффективностью государственного аппарата, сознательную линию на преимущественное социокультурное и экономическое развитие «низов» общества, то есть представителей низших каст и мусульман. Уверенность предпринимателей в предсказуемости дальнейшего курса правительства штата значительно улучшила перспективы привлечения инвестиций, а значит, и экономического роста в Бихаре. Динамичное развитие этого штата, в свою очередь, создало благоприятные предпосылки для направления ресурсов в экономику штата со стороны центрального правительства, объем которых в последние годы увеличился более чем в 10 раз. Инвестиции центрального правительства значительно ускорили темпы строительства дорог, мостов и подземных каналов.

Напротив, ухудшение качества управления обостряет внутреннюю ситуацию в Уттар-Прадеше, повышает вероятность открытых конфликтов между различными социально-политическими слоями. Эксперты выделяют *четыре* главных причины прогрессирующей деградации положения в крупнейшем штате Индии. *Первое*: политизация процесса административного управления подрывает авторитет власти и снижает действенность принимаемых (и реализуемых) ею решений. *Второе*: нескоординированность (переходящая в «фрагментацию») процесса административного управления имеет следствием усиливающуюся

⁴⁰ Rasul G., Sharma E. Understanding the poor economic performance of Bihar and Uttar Pradesh, India: a macro-perspective // Regional Studies, Regional Science. 2014. Vol. 1. №1. P. 234.

неподконтрольность обществу бюрократии и чиновничества, что неизбежно отражается на эффективности политического управления в Уттар-Прадеше. *Третье*: неоправданное разрастание (иначе говоря, гипертрофия функций) аппарата управления еще более усиливает нагрузку на штатовский бюджет и ограничивает возможности использовать финансовые ресурсы целевым назначением. *Четвертое*: нерачительное распоряжение финансовыми ресурсами ставит под сомнение способность властей штата осуществлять эффективную политику по искоренению бедности⁴¹. В свою очередь, социально-политическая нестабильность, не оставляющая Уттар-Прадеш с середины 1980-х годов, усиливает политизацию массовых слоев населения и подрывает *легитимность* властей штата. Продолжение политики «непротивления» существующим дисбалансам и противоречиям может – в своей кульминационной точке – привести к неконтролируемому социальному взрыву.

Проблему социально-экономических дисбалансов усугубляет энергичное развитие демографических процессов: в 2017 г. население Уттар-Прадеша может превысить 225 млн человек. В последнее десятилетие экономический рост в штате достиг 6% в годовом исчислении, однако подушевой доход (отчасти под воздействием демографического «прессинга») находится практически в «стационарном» состоянии, он значительно отстает от показателей Гоа, Дели, Харьяны, Махараштры, Пенджаба, Тамилнаду. По объему инвестиций (прежде всего частных) Уттар-Прадеш по-прежнему отстает от развитых и среднеразвитых штатов.

Для многих индийских экономистов крупнейший штат страны остается территорией *потенциально* значительных возможностей. Тем не менее сохранение «вопиющих» внутрирегиональных различий («фермерский запад» – «традиционалистский восток») требует квалифицированной *интервенции* государства, ибо только *развитие* (или, как сейчас принято говорить, «инклюзивный» рост) способно решить проблемы и социально-экономических дисбалансов, и политического спокойствия. Главным фактором преодоления дезинтеграции, по общему мнению, выступает массированное инвестирование всевозможных ресурсов в *человеческий капитал* (то есть в знания и умения человека, способного впоследствии реализовать свои профессиональные качества в производственном процессе), однако реализация этой цели остается делом неблизкой исторической перспективы.

«Отшельники» Северо-Востока: оптимизация политической географии

Северо-Восток – это территория в 262.230 кв. км, на которой проживают около 40 млн человек и включающая в себя *восемь* штатов: Ассам, Аруначал-Прадеш, Манипур, Мегхалайя, Мизорам, Нагаленд, Сикким, Трипура. Зарубежными соседями Северо-Востока являются пять государств: Бангладеш, Бутан, Китай, Мьянма, Непал. Линия государственной границы имеет в этой части Индии протяженность около 4500 км. Важное значение для развития этих штатов имеет фактор политической географии: Северо-Восток связан с «материковой» Индией узким «коридором» шириной 29 км, иногда иронически именуемым «цыплячьей шеей». Регион утратил физико-географическую «соединимость» с остальной территорией Индии в 1947 г., после образования двух независимых государств – Индии и Пакистана. Последний первоначально позволял использовать свою территорию для нужд транзита, однако после очередной индо-пакистанской войны 1965 г. Северо-Восток оказался в своеобразной геополитической изоляции.

⁴¹ Pal R. Socio-Economic Development of Uttar Pradesh // International Journal of Economics, Finance and Management. 2014. Vol. 3. №5 (August). P. 216.

Центральное правительство в Дели предпринимало многочисленные попытки прекратить «отшельничество» Северо-Востока. Одной из них стала «восточная политика» Индии («Look East Policy»), которая осуществляется с 1992 г. Смысл этой политики заключен в том, чтобы через активизацию внешнеэкономических связей Северо-Востока со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА) ускорить в этом географически изолированном регионе Индии экономический рост, в том числе за счет интенсификации инвестиционных потоков из-за рубежа.

Всерьез влияние «восточной политики» на данный регион начинает чувствоваться с начала XXI века, после создания в 2004 г. федерального министерства по делам северо-восточных штатов. Целью данного государственного института было формулирование задач по «воссоединению» региона с остальной Индией, создание стратегии развития данной территории на обозримую перспективу для «подтягивания» уровня ее социально-экономического развития до средневзвешенных общеиндийских показателей. В июле 2008 г. был обнародован официальный документ «Северо-Восточный регион: видение-2020». В нем определялись основные цели развития Северо-Востока на среднесрочную перспективу, в числе которых можно выделить: стимулирование процессов «зеленой революции» (выращивание высокоурожайных сортов риса, пшеницы, овощей и фруктов тропического происхождения и т.п.); модернизацию инфраструктуры аграрного сектора; проведение стимулирующей сельскохозяйственное производство реформы землепользования; модернизацию транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры; интенсификацию внешнеэкономических связей с соседними государствами Южной и Юго-Восточной Азии и т.д. Можно сказать, что регион превращался в *опорную территорию* осуществления «восточной политики» Индии.

Специалисты признают: Северо-Восток, с учетом незначительного по индийским меркам демографического потенциала, обладает определенными ресурсами для энергичного экономического роста. Однако реализовать потенциал развития (и тем самым уменьшить социально-экономические дисбалансы по отношению к «материковой» Индии) возможно при исполнении двух предварительных условий: 1) форсированного «воспитания» высококачественных трудовых ресурсов (что трудноосуществимо без массивной финансовой и институциональной поддержки федерального центра, то есть государства); 2) создания современной транспортной и промышленной инфраструктуры, включая энергетику. Помимо того, интенсификация интеграционных процессов с «остальной» Индией требует беспрепятственного доступа северо-восточных штатов к внутренней водно-транспортной инфраструктуре Бангладеш и использования портов этого государства для связи с «материковой» Индией и внешним миром.

Рост и развитие предполагают, среди прочего, выравнивание дисбалансов социально-экономического характера внутри самого Северо-Востока. Между тем в регионе сохраняется неравномерность развития. Так, если такие штаты, как Сикким, Мизорам, Аруначал-Прадеш, Трипура и Мегхалайя развиваются относительно динамично, то Ассам, Манипур и Нагаленд, хотя и имеют положительные показатели экономического роста, продолжают отставать от общеиндийской динамики⁴². Несмотря на улучшение показателей экономического роста в последние пять-семь лет, существенного повышения подушевого дохода в штатах Северо-Востока пока не отмечено. Сохранение диспаритетов регионального развития наглядно проявляется, например, в том, что Сикким и Аруначал-Прадеш стоят выше общеиндийских показателей, тогда как остальные штаты Северо-Востока пока не могут достигнуть среднего уровня⁴³.

⁴² India's North-East and Asiatic South-East: Beyond Borders. Chandigarh: CRRID, 2015. P. 17.

⁴³ Ibid. P. 22.

Целесообразно отметить и роль транспортных проектов в эвентуальном повышении темпов экономического роста во всем северо-восточном регионе. Такого рода проекты с участием Бангладеш и Мьянмы пока не реализованы. Связано подобное положение, в частности, с тем, что обстановка на значительной части территории Северо-Востока все еще остается беспокойной, что препятствует притоку столь необходимых региону инвестиций. (Для частных инвесторов политическая стабильность остается одним из главных условий деятельности.) Мешает экономическому росту и практика осуществления проектов на неолиберальных принципах, что нередко приводит к ограничению участия в инвестиционных начинаниях *местного* населения. «Дискриминация», как ее понимают коренные жители северо-восточных штатов, имеет следствием рост социально-политической напряженности.

Определенные надежды центральные власти Индии возлагают на активизацию экономического роста в северо-восточных штатах страны за счет развития внешнеэкономических и инвестиционных связей с государствами Юго-Восточной Азии (как части «восточной политики» Индии). К традиционному «набору» отраслей сотрудничества (инфраструктурные проекты, энергетика, нефтегазовый кластер, добывающая промышленность) обычно добавляют «индустрию гостеприимства», полагая, что туризм и отдых могут привлечь капиталы и гостей из ЮВА. Однако прежде чем превратиться в экономические «ворота» Индии в АСЕАН, Северо-Восток должен, с одной стороны, войти в режим самоподдерживающегося роста (что представляется задачей более или менее отдаленной перспективы), а с другой – стать не менее привлекательной инвестиционной площадкой, чем, скажем, Малайзия или Таиланд (не говоря о Сингапуре или Гонконге).

Видимо, определенным препятствием на пути энергичного экономического роста Северо-Востока остается группа факторов *геополитического* происхождения, и прежде всего сложные взаимоотношения между двумя азиатскими «гигантами» – Индией и Китаем. Логика поведения двух сверхкрупных государств на данном, внешнеполитическом направлении выглядит следующим образом. Пекин рассматривает «восточную политику» Дели как стремление к «сдерживанию» Китая в Юго-Восточной Азии и как составную часть американской стратегии по «изоляции» КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Со своей стороны, Дели усматривает в некоторых аспектах китайской политики скрытое желание окружить Индию в регионе Южной Азии поясом недружественных государств и тем самым ограничить свободу действий последней в бассейне Индийского океана. Что касается позиции стран-членов АСЕАН в отношении внешнеполитической деятельности в зоне «Южных морей», то государства ЮВА предпочитают видеть здесь Индию в качестве своеобразного противовеса влиянию Китая. Таким образом, хотя и косвенно, легитимируется индийская «восточная политика», а Северо-Восток рассматривается как один из важных «инструментов» ее реализации. Впрочем, судьба Северо-Востока напрямую зависит от *экономической действенности* «восточной политики» Индии. А на этом «театре» усилий экономической дипломатии у Индии возникли (и сохраняются) определенные проблемы. Так, американский автор Лавина Ли полагает: «Индии еще предстоит зарекомендовать себя «незаменимым» партнером для стран Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии». Эффективность индийского хозяйственного механизма напрямую влияет и на действенность внешнеполитической линии Дели в регионе АТР: «Наиболее разочаровывающим аспектом «восточной политики» Индии остается [незначительная] ее вовлеченность в экономические взаимоотношения в регионе ... взаимные товарные потоки с Японией и Южной Кореей остаются ограниченными, и в настоящее время Индии предстоит серьезно увеличить свой экспорт на рынки основных государств Азии. ...

значительные дисбалансы в [торгово-экономических] отношениях с государствами региона (то есть АТР – А.В.) далеки от идеальных»⁴⁴.

Считается, что отсутствие желаемых результатов системной модернизации экономики северо-восточных штатов проистекает и из группы так называемых субъективных факторов. Иначе говоря, из несформированности стратегических целей и задач модернизации Северо-Востока для всей Индии, из отсутствия сопряжения планов преобразования штатов-«отшельников» и общей стратегии развития страны. Для Северо-Востока смысл этой стратегии состоит, в частности, в том, чтобы преодолеть разбалансированность развития экономики, прежде всего за счет развития капиталоемкого аграрного сектора. Сельскохозяйственное производство требует высококвалифицированных кадров, с одной стороны, и активного внедрения методов современной аграрной науки – с другой. Иными словами, и федеральные, и штатовские власти предполагают внедрить на Северо-Востоке пенджабо-харьянскую «модель», предполагающую полный цикл агропроизводства. И здесь возникает серьезное внутреннее противоречие. С одной стороны, зависимость от федеральных финансовых «инъекций» дестимулирует частную инициативу на местах. С другой стороны, Северо-Восток пока не вышел на уровень самоподдерживаемого роста и поэтому мобилизация местных инвестиционных ресурсов крайне затруднительна, тогда как привлечение прямых иностранных инвестиций (прежде всего из стран ЮВА) имеет пока неопределенные перспективы. Наконец, главная роль в подготовке квалифицированных кадров (причем не только для аграрного сектора) объективно ложится на ведущий научно-образовательный центр региона – North-East Hill University, ресурсный потенциал которого явно ниже предъявляемых жизнью требований.

Таким образом, возникает своеобразный «порочный круг недоразвитости», в котором *целесолагание* (системная трансформация северо-восточных штатов) не имеет пока необходимой материальной основы и де-факто противоречит законам рыночной экономики, а равно – и идеологии проводимых в Индии с 1991 г. реформ.

Как преодолеть дисбалансы социально-экономического развития?

Итак, дезинтеграция хозяйства (важным частным проявлением которой являются дисбалансы социально-экономического развития) – явление для Индии хорошо известное и подробно описанное. «Дезинтеграция, слабая взаимозависимость отдельных составляющих национальной экономики, – подчеркивал Г.К. Широков, – отражала существование нескольких циклов воспроизводства в развивающихся странах – внутрикладных, внутриотраслевых, региональных и т.п., которые теоретически можно представить как полностью независимые. Разумеется, в ходе экономического развития независимость отдельных циклов воспроизводства подрывается, они начинают пересекаться, совпадать на каких-то отрезках движения капитала, продукта и т.п., тем не менее полной ликвидации циклов воспроизводства, их слияния в единый общенациональный цикл не происходит. Следствием является сохранение разнотипности производства и потребления, невозможность перестройки всей экономики на основе современных методов производства ... дезинтеграция не только следствие слаборазвитости, но и важнейшее препятствие на пути экономического роста»⁴⁵.

Не будем забывать: в низших слоях индийского сословно-иерархического (кастового) общества демографические процессы определяются «набором»

⁴⁴ Lee L. India as a nation of consequence in Asia: the potential and limitations of India's "Act East" Policy // The Journal of East Asian Affairs (Seoul). 2015. Vol. 29. №2 (Fall/Winter). P. 93.

⁴⁵ Экономика Индии: общая характеристика. М., 1980. С. 15.

факторов натурально-традиционного происхождения, воспроизводящих т.н. «большую семью» (joint family). Регулирование рождаемости насильственными методами, как показал опыт чрезвычайного положения (1975-1977 гг.), лишь усилил темпы демографических процессов в «низах» индийского общества, включая мусульман. В то же время для верхних «этажей» социальной пирамиды характерны нуклеарные семьи и добровольный контроль над рождаемостью.

Если спроецировать данные тенденции на *поукладную* структуру современного индийского общества, то перед нами предстанет примерно следующая «схематичная» картина. *Первый* уклад, причем наиболее обширный (и численно, и территориально), образует систему до- и раннеиндустриального воспроизводства; этот уклад *натурально-традиционных* производительных сил имеет наиболее высокую интенсивность распространения в Уттар-Прадеше, Бихаре и других штатах хиндиязычного ареала, в которых проживает основная часть индийских избирателей. *Второй*, уклад индустриальных производительных сил, воплощает в себе индийский средний класс и тяготеющие к нему (социально и культурно) силы общества. Численность этой «прослойки» составляет, по разным оценкам, от 250 до 300 миллионов человек. Ареал распространения этой общности – города *современного* типа хозяйствования и слой сельского населения в таких штатах, как Пенджаб, Харьяна, Тамилнаду, Гуджарат и др., активно («по-капиталистически») работающие на общеиндийском и региональных рынках. *Третий* уклад, связанный с различными видами деятельности, вызванными к жизни научно-технической революцией, уступает и по численности своих социальных носителей, и по ареалу распространения первому и второму «организмам» экономической активности. Прежде всего речь идет о «производителях» информационных технологий, более связанных с мировым рынком, чем с общеиндийским экономическим пространством. Производства данного типа сосредоточены вокруг крупнейших городов Юга – Бангалора, Ченнаи (Мадраса), Хайдерабада. «Поглощающая» способность этого вида экономической деятельности остается ограниченной, поскольку данный уклад работает по принципу экономии на «живом труде». Поэтому подчинение индийской экономики законам данного уклада в обозримой перспективе маловероятно.

Внеэкономическая деятельность и преодоление диспаритетов социально-экономического развития

Таким образом, индийская экономика на обозримую перспективу сохранит *полистадиальный* характер. «Межформационный» переход затягивается; следовательно, будут сохраняться нынешние межукладные, внутри- и межрегиональные дисбалансы. Опыт самой Индии показывает: преодолеть диспропорции общественного развития с помощью системы внешнеэкономических связей (за счет экспорта информационно-технологической продукции на Запад или посредством включения хозяйственных потоков Северо-Востока в систему отношений со странами ЮВА) не удастся, пока не будет нарушено гомеостатическое равновесие традиционного сектора экономики (проявляющееся, в частности, в системе разделения труда и формировании рынка рабочей силы). Инициативы типа «Make in India» («Делайте в Индии») даже при благоприятном сценарии их реализации, способны вовлечь в круговорот экономического развития преимущественно уклад индустриальных производительных сил. Сама же мозаичная картина межукладного взаимодействия *объективно* усложняется постоянным действием факторов политического происхождения, и прежде всего *открытым* характером политической системы Индии и прогрессирующим вовлечением многочисленных «низов» в процессы массовой социализации.

Внешнеэкономическая деятельность, как свидетельствует опыт *компактных* и относительно *монокультурных* обществ Северо-Восточной Азии может стать средством форсированного преодоления диспаритетов развития⁴⁶. Однако у *сверхкрупной* Индии этот процесс имеет более сложную траекторию, чем в небольших странах Дальнего Востока.

Прежде всего внешнеэкономическая активность Индии, по логике вещей, должна быть ориентирована на кооперационные связи с соседями, государствами региона Южной Азии. Внешнеэкономические связи Индии институционализированы в Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества, СААРК (South Asian Association for Regional Cooperation, SAARC), представляющей собой экономико-политическую организацию *восьми* стран Южной Азии. В состав СААРК входят государства, чье совокупное население составляет более 1.6 млрд человек; таким образом, демографический потенциал этой организации превосходит все остальные региональные объединения. СААРК была институционализирована в декабре 1985 г. в целях углубления внешнеэкономического сотрудничества Бангладеш, Бутана, Мальдивской Республики, Непала, Пакистана, Индии и Шри-Ланки. В апреле 2007 г. к СААРК в качестве восьмого участника присоединился Афганистан. Такова формальная сторона дела сотрудничества в Южной Азии.

На практике же кооперационные связи устанавливаются медленно и с трудом. Не стоит забывать: важной «контекстуальной» особенностью деятельности СААРК является доминирование индийско-пакистанских отношений (которые вот уже несколько десятилетий сохраняют конфликтный характер) в структуре взаимодействия стран-участниц данной организации. Сложившуюся в СААРК систему отношений в конечном счете определяет военно-техническое лидерство в Южной Азии Индии и Пакистана, двух принадлежащих к «ядерному клубу» государств, правда, в качестве *неофициальных* его членов. Малые страны Южной Азии полагают, что Индия стремится обеспечить свое превосходство как в самом регионе, так и в его акватории, то есть в бассейне Индийского океана. Естественные для небольших соседей опасения относительно поведенческой стратегии страны-гиганта порождают стремление найти противовес Индии, привлекая к сотрудничеству внерегиональные силы, прежде всего Китай.

Поднебесная, располагающая обширными внешнеэкономическими возможностями, активно развивает сотрудничество с Бангладеш, Шри-Ланкой, не говоря уже о «всепогодном» союзнике – Пакистане. В сфере внешнеэкономических связей «малые» государства Южной Азии искусно используют индийско-китайские противоречия для реализации своих кратко- и долгосрочных интересов, тем более что Пекин воздерживается от вмешательства во внутривнутриполитические процессы в странах Южной Азии. Об этом, в частности, свидетельствует спокойная реакция КНР на результаты президентских выборов в Шри-Ланке в 2015 г., на которых победил оппозиционный кандидат М. Сирисена, рассматривавшийся некоторыми кругами в Дели как политик «проиндийского» направления. Однако вскоре выяснилось, что новоизбранный президент не готов отказываться от тесных экономических и политических отношений с Китаем. Поэтому можно с высокой долей определенности утверждать: СААРК пока не превратилась в институционализированную организацию сотрудничества в Южной Азии. Возможно, правящие в Дели силы начинают сознавать, что преодоление внутренних социально-экономических дисбалансов трудноосуществимо без тесного внешнеэкономического сотрудничества с внерегиональными «игроками» – Китаем и Россией.

⁴⁶ Nayar B.R. Op. cit. P. 156-167.

ДИСПАРИТЕТЫ «БЕЛИНДИИ» ИЛИ БРАЗИЛЬСКИЙ «МИР МИРОВ»

Бразилию нередко называют Белиндией. За этим названием стоят как игра слов (*lindo* по-португальски и по-испански – красивый, прекрасный), так и крайняя неравномерность развития страны, переплетение Первого («Бельгии») и Третьего («Индии») миров и в экономике, и в бразильском обществе в целом. Впервые термин «Белиндия» появился в 1976 г., когда закончилось бразильское экономическое «чудо» 1967-1974 гг. под эгидой военно-бюрократического авторитарного режима и обнажились как пределы авторитарной модернизации, так и внутренние контрасты латиноамериканского гиганта⁴⁷. С тех пор этот термин вошел в научный оборот и в повседневную жизнь, хотя, строго говоря, представляет собой некоторое преувеличение. Даже самые развитые города и отрасли экономики в Бразилии не дотягивали ни в 70-е годы прошлого века, ни позже до уровня и качества жизни Бельгии, а бразильская беднота в самых бедных и отсталых штатах на северо-востоке страны в целом жила все же лучше, чем десятки миллионов индийских крестьян или обитателей трущоб Бомбея/Мумбая, не говоря уже о том, что сегодня и в самой Индии есть зримые зоны Первого мира.

Нельзя не признать, что по ряду показателей социально-экономического развития и по некоторым направлениям технологического прогресса Бразилия вполне соответствует уровню стран Первого мира. Она входит в число немногих государств, которые владеют полным циклом ядерных технологий, то есть в принципе может сделать свою атомную бомбу. Успешно соперничает Бразилия с Канадой за почетное третье место в мировом гражданском самолетостроении, делит с США лидерство по технологии производства биоэтанола, преуспела в области генной инженерии, а по части компьютеризации банковской системы и контроля за финансовыми потоками превосходит многие страны Европы.

В то же время в Бразилии до сих пор сохраняются фавелы – поселения бедноты в крупных городах, являющиеся опорой криминалитета, высок уровень преступности, а жизнь миллионов крестьян и обитателей фавел лишь немногим отличается в лучшую сторону от жизни простого люда в странах бывшего Третьего мира. Причем до недавнего времени более или менее успешное развитие «Бельгии в Бразилии» оборачивалось консервацией «Индии в Бразилии». Ситуация начала постепенно меняться с середины 1990-х годов, но, как нередко уже бывало в истории, положительные перемены обнажили старые и породили новые проблемы, приведя страну к своеобразной точке бифуркации, исторической развилке. И либо Бразилия сумеет в ближайшие десять лет изменить свою прежнюю траекторию развития, либо надолго соскользнет к мировой периферии, и тогда вряд ли сохранит свою внутреннюю «Бельгию» – бесспорные достижения, которые сближают ее с развитым миром.

Консервативная модернизация в Бразилии

Сегодняшние достижения и трудности латиноамериканского гиганта имеют глубокие исторические корни, которые лежат в характере самой модернизации в Бразилии. Особенностью этой модернизации, как, впрочем, и модернизации в других странах Латинской Америки, был ее консервативный характер. Изначально она была направлена на удовлетворение запросов верхнего привилегированного слоя без каких-либо значимых перемен в организации производства и общественных

⁴⁷ Taylor L., Bacha E.L. The Unequalizing Spiral: A First Growth Model for Belindia // The Quarterly Journal of Economics. 1976. Vol. 90. №2. P. 197-218.

отношениях, установившихся еще в колониальные времена. Фактически модернизация Бразилии долгое время сводилась к росту престижного потребления предметов роскоши, которые закупались в Западной Европе в обмен на «колониальный товар».

Консервативный характер модернизации (по принципу «обновление ради укрепления и усовершенствования старого» и путем имитации стандартов потребления) в Бразилии проявился, в первую очередь, в особенностях урбанизации, что сыграло далеко не последнюю роль в формировании постоянных диспаритетов в развитии страны. Так, в отличие от Западной и Центральной Европы, бразильские города возникали как центры военно-политической и административной власти, а не как центры ремесла и зарождающейся промышленности. Во второй половине XIX века немногочисленные бразильские города становятся местами проживания представителей верхнего и среднего классов, включая часть торгово-аграрной олигархии, верхушки военных и гражданских служащих. Но при этом зарождавшийся средний класс, в отличие от своего европейского аналога, отнюдь не был связан с поднимающейся обрабатывающей индустрией, а был занят, скорее, обслуживанием урбанизовавшейся, оседавшей в городах традиционной верхушки и в огромной степени зависел от ее престижного потребления. Это порождало своеобразный феномен роста городов без горожан (*idades sem cidadãos*), когда городское население, прежде всего зарождавшийся городской средний класс, не было сообществом автономных индивидов, а зависело напрямую от господствующих олигархических групп⁴⁸. Фактически патримониальные, клиентелистские отношения благополучно «перекочевывали» из фазенд в растущие города лишь с небольшими модификациями. В результате, несмотря на распространение в крупных городах либеральных и даже социалистических идей, бразильские города так и не стали центрами активной борьбы против отживавшей свой век олигархической системы. Зато они притягивали к себе материальные и человеческие ресурсы с внутренней периферии, обрекая ее на прозябание в бедности и отсталости. При этом крупные города ориентировались скорее вовне, на мировой рынок и внешние связи, становясь космополитическими центрами в своей стране.

Такая модель модернизации, просуществовавшая до начала 1930-х годов, столкнулась с глубоким кризисом. Великая Депрессия в США и других развитых странах обрушила спрос на товары латиноамериканского, в том числе и бразильского, экспорта, а тем самым – подорвала экономику стран континента. Ответом на кризис стал переход к импортозамещающей индустриализации под защитой государства. Оно устанавливало высокие тарифы на импорт, защищая местных предпринимателей от иностранной конкуренции, а впоследствии и создавало объекты инфраструктуры вместе с предприятиями тяжелой промышленности. Но при этом модернизация в стране – несмотря на быстрый рост индустрии и городов – оставалась консервативной. Она была направлена не на ликвидацию архаичных порядков в деревне с латифундиями и «полковниками» (помещиками, которые одновременно были и администраторами, и судьями, и «отцами-благодетелями»), а на их адаптацию к изменившимся условиям. В частности, в Бразилии на фоне бурного роста обрабатывающей индустрии, главным образом на Юге и Юго-Востоке, сохранялся отсталый Север/Северо-Восток, где время, казалось, застыло много десятилетий назад.

Фактически индустриализация в Бразилии не устраняла унаследованные от доиндустриальных времен диспаритеты – между большими и малыми городами,

⁴⁸ Cardoso F.H. A Cidade e a Política. P. 50-51, 59. Em: Singer P.I., Cardoso F.H. 1972. A Cidade e o Campo. (CEBRAP. Caderno 7). São Paulo, 1972. P. 31-63.

между городами в целом и деревней, между растущей индустрией и отсталым аграрным сектором. Плоды модернизации в виде трудового законодательства, социального страхования, образования и т.д., не говоря уже о растущих доходах, доставались, помимо сохранявшейся части старой олигархии, городскому населению – организованному промышленному рабочему классу, городским (новым и старым) средним слоям, классу предпринимателей. Сельское население в своем большинстве было исключено из процесса развития. В частности, в середине XX века, на пике импортозамещающей индустриализации, только 33% взрослого (от 15 лет и старше) сельского населения Бразилии умели читать и писать⁴⁹.

В период правления военно-бюрократического авторитарного режима, особенно на рубеже 1960-1970-х годов, ускорились не только темпы роста экономики страны, но и положительные структурные изменения в индустрии. Так, в середине 1970-х годов доля оборудования, машин, а также технически сложных предметов длительного пользования для личного потребления превышала 30% всей промышленной продукции, что было лишь немного меньше, чем в Западной Европе⁵⁰. Но при общем улучшении структуры экономики и внешней торговли (к концу 1970-х годов около 45% бразильского экспорта составляли готовые промышленные товары)⁵¹ колоссально усилилась социально-экономическая дифференциация в стране. В частности, в 1973 г., перед концом бразильского «чуда» 1967-1974 гг., минимальная заработная плата составила лишь 39% от уровня 1959 года. В 1960 г. на нижнюю по доходам половину населения приходилось 17.4% национального дохода, а в 1983 г., к концу авторитаризма, всего 12%. В свою очередь, богатейшие 5% населения в 1960 г. присваивали 22% всех доходов, тогда как всего через 10 лет, в 1970 г., их доля возросла до 35%⁵².

Рост индустрии и урбанизация ускорили разложение архаичных, патримониальных отношений личной зависимости между латифундистами и крестьянами, а также среди самих крестьян. Массы сельских бедняков мигрировали в крупные города в поисках удачи. В результате промышленные центры обрастали стихийными поселениями бедноты – *фавелами*. В 1950 г. в тогдашней столице Бразилии, Рио-де-Жанейро, обитателей фавел было около 170 тыс. человек, что составляло 7% населения города. В 1960 г. их абсолютное число выросло вдвое, до 350 тыс., составив 10.2%, а в 1980 г. – уже до 2 млн человек, или 32% населения города. Не менее впечатляющим был рост населения фавел в Сан-Паулу. В 1960 г. обитатели фавел составляли всего 0.6% населения этой финансово-экономической столицы Бразилии. Зато в период индустриального бума с 1972 по 1982 гг. число жителей фавел Сан-Паулу выросло в 14 раз, достигнув 1 миллиона, или 12% населения города⁵³.

Огромные массы людей – новых обитателей городов, сдвинувшихся со своих мест, как в географическом, так и в социальном смысле, вместе с теми, кто оставался в деревне, работая по найму, часто сезонно, образовывали специфический класс *субпролетариата* (*subproletariado*)⁵⁴. По разным оценкам, его численность в Бразилии достигала от одной трети до половины населения страны.

⁴⁹ CEPAL (Comisión Económica para América Latina). El desarrollo social de la América Latina en la postguerra. Santiago de Chile: NU (Naciones Unidas), 1963. P. 46.

⁵⁰ Serra J. Ciclos e mudanças estruturais na economia brasileira do após-guerra // Revista de Economia Política. 1982. №6. P. 6.

⁵¹ Ibid. P. 11.

⁵² Rouquié A. Le Brésil au XXI-e siècle. Naissance d'un nouveau grand. Paris: Fayard, 2006. P. 129.

⁵³ Rouquié A. Amérique Latine. Introduction à l'Extrême-Occident. Paris: Seuil, 1987. P. 376-381.

⁵⁴ Singer P. Dominação e Desigualdade: Estrutura de classes e repartição da renda no Brasil. Rio de Janeiro, Paz e Terra, 1981. P. 22-24, 85-94, 105-120, 131-133.

Этот класс, возникший как результат специфического и, одновременно, быстрого развития Бразилии, отличался от «классического» люмпен-пролетариата, существовавшего в развитых странах еще в XIX веке, с начала промышленной революции. Тот люмпен-пролетариат представлял собой деградировавшую часть пролетариата, вытолкнутую из капиталистического производства, но потенциально способную в случае благоприятной конъюнктуры влиться обратно в его ряды. Другими словами, он представлял собой резервную армию труда. Субпролетариат – это не пролетарии, а вчерашние крестьяне, часто неграмотные. Они, с одной стороны, были изгнаны из аграрного производства в силу разложения традиционных, патриархальных порядков в деревне и концентрации земли в руках латифундистов. С другой стороны, сами они надеялись стать пролетариями, устроившись работать на промышленных предприятиях в городах (если не удастся выиграть в лотерею!). Но стать полноценными пролетариями с трудовыми книжками, защитой со стороны профсоюзов и социальным страхованием они в своем подавляющем большинстве не могли, так как вообще не годились для работы на современных промышленных предприятиях. На это обстоятельство обращали внимание такие социологи, как Флорестан Фернандес и Фернанду Энрике Кардозу⁵⁵. Субпролетарии могли работать в полукустарных мастерских, в сфере услуг, в качестве домашней прислуги, на уборке улиц и помещений, на подсобных работах и т.д., тогда как растущая индустрия испытывала острую нехватку квалифицированных рабочих, что в конечном счете тормозило ее собственное развитие.

Попытки авторитарного режима (1964-1985 гг.) создать в стране общество массового потребления с помощью иностранных инвестиций и займов не привели к желаемому результату. Да они и не могли привести к нему в силу элитарного характера проводившейся режимом модернизации, ориентированной на верхние и верхние средние слои. Да, в Бразилии при военных появились ядерная энергетика и производство биотоплива, началось производство компьютеров с собственным программным обеспечением, не говоря уже о модернизации автомобильной промышленности и сельскохозяйственного машиностроения. Наконец, режим всерьез озаботился развитием аграрного сектора экономики, стимулируя его техническую модернизацию.

Однако после ухода военных с политической сцены в 1985 г. треть населения страны жила за чертой бедности, а еще одна треть по своим доходам лишь немного возвышалась над этой чертой, балансируя на ее грани. Фактически две трети населения страны, которая по уровню развития некоторых отраслей экономики и сфер жизни приближалась к Первому миру, жили в Третьем мире⁵⁶. Такое неравенство стало главным препятствием для продолжения модернизации страны. Об этом стоило бы помнить в России тем, кто по-прежнему рассуждает по принципу «сначала экономический рост – потом решение социальных проблем». Как показывает опыт Бразилии, нерешенность социальных проблем может обесценить экономические и технологические достижения и рано или поздно – затормозить сам рост.

⁵⁵ Fernandes F. Mudanças sociais no Brasil. Aspectos do desenvolvimento da sociedade brasileira. São Paulo: Global Editora, 2008 (1-a ed. – 1960). P. 76-77; Cardoso F.H. Situação e comportamento social do proletariado//Fernandes F. (org.). Comunidade e sociedade no Brasil. Leituras básicas de introdução ao estudo macro-sociológico do Brasil. 2-a ed. São Paulo: Companhia Editora Nacional, 1975. P. 465-486.

⁵⁶ Jaguaribe H., Guilherme dos Santos W., Paiva Abreu M. de, Fritsch W., Bastos de Ávila F. Brasil, 2000. Para um novo Pacto Social. 3-a ed. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1986 (1-a ed. – 1985). P. 17-21, 41-44; Jaguaribe H. Crise na República: 100 anos depois. Primeiro ou Quarto Mundo? Rio de Janeiro: Thex, 1993. P. 11-13.

Снижение бедности и уменьшение диспаритетов

Осознание значимости социальных проблем в Бразилии воплотилось в практической политике, сначала в годы президентства ученого-социолога Фернанду Энрике Кардозу с Партией Бразильской социал-демократии⁵⁷, а потом во время правления Партии трудящихся в лице Луиса Инасиу Лулы да Силвы и Дилмы Руссефф.

В 1990-е годы благодаря продуманной политике экономической либерализации, сломавшей во многом исчерпавшие себя структуры времен импортозамещения, и «Плану Реала», Бразилия сумела подавить разрушительную инфляцию, терзавшую страну на протяжении десятилетий. Возобновился экономический рост, хотя он и не был столь впечатляющим, как в период «славного тридцатилетия» 1950-1980-х годов. После 2003 г. рост заметно ускорился, составив в 2004-2013 гг. в среднем за год 3.73% (несмотря на падение на 0.3% в 2009 г.), причем в 2004-2008 гг. экономика страны росла в среднем на 4.83% в год⁵⁸. Ситуация ухудшилась в 2014 г., когда ВВП Бразилии увеличился всего на 0.1%. В 2015 г. он сократился на 3.9%, а в 2016 (по предварительным оценкам на конец декабря 2016 г.) – еще на 3.6%⁵⁹.

В результате ускорившегося в первом десятилетии нового века экономического роста в сочетании с обширными социальными программами среднедушевой доход в бразильских семьях увеличился за 2002-2012 гг. на 43%; среднегодовое увеличение составило 3.64%. Квинтильный коэффициент (соотношение между среднедушевыми доходами 20% самых богатых и 20% самых бедных) сократился с 36.9 раза в 2001 г. до 21.3 раза в 2013 г. Коэффициент Джини упал за это же время с 0.639 до 0.553, а в 2014 г. – до 0.548⁶⁰. При этом доходы самых бедных 20% за десять лет (2002-2012 гг.) увеличивались в среднем на 6.7% в год⁶¹. Фактически впервые в истории Бразилии экономический рост сопровождался уменьшением неравенства доходов, причем более 40 миллионов бразильцев вырвались из нищеты и бедности. Доля бедных домохозяйств сократилась с 41.4% в 1990 г. до 30% – в 2001 г. и до 12.6% – в 2014 г.; доля бедного населения составила 48.0, 37.5 и 16.5% соответственно⁶².

В то же время в последние годы начала сокращаться огромная пропасть между развитой частью Бразилии («Бельгией в Бразилии») и бразильской периферией («Индией в Бразилии»), хотя она и остается еще очень большой. Это проявляется в уменьшении коэффициента статистической вариации по среднедушевому валовому продукту между штатами Бразилии с 2005 по 2014 гг. (исчисленному в текущих ценах) (см. рис. 3.1).

⁵⁷ Достаточно сказать, что на фоне неолиберальной экономической политики при Кардозу было разработано и принято к исполнению около полусотни различных социальных программ.

⁵⁸ Рассчитано по: CEPAL. Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe 2010. Santiago de Chile: NU, 2010. P. 98; Balance preliminar... 2014. Santiago de Chile: NU, 2014. P. 56.

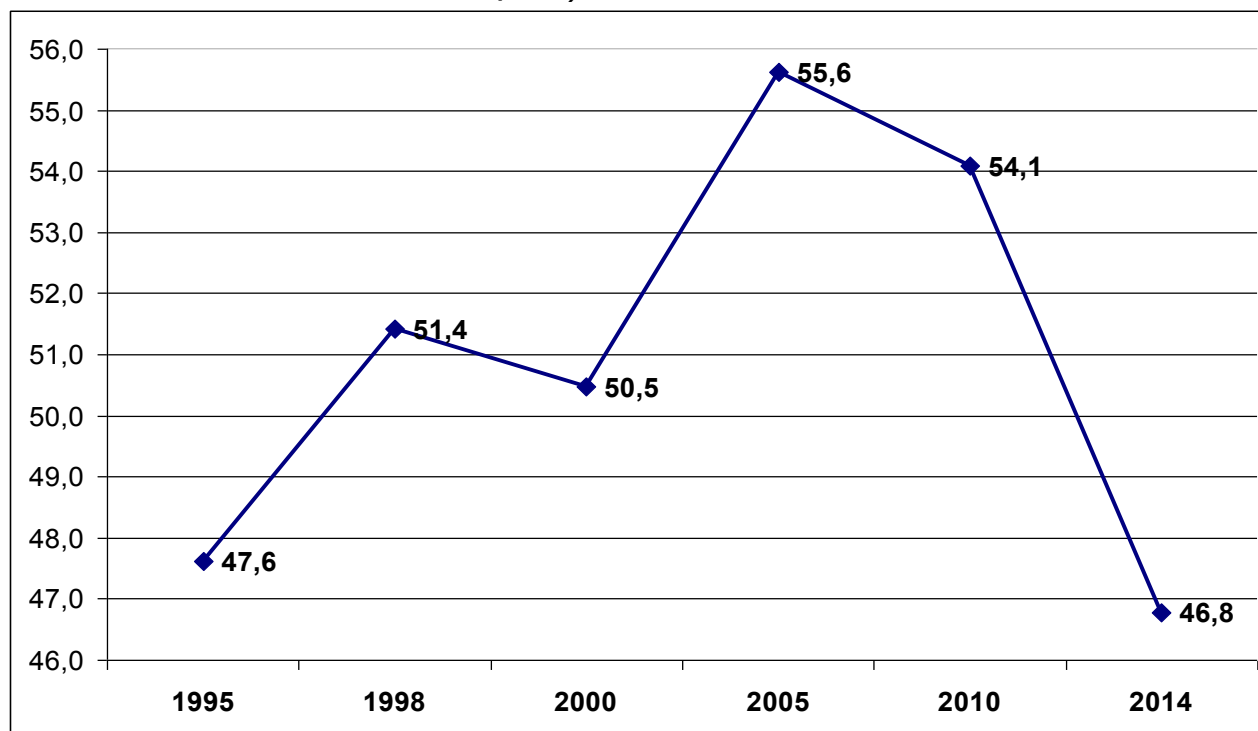
⁵⁹ CEPAL. Balance preliminar... 2016. Santiago de Chile: NU, 2016. P. 96.

⁶⁰ CEPAL. Panorama Social de América Latina 2014. Santiago de Chile: NU, 2014. PP. 122, 124; Panorama Social... 2015. Santiago de Chile: NU, 2016. P. 50.

⁶¹ Coutinho D., Paes de Barro R.. Quem precisa de uma definição de classe media? // Classes? Que Classes? Ciclo de Debates Sobre Classes-Sociais. Fundação Perseu Abramo e Fundação Friedrich Ebert (org.) São Paulo: Fundação Perseu Abramo. P. 125-127.

⁶² CEPAL. Panorama Social... 2014. P. 95; Panorama Social... 2015. P. 47; Panorama Social... 2015. Síntesis. Santiago de Chile: NU, 2016. P. 18. Согласно критериям Экономической комиссии ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну (СЕПАЛ), семья считается бедной, если она тратит на продукты питания 50% и более своих текущих потребительских расходов. Этот критерий является ориентиром и для расчета индивидуальной линии бедности.

Изменение коэффициента статистической вариации (в процентах) по среднему валовому продукту штатов Бразилии (в текущих рыночных ценах) в 1995-2014 гг.

Рассчитано автором (В.К.) по данным Бразильского института географии и статистики о среднему валовом продукте штатов Бразилии (26 штатов и Федеральный округ Бразилиа)⁶³ по известной формуле $v = \sigma : x$, где σ – корень квадратный от дисперсии, то есть среднего квадратического отклонения от среднему валового продукта штатов, x – средняя величина. В качестве средней величины взята не простая средняя по штатам, а средняя взвешенная как частное от деления всей суммы продуктов штатов (что может быть несколько меньше совокупного ВВП страны) на численность населения страны. Источник данных о численности населения Бразилии: CEPAL. Anuario Estadístico de América Latina 2001. P. 173 (данные за 1995-1999 гг.); CEPAL. Panorama Social de América Latina-2015, versión electrónica (URL: http://interwp.cepal.org/anuario_estadistico/anuario_2015/es/index.asp) (данные за 2000 и последующие годы) – дата обращения: 21.06.2016.

Соответственно сократился и разрыв между максимальным и минимальным уровнями среднему валового продукта штатов страны: если в 1990 г. он составлял 11.2 раза, а в 2010 г. – 8.5, то в 2014 г. – 6.2 раза, хотя и такой разрыв, конечно, является чрезмерным. По-прежнему самый большой среднему валовый региональный продукт – в Федеральном округе Бразилиа, то есть в столице, за счет высоких жалований правительственных чиновников и их обслуживающего персонала. Самый низкий региональный продукт на душу населения – опять-таки по-прежнему в штатах Северо-Востока (Пиауи в 1990 г., Мараньян – в 2010 и 2014 гг.). В целом динамику среднему валового регионального продукта по трем самым богатым и самым бедным штатам (Unidades da Federação – «единицам Федерации», как говорят в Бразилии) можно представить в виде таблицы 3.1.

⁶³ IBGE (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística). Contas Regionais do Brasil 1998 (Contas Nacionais N 5). Rio de Janeiro: IBGE, 2000. P. 46-48; Contas Regionais... 2000 (Contas Nacionais N 8). Rio de Janeiro: IBGE, 2002. P. 56-58; Contas Regionais... 2002-2005 (Contas Nacionais N 21). Rio de Janeiro: IBGE, 2007, tabelas 2 e 4; Contas Regionais... 2010-2014 (Contas Nacionais N 53). Rio de Janeiro: IBGE, 2016, tabela 1, tabela 8.

Таблица 3.1

Среднедушевой валовой региональный продукт (в реалах) в наиболее богатых и наиболее бедных штатах Бразилии, 1990-2010 гг. (в постоянных ценах 2010 г., 2014 г. – в текущих ценах)

Штат, регион	1990	Штат, регион	2000	Штат, регион	2010	Штат, регион	2014
Фед. округ Бразилиа, Центр-Запад	46 115	Фед. округ Бразилиа, Центр-Запад	47 591	Фед. округ Бразилиа, Центр-Запад	58 489	Фед. округ Бразилиа, Центр-Запад	69 217
Сан-Паулу, Ю.-Восток	22 947	Сан-Паулу, Ю.-Восток	23 709	Сан-Паулу, Ю.-Восток	30 243	Сан-Паулу, Ю.-Восток	42 198
Рио-де-Жанейро Ю.-Восток	21 649	Рио-де-Жанейро Ю.-Восток	21 359	Рио-де-Жанейро Ю.-Восток	25 455	Рио-де-Жанейро Ю.-Восток	40 767
Мараньян, С.-Восток	4 572	Параиба, С.-Восток	6 024	Алагоас, С.-Восток	7 874	Алагоас, С.-Восток	12 335
Риу-Гранди-ду-Норти, С.-Восток	4 369	Пиауи, С.-Восток	4 868	Пиауи, С.-Восток	7 073	Пиауи, С.-Восток	11 808
Пиауи, С.-Восток	4 137	Мараньян, С.-Восток	4 868	Мараньян, С.-Восток	6 889	Мараньян, С.-Восток	11 216

Рассчитано автором: 1990-2010 гг. – по данным Института прикладного экономического исследования (ipeadata) по состоянию на 15.06.2016; 2014 г. – по данным Бразильского института географии и статистики по состоянию на 26.12.2016 г.

При этом следует отметить, что валовой региональный продукт в пересчете на душу населения увеличивался крайне неравномерно по разным штатам. И хотя в отсталых штатах Севера и Северо-Востока он возрастал в последние годы чуть быстрее, чем на развитом Юге и Юго-Востоке, в отдельных штатах его рост был значительно ниже, чем в среднем по Бразилии (среднедушевой региональный валовой продукт в стране в целом увеличился за 20 лет, с 1990 по 2010 гг., на 38%). Так, например, в таких относительно небогатых штатах Севера, как Парá и Рорайма, этот показатель возрос за то же время всего на 21 и 24% соответственно. В северо-восточном штате Алагоас рост составил лишь 29%, зато в Риу-Гранди-ду-Норте, относящемся к тому же Северо-Востоку, душевой валовой региональный продукт увеличился в 2.34 раза, то есть возрастал в среднем на 4.34% в год. Еще быстрее данный показатель увеличивался в штате Центрально-Западного региона Мату-Гросу – на 4.5% в год. И все же в целом неравномерность роста валового регионального продукта на душу населения по штатам Бразилии в нынешнем столетии уменьшилась, как показывает статистический анализ, примерно в 2 раза по сравнению с последним десятилетием XX века.

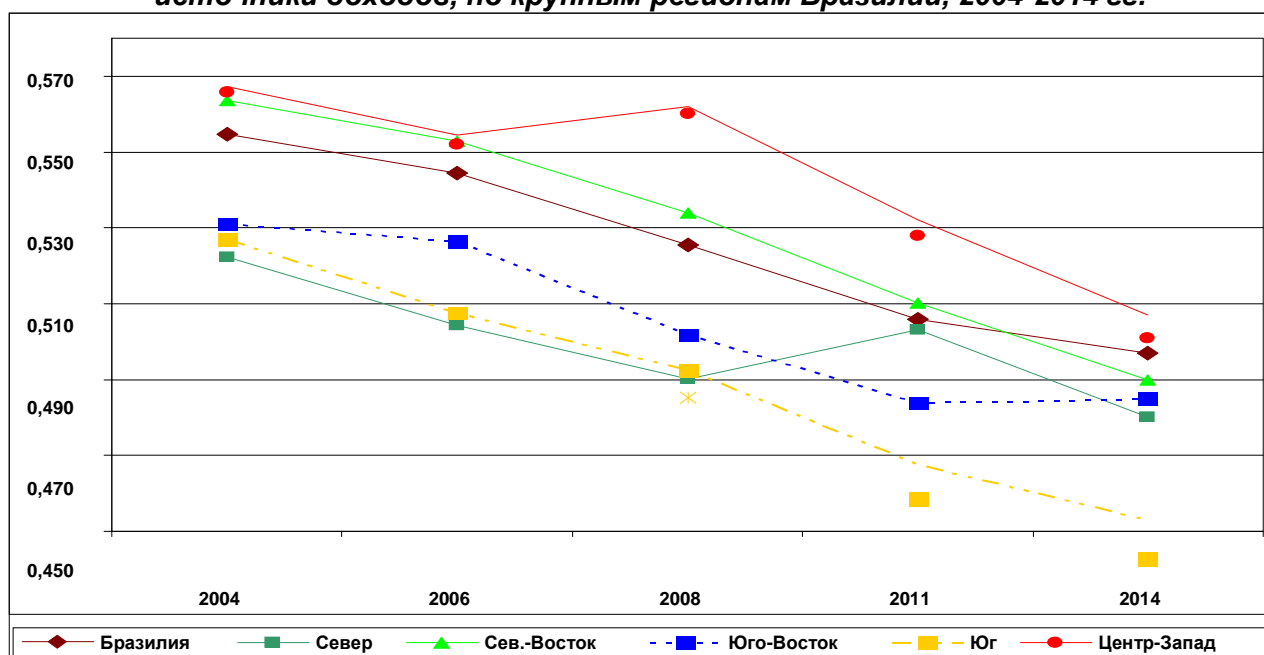
Обратимся теперь к показателям самого неравенства и их динамике в региональном разрезе. Как известно, неравенство в распределении богатства и доходов в Бразилии всегда было не просто большим, а огромным даже на фоне других латиноамериканских стран.

В 1995 г., в первый год президентства Ф.Э. Кардозу, коэффициент Джини, характеризующий степень неравенства по доходам, составил по всем доходам 0.592; в 2001 г. он снизился до 0.572, что все равно свидетельствовало об очень

высокой степени неравенства в стране⁶⁴. Благодаря социальной политике, проводившейся в первом десятилетии нынешнего века при президентах Л.И. Луле да Силва и Д. Руссефф, степень неравенства в Бразилии снизилась (по коэффициенту Джини) до 0.497 в 2014 г. по индивидуальным доходам (то есть на душу населения) и до 0.494 – по доходам домохозяйств. По доходам от трудовой деятельности коэффициент Джини уменьшился с 0.563 в 2001 г. до 0.489 – в 2014 г.⁶⁵ Однако при этом несколько увеличилась неравномерность самих темпов снижения неравенства душевых доходов в Бразилии по крупным регионам страны. Так, с 2004 по 2013 гг. это снижение было наибольшим (на 0.069 пункта) в штатах Юга (Паранá, Риу-Гранди-ду-Сул и Санта-Катарина), где степень неравенства в течение долгого времени была ниже, чем в других регионах, кроме Севера, да и то лишь в отдельные годы. Наименьшим же оно оказалось на Севере (штаты Акре, Амазонас, Амапá, Парá, Рондония, Рорайма и Токантинс) – 0.038 пункта. Такая относительная неравномерность подтверждается и изменением коэффициента статистической вариации между крупными регионами Бразилии по коэффициенту Джини. Если в 2004 г. он составил 4.14%, в 2008 г. – 5.59%, то в 2014 г. – 4.52%⁶⁶. Нагляднее всего рассматриваемая неравномерность в снижении неравенства по регионам иллюстрируется рисунком 3.2 и таблицей 3.2.

Рисунок 3.2

Коэффициент Джини по душевым доходам лиц в возрасте 15 и более лет, имеющих источники доходов, по крупным регионам Бразилии, 2004-2014 гг.

Источник: см. сноску 61 и расчеты автора по данному источнику.

⁶⁴ IBGE. Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios (PNAD). Síntese de Indicadores 2001. Rio de Janeiro: IBGE, 2002. P. 145. Следует иметь в виду, что в «Национальных обследованиях показателей домашних хозяйств», проводимых Бразильским институтом географии и статистики, коэффициент Джини исчислялся по населению в возрасте 10 и более лет, а с 2013 г. – в возрасте 15 и более лет. Экономическая комиссия ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну (СЕПАЛ) представляет, как правило, данные о коэффициенте Джини по доходам всего населения, включая детей до 10 лет, поэтому показатели неравенства, представленные упомянутым Институтом и СЕПАЛ, отличаются друг от друга. У СЕПАЛ они выше, так как обычно именно в бедных семьях большое число детей и, соответственно, низкие душевые доходы.

⁶⁵ IBGE. PNAD. Síntese de Indicadores 2014. Rio de Janeiro: IBGE, 2015. P. 59, 61-62, 74.

⁶⁶ Расчеты автора по: IBGE. PNAD 2015. Rio de Janeiro: IBGE, 2016. Tabela 5.3 – Índice de Gini da distribuição do rendimento mensal das pessoas de 15 anos ou mais de idade, com rendimento, por Grandes Regiões (2004-2014), versão eletrônica (дата обращения: 26.12.2016).

Таблица 3.2

Коэффициент Джини по душевым доходам лиц в возрасте 15 и более лет, имеющих источники доходов, по крупным регионам Бразилии, 2004-2014 гг.

Год	Бразилия в целом	Север	Северо- Восток	Юго- Восток	Юг	Центр- Запад
2004	0.555	0.522	0.563	0.531	0.527	0.567
2005	0.548	0.501	0.546	0.531	0.516	0.561
2006	0.544	0.504	0.553	0.526	0.507	0.554
2007	0.531	0.501	0.534	0.507	0.501	0.559
2008	0.526	0.490	0.534	0.502	0.492	0.562
2009	0.521	0.496	0.532	0.497	0.486	0.550
2011	0.506	0.503	0.510	0.484	0.468	0.532
2012	0.505	0.486	0.510	0.485	0.465	0.523
2013	0.501	0.484	0.509	0.483	0.458	0.519
2014	0.497	0.480	0.490	0.485	0.453	0.507
Изменение с 2004 по 2014 годы	-0.058	-0.042	-0.073	-0.046	-0.074	-0.060

Уменьшение степени неравенства в доходах связано с заметным сокращением бедности в Бразилии. При этом важно подчеркнуть, что еще во второй половине 1990-х годов, при Кардозу, доходы сельских жителей впервые стали возрастать быстрее, чем доходы горожан, о чем свидетельствует уменьшающееся соотношение между доходами этих групп населения (см. табл. 3.3).

Не ставя под сомнение достижения Бразилии в плане сокращения бедности, стоит задаться вопросом: насколько значимы эти достижения не по сравнению с рубежом 1980-90-х годов, а в сопоставлении с желаемым результатом социальной политики; насколько они соответствуют задачам всесторонней модернизации страны?

Таблица 3.3

Соотношение среднемесячных доходов городских и сельских домохозяйств и семей в Бразилии, 1995-2013 гг.

Показатель	1995	2001	2007	2013
Доходы городских домохозяйств от уровня сельских	2.66	2.46	2.04	1.90
Доходы городских семей от уровня сельских	2.62	2.41	2.03	1.91

Расчеты автора по: IBGE. PNAD, Vol. 17, 1995. Rio de Janeiro: IBGE, 1997. P. 58, 60; PNAD, Vol. 22, 2001. Rio de Janeiro: IBGE, 2002, tabelas 6.1, 7.1; PNAD, Vol. 28, 2007. Rio de Janeiro: IBGE, 2007, tabelas 6.1, 7.1; PNAD, Vol. 33, 2013. Rio de Janeiro: IBGE, 2013, tabelas 6.1, 7.1. Поскольку семья может иметь не одно, а два и более хозяйств, и есть семьи, проживающие вместе с другими семьями в том же жилище, число семей и число домохозяйств не совпадают друг с другом. Так, например, в «Обследовании» 2007 г. число семей, охваченных им, составило 60 105 тыс., а число домохозяйств – 56 454 тыс.; в 2013 г. – 68 376 и 65 258 тыс. соответственно.

На самом деле большинство бразильцев – 79.0% – в 2014 г. имели душевой доход в пределах 2 минимальных заработных плат, в том числе у 53.8% он не превышал одной минимальной заработной платы (724 реала в месяц в 2014 г.). Причем в регионе Северо-Востока, который по-прежнему остается самым бедным из крупных регионов страны, доля населения с душевым доходом до 2 минимальных зарплат составила в 2013 г. 87.1%, а с доходом до одной минимальной заработной платы – 73.6% населения. Вместе с тем в 2014 г. среднее вознаграждение за труд лиц в возрасте 16 лет и старше по стране в целом было равно 1725 реалов в месяц,

а в штатах Северо-Востока – всего 1129 реалов, то есть совсем немного превышало установленный минимум заработной платы⁶⁷.

В то же время, несмотря на очевидные успехи в снижении бедности, в стране до сих пор сохраняется огромное количество бедняков. Об этом свидетельствует число тех, кто получал пособие по бедности по программе Bolsa Família («Семейный кошелек»)⁶⁸. По состоянию на апрель 2016 г. это пособие получали 13.9 млн (точнее – 13 892 145) семей – около 50 млн человек, или четверть населения страны⁶⁹. При этом еще в 2013 г. далеко не все бедные были внесены в кадастр получателей помощи: примерно 2.5 миллиона человек, нуждавшихся в поддержке, оставались «за бортом» программы⁷⁰.

Необходимо подчеркнуть: в Бразилии есть четкое понимание того, что главное направление борьбы с бедностью – это все-таки не раздача пособий, а развитие образования и повышение заработной платы работающих, создание новых рабочих мест. Удалось ли, однако, осуществить такой подход к борьбе с бедностью на практике? В некоторой степени, да, удалось, поскольку заработная плата в бедных штатах Севера и особенно Северо-Востока росла быстрее, чем в регионах Юга и Юго-Востока. Так, например, разрыв между средними доходами от трудовой деятельности (rendimento de trabalho) на Юго-Востоке и Северо-Востоке составлял в 1997 г. 2.57 раза в пользу первого; в 2013 г. он сократился до 1.68 раза. В целом некоторое снижение неравенства между регионами по доходам от трудовой деятельности можно проиллюстрировать таблицей 3.4.

Таблица 3.4

Среднемесячные доходы от трудовой деятельности по крупным регионам Бразилии, 1997-2013, реалов (в пост. ценах 2007 г. для данных за 1997-2007 гг. и в пост. ценах 2013 г. для данных за 2009-2013 гг., в текущих ценах – 2014 г.)

Регионы Бразилии	1997	2001	2005	2009	2013	2014
Бразилия в целом	872	812	773	1106	1605	1725
Север	794	734	683	921	1289	1388
Северо-Восток	446	439	424	734	1083	1129
Юго-Восток	1145	1039	955	1255	1820	1987
Юг	883	822	839	1251	1761	1900
Центр-Запад	955	912	926	1309	1940	2030
Дисперсия (по средней в стране)	231.99	203.39	195.34	226.74	333.20	363.62
Статистическая вариация (%)	26.60	25.05	25.27	20.50	20.76	21.08

Источник: IBGE. PNAD – Síntese de Indicadores 2007. Rio de Janeiro: IBGE, 2008, tabela 1.2.5; Síntese de Indicadores 2013. Rio de Janeiro: IBGE (versão eletrônica em Excel), 2014, tabela 7.2.8; PNAD 2014, versão eletrônica em Excel, tabela 4.10, дата обращения: 26.12.2016.

Важным показателем снижения бедности и уменьшения социального неравенства является рост обеспеченности предметами длительного пользования (bens duráveis) городского и сельского населения, а также домохозяйств с невысоким уровнем доходов (см. табл. 3.5).

⁶⁷ IBGE. Síntese de Indicadores Sociais. Uma análise das condições de vida da população brasileira. Rio de Janeiro: IBGE, 2014, tabelas 5.2, 4.5; Síntese... 2015. P. 86, versão eletrônica – tabela 4.10.

⁶⁸ Условием получения помощи по этой программе является не только низкий уровень доходов – менее 70 реалов в месяц на человека, но и обязательное посещение детьми школы, а также регулярное прохождение ими медосмотра и получение прививок.

⁶⁹ MDS (Ministerio de Desenvolvimento Social e Agrário). URL: <http://aplicacoes.mds.gov.br/sagi/Rlv3/geral/relatorio.php#Visão Geral Brasil> (дата обращения: 16.05.2016).

⁷⁰ Singer A.. Quatro notas sobre as classes sociais nos dez anos do lulismo // Classes? Que Classes? ... P. 24-25.

Таблица 3.5

Число частных домохозяйств в Бразилии, обладающих основными предметами длительного пользования (тыс.), 1995-2013 гг.

Показатель	Всего по стране				Городское население				Сельское население			
	1995	2001	2007	2013	1995	2001	2007	2013	1995	2001	2007	2013
Общее число обследованных домохозяйств, в том числе обладающих:												
- телевизорами	31576	41413	53218	63281	27976	36948	46418	54785	3600	4465	6799	8496
- холодильниками	29149	39590	51158	63315	26252	35785	45163	55009	2897	3805	5995	8307
- стиральными машинами	10371	15667	22259	37421	9827	14973	21240	35230	545	694	1019	2192
- персональными компьютерами	15008	31834
- доступом в Интернет	11362	27623

Источники: IBGE. PNAD, Vol. 17, 1995. P. 61-63; PNAD, Vol. 22, 2001, tabela 7.2; PNAD, Vol. 28, 2007, tabela 7.2; PNAD, Vol. 33, 2013, tabela 7.2.

Обращает на себя внимание не просто рост обеспеченности домохозяйств бытовой техникой, а увеличение доли домохозяйств с доходами до 2-х минимальных заработных плат (на всё домохозяйство!) в общем парке предметов потребления длительного пользования. При этом нужно иметь в виду, что сама минимальная заработная плата на протяжении последних двадцати лет (вплоть до последнего времени) повышалась более быстрыми темпами, чем увеличивалась инфляция, поэтому возрастала и доля домохозяйств, получавших доходы в пределах двух минимальных заработных плат, в общем количестве обследованных домохозяйств (см. рис. 3.3а, 3.3б и 3.3в).

Рисунок 3.3а

Доля домохозяйств с доходами до 2-х минимальных заработных плат в общем количестве предметов длительного пользования в домохозяйствах в Бразилии в целом, 1995-2013 гг., в процентах

Рисунок 3.3б

Доля домохозяйств с доходами до 2-х минимальных заработных плат в общем количестве предметов длительного пользования в городских домохозяйствах в Бразилии, 1995-2013 гг., в процентах

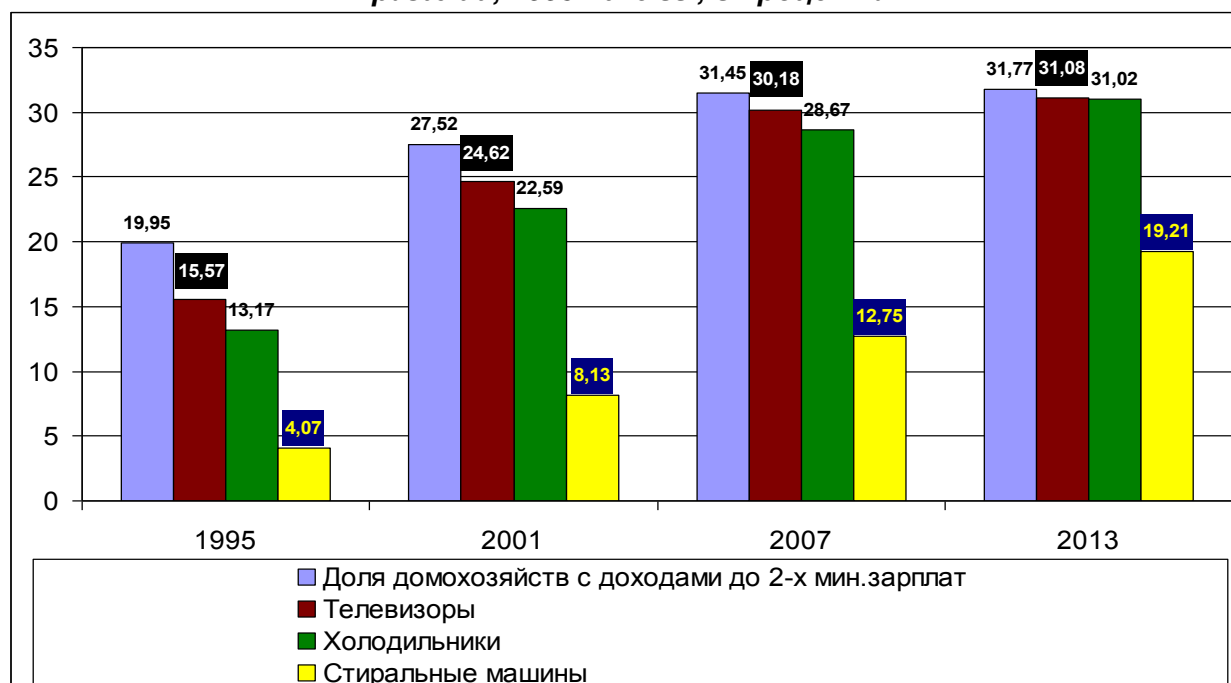
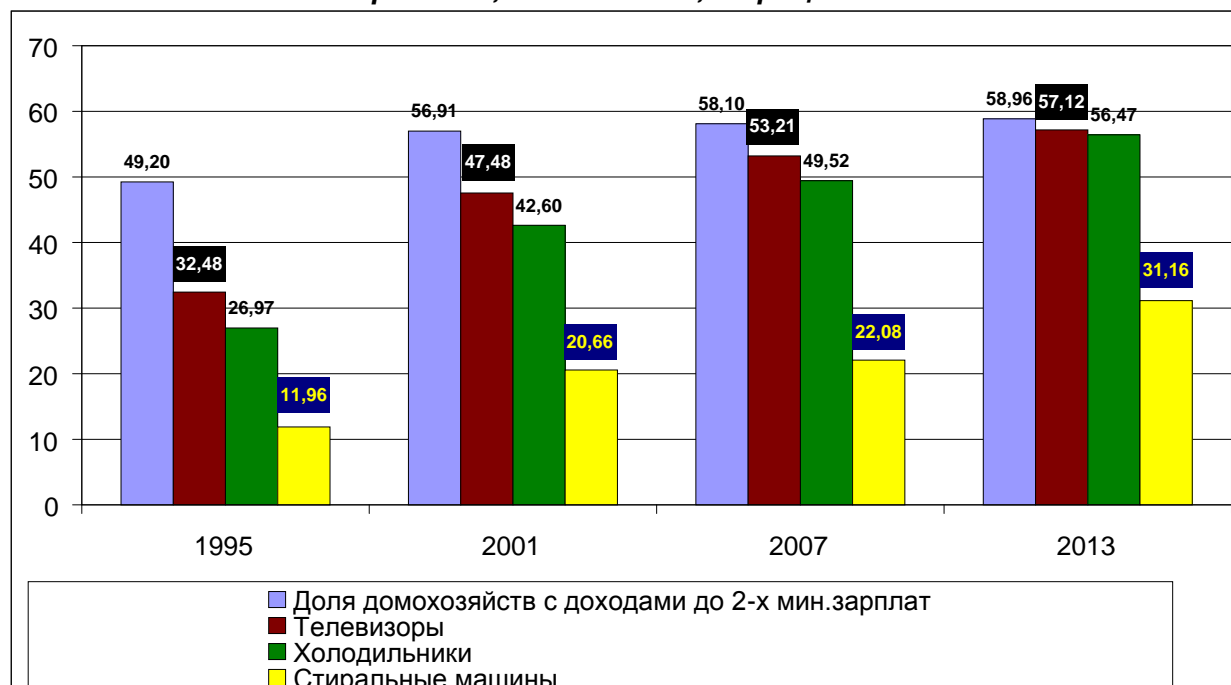

Рисунок 3.3в

Доля домохозяйств с доходами до 2-х минимальных заработных плат в общем количестве предметов длительного пользования в сельских домохозяйствах в Бразилии, 1995-2013 гг., в процентах

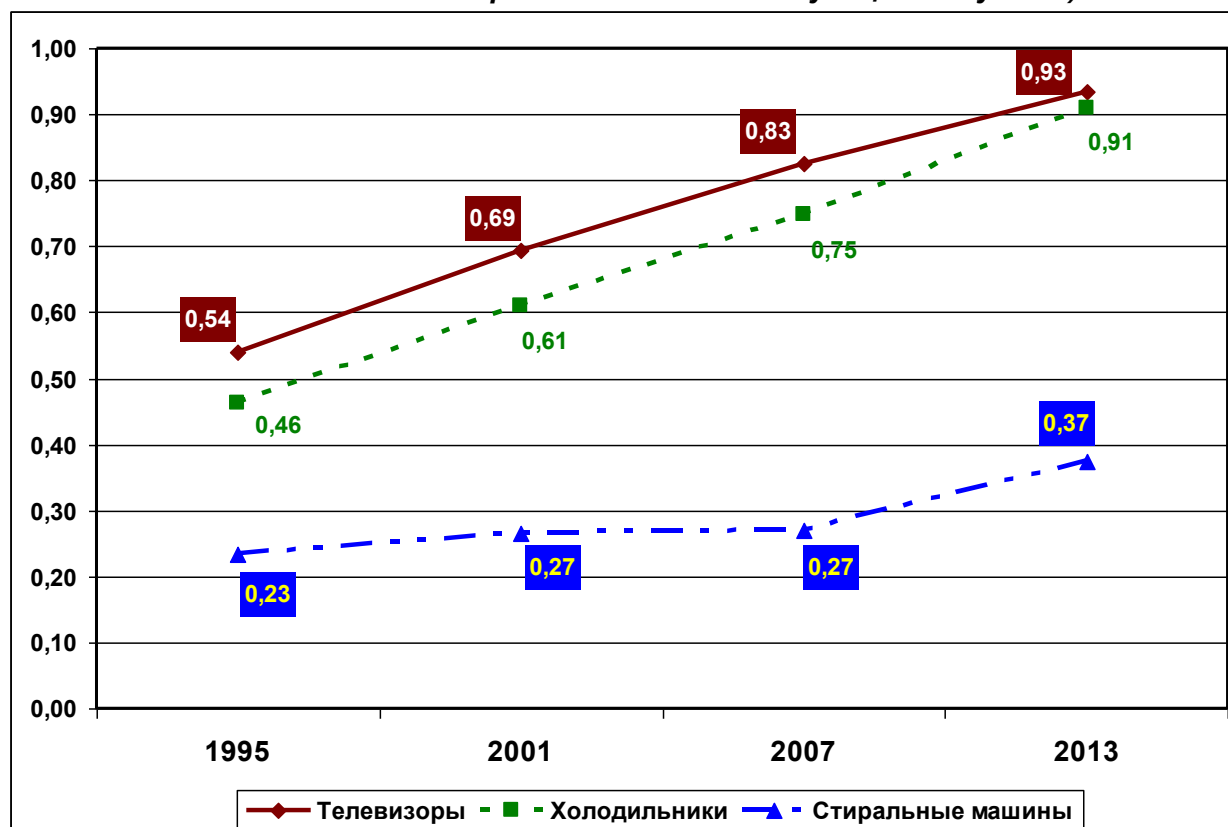
Источники: расчеты автора по данным обследований домашних хозяйств Бразилии (см. примечание к таблице 3.5).

Примечания. В общее число домохозяйств включены домохозяйства, не сообщившие о своих доходах и своем положении (до 3.5% всех обследованных домохозяйств). Доля домохозяйств с доходами до 2-х минимальных заработных плат включает в себя домохозяйства, получающие доходы исключительно за счет социальных программ (не более 2% всех обследованных домохозяйств).

Представленные диаграммы показывают заметное сокращение разрыва в уровне жизни городского и сельского населения Бразилии, особенно его низкодоходных групп, хотя в целом этот разрыв остается еще очень большим. Как следует из таблицы 3.5, обеспеченность этих групп населения предметами длительного пользования возрастала в сельской местности значительно быстрее, чем у малообеспеченных жителей городов, что иллюстрируется рисунком 3.4.

Рисунок 3.4

Соотношение обеспеченности низкодоходных групп (домохозяйств с доходами до 2 минимальных заработных плат в месяц) сельского и городского населения Бразилии основными предметами длительного пользования, 1995-2013 гг. (уровень обеспеченности в городах в соответствующем году = 1.0)

Источник: расчеты автора по данным таблицы 3.5.

Снижению бедности и неравенства доходов в Бразилии способствовало – помимо социальных программ – создание новых рабочих мест, сокращение неформальной занятости и уменьшение безработицы в целом, которая была наиболее высокой в крупных городах, мегаполисах. Причем за годы правления Партии трудящихся не просто уменьшилась безработица в крупных городах; стала снижаться и степень неравномерности ее распространения по мегаполисам, принадлежащим к регионам Северо-Востока (Салвадор и Ресифи), Юго-Востока (Белу-Оризонте, Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу) и Юга (Порту-Алегри) страны (см. табл. 3.6). Лишь в последнее время в связи с экономическими трудностями, возникшими во многом из-за снижения цен на экспортируемые в Китай соевые бобы, железную руду и другие сырьевые товары (*commodities*), безработица в стране увеличилась, хотя и не до катастрофических размеров. Нужно, однако, иметь в виду, что с 2008 г. почти весь рост экономики и занятости обеспечивался за счет сектора услуг и агробизнеса. Так, сектор услуг за 5 лет после кризиса 2008-2009 гг. возрастал в среднем на 3.4% в год. Этот рост не требовал больших инвестиций, зато

обеспечивал увеличение занятости, не требующей, кстати, особых знаний и уровня образования работников. Это увеличение занятости в секторе услуг позволяло в свою очередь поглощать приток новой рабочей силы⁷¹, которая продавалась по невысокой цене. Так в бразильской экономике складывалась ситуация, при которой замедление экономической динамики в целом сопровождалось относительно низким уровнем безработицы. По-своему это свидетельствовало о невысокой эффективности экономики, особенно в свете ускорившейся деиндустриализации из-за массивного импорта готовых промышленных товаров из Китая.

Таблица 3.6

Уровень безработицы в крупнейших городах Бразилии, в %, 2002-2015 гг.

Мегалополис, штат	2002	2005	2008	2011	2014	2015
Салвадор – Баия	14.8	13.6	11.0	7.8	8.1	11.9
Ресифи – Пернамбуку	11.3	15.9	9.1	5.1	5.5	10.0
Белу-Оризонте – Минас-Жерайс	8.3	9.1	6.8	4.7	2.9	5.9
Рио-де-Жанейро – Рио-де-Жанейро	8.9	7.9	6.4	5.7	3.5	5.1
Сан-Паулу – Сан-Паулу	11.7	10.5	10.0	6.1	4.4	7.0
Порту-Алегри – Риу-Гранди-ду-Сул	7.5	7.5	6.0	4.1	3.6	5.9
В среднем по мегалополисам	10.42	10.75	8.22	5.58	4.67	7.63
Бразилия в целом	9.9	10.2	7.8	7.3	7.5	9.3
Статистическая вариация (%)	26.09	31.16	25.49	23.23	40.85	35.46

Источник: база данных Института прикладного экономического исследования (Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada, URL: <http://www.ipeadata.gov.br>) и расчеты автора.

Меркосур и деиндустриализация: экономическая цена социальной политики

Деиндустриализация, понимаемая как сокращение доли обрабатывающей промышленности в ВВП, занятости и экспорте страны, стала серьезной проблемой для бразильской экономики отнюдь не сегодня. Она началась во второй половине 1980-х годов и ускорилась в период либерализации экономики в 1990-е годы. В отличие от деиндустриализации в развитых странах Севера, бразильская деиндустриализация явилась результатом не столько технологического прогресса (хотя и его значение нельзя отрицать в случае Бразилии) и структурных сдвигов в экономике, сколько воздействия внешнеэкономических связей и сохраняющихся внутренних диспропорций. Именно поэтому ее называют преждевременной или незрелой⁷². Она ведет к репримаризации экономики, то есть увеличению доли аграрно-сырьевых товаров в структуре производства и экспорта, а в конечном счете – к появлению новых диспаритетов. Так, доля обрабатывающей индустрии в ВВП Бразилии упала с 16.3% в 1995 г. до 11.0% в 2012-2013 гг.⁷³, доля готовых промышленных изделий в товарном экспорте – с 58.0% в 2000 г. до 50.8% в 2006 г. и до 34-35% в 2013-2014 гг. В абсолютных размерах экспорт этих товаров сократился с 88.3 млрд долл. в 2008 г. до 77.5 млрд – в 2014 г.⁷⁴

Фактически в Бразилии уменьшение социальных и межрегиональных диспаритетов сопровождается усилением диспропорций и ухудшением структуры

⁷¹ Coutinho L. A crise e as múltiplas oportunidades de retomada do desenvolvimento industrial do Brasil. Em: D. Monteiro Filha, L.C. Delorme Prado, H.M.M. Lastres (org.). Estratégias de Desenvolvimento, Política Industrial e Inovação: Ensaios em Memória de Fabio Erber. Rio de Janeiro: BNDES, 2014. P. 87-89.

⁷² См. об этом подробнее: Красильщиков В.А. Деиндустриализация, реиндустриализация и развитие // МЭМО. 2016. №8. С. 34-43.

⁷³ Расчеты автора по данным UNCTAD (<http://unctadstat.unctad.org/>) по состоянию на 01.04.2016.

⁷⁴ CEPAL/ECLAC. Anuario Estadístico de América Latina y el Caribe/Statistical Yearbook for Latin America and the Caribbean 2006. Santiago de Chile: NU, 2007. P. 187; Anuario Estadístico... 2015. Santiago de Chile: NU, 2015. P. 103, 105 (cuadros 2.2.2.2 y 2.2.2.4).

экономики, что неизбежно ведет к новым социальным диспаритетам, обесценивая достижения последних лет. Объединение Меркосур (Меркосул по-португальски) – Общий рынок Юга – призванное содействовать модернизации стран Южного конуса Латинской Америки путем их интеграции, к сожалению, мало помогает противодействию указанных тенденций.

Договор о создании Меркосур был подписан 26 марта 1991 г. в столице Парагвая Асунсьоне (Асунсьонский договор) главами четырех государств – Аргентины, Бразилии, Парагвая и Уругвая, чтобы способствовать интеграции их экономик (через таможенный союз и последующее формирование единого рынка) и продвигать, в числе прочего, «научное и технологическое развитие». Этому событию предшествовало заключение в 1988 г. между Аргентиной и Бразилией договора, в соответствии с которым были подписаны 24 протокола о сотрудничестве двух стран в области ядерной энергетики, морского и сухопутного транспорта, автомобилестроения и сельского хозяйства.

В 2012 г. к Меркосуру присоединилась Венесуэла, а с июля 2015 г. полноправным участником объединения стала и Боливия. Таким образом, «четверка» превратилась в «шестерку» с совокупным ВВП 3 163 млрд долл. (в постоянных ценах 2010 г.); из них 2 280 миллиардов, или 72%, приходилось на Бразилию, а вместе две крупнейшие страны объединения, Бразилия и Аргентина, создавали почти 89% его совокупного ВВП.

Удалось ли участникам Меркосура создать подлинно общий рынок? И да, и нет. Функционирует единое таможенное пространство и, на первый взгляд, нет институциональных препятствий для свободного перемещения товаров, рабочей силы и капиталов между странами. Однако на деле результаты функционирования этого блока выглядят весьма неоднозначными с точки зрения преодоления социально-экономической разнородности и самого объединения, и каждой из входящих в него стран. (Исключения из этой разнородности в лице Аргентины и Уругвая представляются весьма относительными.) Не вдаваясь в подробности процессов, протекающих в Меркосуре в целом, рассмотрим, насколько функционирование блока влияет на ситуацию внутри самой Бразилии.

Сначала сопоставим объемы внешней торговли Бразилии, в том числе со странами Меркосур, и величину ее ВВП. В 2011 г., когда общий объем экспорта из Бразилии достиг максимума в долларовом выражении, 256.04 млрд долл. (с тех пор он снижался), он был равен 10.3% ВВП, исчисленному в текущих ценах в долларах США (2476.65 млрд долл.). В том же году импорт Бразилии был равен 9.1% ВВП; максимум же импорта был достигнут в 2013 г., составив 239.64 млрд долл., что было эквивалентно 10.7% ВВП страны.

Максимальный объем бразильского экспорта в страны Меркосур был достигнут, как и общий объем экспорта, в 2011 г., 27.85 млрд долл., или 10.9% всего экспорта, что составило 1.12% ВВП гигантской страны. Импорт в Бразилию из стран Меркосур также достиг своего максимума в 2011 г., приблизившись к 19.38 млрд долл. и составив 8.6% всего бразильского импорта – 0.78% по отношению к ВВП⁷⁵. Эти данные позволяют говорить о незначительном влиянии на бразильскую экономику отношений со странами Меркосур. Гораздо большее воздействие на нее, и не лучшим образом, оказывают экономические связи с Китаем, который в ходе кризиса 2008-2009 гг. стал основным торговым партнером Бразилии. Объемы и доли экспорта из Бразилии в Китай и импорта из Китая существенно превышают соответствующие показатели торговли Бразилии с соседями по Меркосур (см. рис. 3.5а и 3.5б).

⁷⁵ Расчеты автора по: CEPAL/ECLAC. Anuario Estadístico... 2014. P. 80, 82.

Рисунок 3.5а

Изменение доли стран Меркосур и Китая в товарном экспорте Бразилии, 1990-2014 гг., %

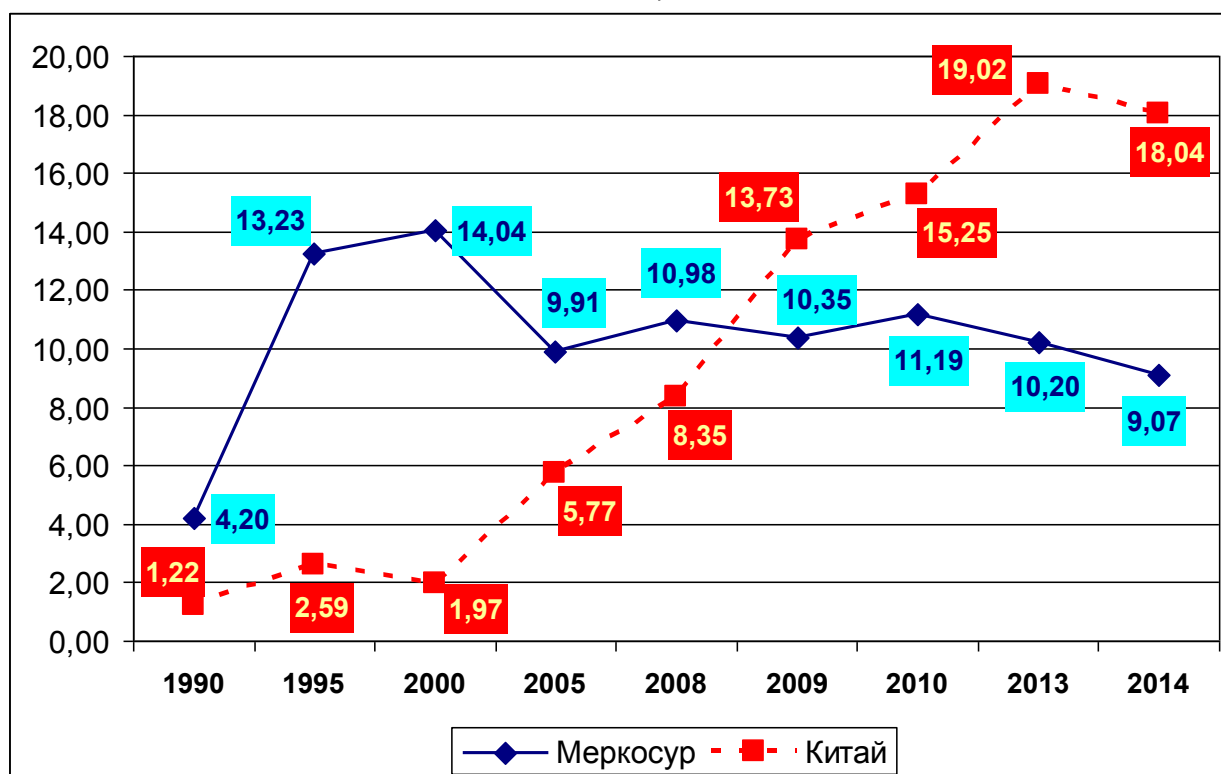
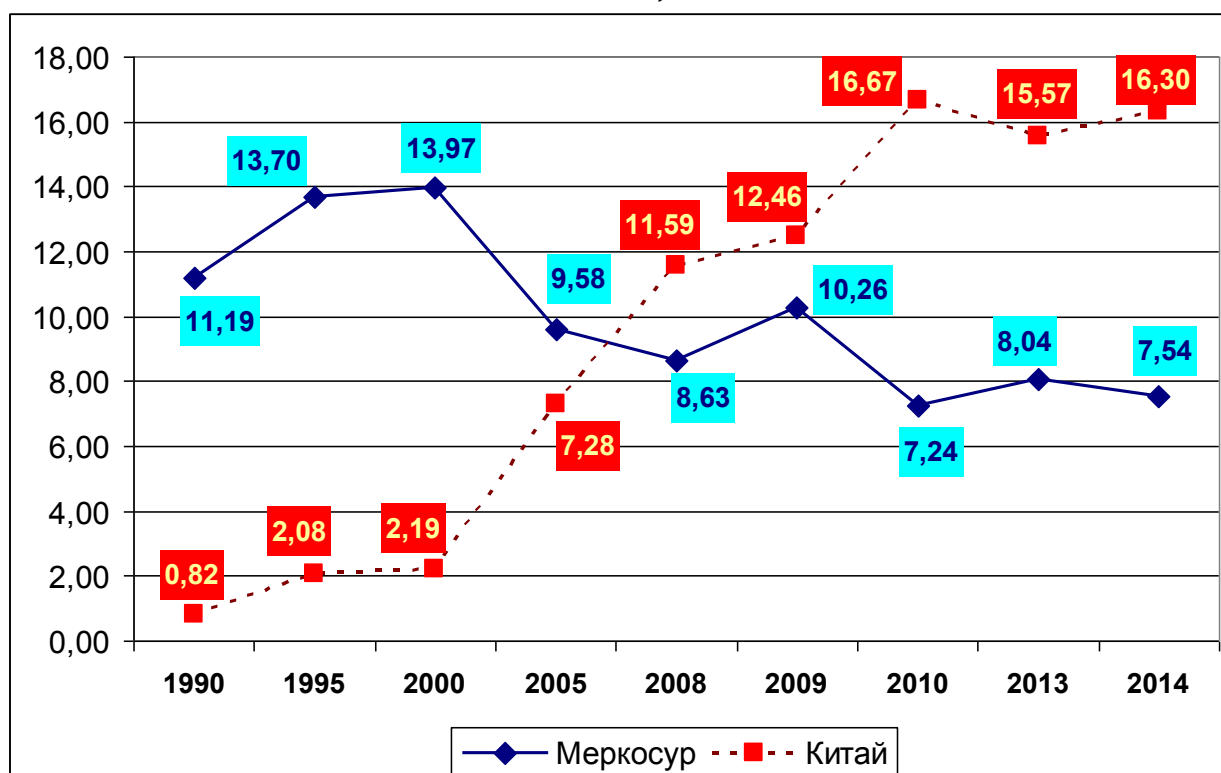

Рисунок 3.5б

Изменение доли стран Меркосур и Китая в товарном импорте Бразилии, 1990-2014 гг., %

Источник: расчеты автора по данным Института прикладного экономического исследования (Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada, URL: <http://www.ipeadata.gov.br>) и Министерства промышленного развития и торговли Бразилии (там же).

При этом основными статьями бразильского экспорта в Китай являются аграрно-сырьевые товары, в первую очередь – железная руда и соевые бобы, тогда как Китай экспортирует в Бразилию продукцию своей обрабатывающей промышленности. С учетом того, что заработная плата в Бразилии в целом выше, чем в Китае, а производительность в бразильской индустрии растет очень медленно, промышленность Бразилии не может конкурировать с продукцией из Китая. Причем она проигрывает конкуренцию как на внешних рынках (в США, Канаде, ЕС и некоторых странах Латинской Америки), так и на своем внутреннем рынке. Неслучайно деиндустриализация бразильской экономики ускорилась после 2008 г. во многом из-за слишком тесного экономического сближения Бразилии с Китаем. Экономические связи в рамках Меркосур, где Бразилия, на первый взгляд, выступает как экспортер промышленной продукции, не могут уравновесить негативные последствия быстрого развития отношений с Китаем. Правда, эти отношения помогли Бразилии, да и другим странам Латинской Америки, сравнительно легко, с минимальными потерями пройти сквозь мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. Но с точки зрения долгосрочного развития их вряд ли можно считать благотворными для бразильской экономики. Фактически Бразилия столкнулась с противоречием между краткосрочными выгодами и долгосрочными, стратегическими потерями, которые грозят ей утратой своих экономических достижений и позиций в мировой экономике.

Попытки решить данную проблему, манипулируя валютным курсом и учетной ставкой процента или даже стимулируя рост через государственные инвестиции в инфраструктуру, конечно, могут дать положительный эффект, но он, скорее всего, будет не слишком продолжительным. Активизация интеграционных процессов в рамках Меркосура вряд ли поможет Бразилии кардинальным образом преодолеть сложившиеся негативные тенденции. Во-первых, объем связей со странами Меркосур, как мы видели, слишком мал по сравнению с общим объемом бразильской экономики, и углубление интеграции в рамках объединения может, в лучшем случае, стать хорошим дополнением к другим мерам, направленным на изменение ситуации, но никак не панацеей от возникших трудностей. Во-вторых, основной партнер Бразилии по Меркосуру, Аргентина, также переживает далеко не лучшие времена, особенно в обрабатывающей индустрии. Ее проблемы во многом схожи с бразильскими, но при этом Аргентина не обладает столь же крупным научно-технологическим, инновационным потенциалом, каким, несмотря на все нынешние социально-экономические неурядицы, обладает Бразилия.

На самом деле решение проблемы лежит в другой плоскости. Оно предполагает качественное повышение технологического уровня производства, развитие инноваций, образования и науки, без чего невозможно успешное встраивание в современные глобальные производственные цепочки создания стоимости. Однако от признания необходимости тех или иных решений до их практического воплощения, как известно, может быть очень большая дистанция. Для новой модернизации Бразилии есть немало препятствий, которые не в последнюю очередь лежат в самих социальных достижениях страны в первом десятилетии нынешнего века.

Социальные диспаритеты и пределы социальной модернизации

В известном смысле Бразилия за последние 15-20 лет продемонстрировала новаторский подход к проблеме модернизации. Вопреки распространенному до сих пор принципу «сначала экономический рост – потом решение социальных проблем» страна попыталась – и не без успеха, пусть даже далекого от желаемого результата

– осуществить экономическую и технологическую модернизацию через решение социальных проблем, прежде всего – проблемы бедности.

В первую очередь нужно отметить, что в стране заметно вырос уровень образования экономически активного населения. В частности, доля тех, кто обучался 10 и более лет среди городского населения в возрасте от 25 до 59 лет выросла с 33.1% в 1999 г. до 55.5% в 2013 г., среди сельского – с 7.2 до 20.4% соответственно. У молодежи в возрасте от 15 до 24 лет эти показатели, естественно, еще выше: среди горожан доля лиц, обучавшихся 10 и более лет, увеличилась за те же годы с 30.4 до 53.1%, среди сельского населения – с 10.0 до 32.8% соответственно⁷⁶.

За первое десятилетие XXI века вдвое увеличилась доля молодых бразильцев, обучавшихся в университетах, с 7.5 до 15.0%. С 2001 по 2011 гг. число поступающих в университеты выросло с 1 до 2.3 млн человек в год. А общее число студентов в Бразилии в начале нынешнего десятилетия составляло около 7 миллионов⁷⁷. По оценкам экспертов Всемирного банка, за 20 лет, с 1990 по 2010 гг., повышение образовательного уровня совокупной рабочей силы в стране было одним из самых быстрых в мире; этот уровень повышался даже быстрее, чем в Китае⁷⁸. Важно отметить и то, что начали сокращаться диспаритеты между крупными регионами страны по уровню образования населения, хотя Северо-Восток по-прежнему уступает в этом отношении развитым регионам Юга и Юго-Востока. Это подтверждается статистическим анализом данных о среднем числе лет, проведенных бразильцами в возрасте от 10 лет и старше, в учебных заведениях по основным регионам страны (см. табл. 3.7).

Таблица 3.7

Среднее число лет обучения лиц в возрасте 10 и более лет по регионам Бразилии, 2004-2014 гг.

Регионы Бразилии	2004	2007	2009	2011	2014
Север	5,9	6,3	6,6	6,6	7,2
Северо-Восток	5,3	5,7	6,0	6,2	6,6
Юго-Восток	7,3	7,6	7,8	8,0	8,4
Юг	7,1	7,3	7,6	7,7	8,0
Центр-Запад	6,8	7,1	7,5	7,8	8,0
Бразилия (в среднем)	6,6	6,9	7,2	7,3	7,7
Дисперсия (по средней в стране)	0.769	0.706	0.694	0.721	0.653
Статистическая вариация (%)	11.65	10.23	9.64	9.88	8.48

Источники: IBGE. PNAD – Síntese de Indicadores 2005. Rio de Janeiro: IBGE, 2006, tabela 3.3; IBGE. PNAD – Síntese de Indicadores 2007. Rio de Janeiro: IBGE, 2008, tabela 3.3; IBGE. PNAD – Síntese de Indicadores 2011. Rio de Janeiro: IBGE, 2012, tabela 3.3; IBGE. PNAD – Síntese de Indicadores 2014. Rio de Janeiro: IBGE, 2015, (versão eletrônica em Excel), tabela 3.3.

Однако в стране по-прежнему очень остро стоит проблема *качества образования*, особенно школьного в бедных районах Северо-Востока. Кроме того, в Бразилии обозначилось также явление, хорошо знакомое в России еще с советских времен. Это потеря «ренты от образования», то есть относительное уменьшение заработной платы тех, кто повысил свой образовательный уровень, по сравнению с

⁷⁶ CEPAL. Panorama Social de América Latina 2014. Anexo estadístico (versión electrónica). Cuadros 26, 27. URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/37626/anexo_estadistico2014_es.zip?sequence=5 (дата обращения: 16.05.2016).

⁷⁷ Singer A.. Quatro notas sobre as classes sociais nos dez anos do lulismo... P. 28-31.

⁷⁸ Bruns B., Evans D., Luque J. Achieving World-Class Education in Brazil: The Next Agenda. Wash., D.C.: The World Bank, 2012. P.3.

возросшей минимальной заработной платой. В Бразилии, где престиж знания и образования всегда был очень высок во всех слоях общества, молодые люди, получившие образование, стали утрачивать свое, казалось бы, привилегированное положение относительно низкооплачиваемых и малообразованных работников. Это вызвало своеобразный рост социальной напряженности, обозначившей пределы политики Партии трудящихся и всей парадигмы «решение социальных проблем – ключ к экономической и технологической модернизации».

Заметное сокращение бедности, повышение образовательного уровня бразильцев и некоторое снижение неравенства в доходах, безусловно, улучшили совокупный человеческий потенциал Бразилии. Однако те 40 миллионов человек, которые вырвались из бедности и нищеты благодаря политике Партии трудящихся, став новыми потребителями товаров и услуг, в своем большинстве так и не стали современными работниками. По оценке самих бразильских социологов, около трети экономически активного населения страны – более 30 миллионов человек к концу правления Лулы и к началу президентства Дилмы Руссефф (2010-2011 гг.) – оставались неготовыми к сложному индустриальному труду и другим современным видам деятельности⁷⁹. Они могли выполнять лишь работу, не требующую ни особой квалификации, ни образования выше начального, но при этом не хотели терять то, что приобрели благодаря социальной политике Партии трудящихся – возросшую покупательную способность своих увеличившихся доходов. Ведь потребление для бедных имеет не только сугубо экономическое, но и социально-психологическое значение. Оно является своеобразным способом самоутверждения, причем зачастую единственным, который позволяет им преодолеть пропасть, отделяющую их от среднего класса, хотя бы в собственных глазах⁸⁰. И никакие другие способы самовыражения им просто неведомы.

С ориентацией бедных и только что вышедших из бедности групп населения исключительно на рост потребления связана и поддержка ими политики макроэкономической стабильности, под которой подразумевается, в первую очередь, финансовая стабильность. Последняя достигается благодаря бездефицитному или с минимальным дефицитом бюджету и высокой (в мае 2016 г. – 13.75%) учетной ставке процента. Разумеется, дорогой кредит делает невыгодными инвестиции в промышленность и сферу нефинансовых услуг, зато позволяет сдерживать инфляцию. Так, за последние 10 лет, начиная с 2005 г., в Бразилии инфляция по потребительским ценам не превышала 6.5% (2011 г.) и только в 2015 г. подобралась к 10-процентной отметке. Память о разрушительной инфляции, которая бушевала на протяжении десятилетий и ударяла прежде всего по бедным, жива в сознании бразильцев. И сегодня те, кто работает в формальном секторе и получает зарплату на банковскую карточку, как и занятые в неформальном секторе, заинтересованы в стабильности банков и финансовой системы, ибо эта стабильность обеспечивает сохранение достигнутого уровня потребления, в том числе дешевых товаров из других стран Латинской Америки и из Китая. В этом отношении текущие интересы огромной массы трудящихся и субпролетариата совпали с интересами тех, кто, казалось бы, является их социальным антагонистом – с интересами экспортеров сырья и сельскохозяйственной продукции, а также финансистов, ориентированных на извлечение доходов на мировых финансовых рынках. Такое совпадение интересов верхов и низов позволило пресс-секретарю

⁷⁹ Singer A. Os Sentidos do Lulismo. Reforma Gradual e Pacto Conservador. São Paulo, Companhia das Letras, 2012. P. 43; Souza J. e.a. Ralé Brasileira: Quem É e Como Vive. Belo Horizonte, UFMG (Universidade Federal de Minas-Gerais), 2009. P. 21-22, 122, 479-480.

⁸⁰ Souza J. e.a. Op. Cit. P. 138-142.

президента Лулы в 2003-2007 гг. Андре Зинжеру говорить о политике Партии трудящихся как о *бонапартизме бедных*⁸¹.

Конечно, вряд ли можно говорить о политическом бонапартизме в случае Бразилии. Политическая система латиноамериканского гиганта далека от авторитаризма, и демократические институты в Бразилии в целом работают лучше, чем во многих других странах Латинской Америки. Но нужно признать, что политика Партии трудящихся являлась *социальным бонапартизмом* – в том смысле, что она отвечала интересам консервативной части верхов и одновременно опиралась на широкую поддержку низов. По существу, она представляла собой разновидность классового компромисса, но значительно более широкого, чем, например, популизм 1930-60-х годов, который, сохраняя систему латифундий и старую торгово-аграрную олигархию, был нацелен на благополучие городских слоев – от промышленников до организованных в профсоюзы рабочих, фактически игнорируя нужды многочисленной сельской бедноты и обитателей фавел.

Уже в 2012-2013 гг. стало ясно, что данная политика имеет свои пределы. Внешне это проявилось в замедлении экономического роста (с 7.6% в 2010 г. до 2.7% в 2013 г. и 0.1% – в 2014 г.), которое перешло в спад⁸², а также в ускорении деиндустриализации (см. выше).

Выход из сложившейся ситуации представляется на путях технологической модернизации, которая, разумеется, неотделима от дальнейшего совершенствования системы образования, вообще всей сферы «производства человека»⁸³. Речь, по существу, идет о ликвидации или, по крайней мере, о существенном уменьшении социального пространства внутренней периферии, олицетворяемой обширным слоем субпролетариата и тех, кто благодаря социальным программам Партии трудящихся недавно покинул его ряды, чуть приподнявшись над линией бедности. Однако социальная политика Партии трудящихся натолкнулась в этом направлении на пределы, которые лежат как в самой системе образования, так и в плоскости повседневной жизни субпролетариата. Другими словами, политика по устранению внутренних социально-экономических диспаритетов встречает сопротивление со стороны самих диспаритетов. Она оказалась – после ряда очевидных достижений – явно недостаточной, чтобы достичь провозглашаемых ею же целей. Это хорошо видно в сфере образования, развитие которой было справедливо признано «главным направлением удара» по бедности.

На первый взгляд, школа как общественный институт призвана уравнивать шансы всех детей на образование и дальнейшую карьеру. Но могут ли дети из «субпролетарских» семей осваивать школьные знания столь же успешно, как и их сверстники из семей среднего класса? Приучены ли они к самодисциплине и самоорганизации в той же мере, что и дети из благополучных семей, где у родителей есть гораздо больше возможностей уделять внимание своим детям, чем в семьях бедных, занятых весь день, а порой и ночь на тяжелой и плохо оплачиваемой работе? Ведь даже в тех бедных семьях, где родители не пьянствуют и не заняты криминальными делами, а честно работают и ориентируют своих детей на учебу, дети часто не имеют тех навыков и привычек, которые нужны для

⁸¹ Singer A. Raízes sociais e ideológicas do lulismo // Novos Estudos CEBRAP, 2009, n 85. PP. 88-89, 99-102; Singer A. Os Sentidos do Lulismo... P. 45, 75, 119, 201.

⁸² CEPAL. Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe 2015. Santiago de Chile: NU, 2015. P. 66.

⁸³ В Бразилии при президенте Д. Руссефф было намечено довести совокупные расходы на образование к концу нынешнего десятилетия до 10% ВВП – немыслимой в нынешней России величины. Экономический и политический кризис 2015-2016 гг. внес, однако, коррективы в эти планы.

полноценной учебы в школе. Неудивительно, что среди неуспевающих в школе гораздо больше детей из бедных, чем из благополучных семей, а социализация таких детей протекает главным образом на улице, нередко – в «дурной компании»⁸⁴. Более того, возникает если не прямое противоречие, то, по крайней мере, несоответствие (*discordo*) между социализацией бедных детей в семье и на улице, с одной стороны, и в школе – с другой. И только небольшая часть выходцев из субпролетариата смогла социализироваться через школу и затем получить профессиональное образование, перейдя в «нормальный» рабочий класс. (Судьба бывшего президента Лулы – один из немногих примеров такой социализации на волне индустриального бума в Бразилии в начале второй половины XX века.)

Таким образом, реализация социальных программ в Бразилии и политика по устранению диспаритетов столкнулась не только с обычным нежеланием части верхов делиться доходами с низами, но и со своеобразным консерватизмом самих низов. В конечном счете это препятствует экономической и технологической модернизации страны, не позволяя повысить эффективность экономики и увеличить расходы на социальные программы. Решение проблемы, очевидно, не может быть простым и легким. Оно займет, надо полагать, не одно десятилетие и предполагает выход за рамки всей индустриально-модернизационной парадигмы развития. Более того, оно, скорее всего, потребует определенного вторжения государства и гражданского общества в сферу частной жизни и (или) «обобществления» воспитания детей⁸⁵. Но это уже другая тема исследования.

Выводы

Существование глубоких социально-экономических диспаритетов в Бразилии – между регионами, между социальными группами и между отраслями экономики – является закономерным историческим результатом специфики бразильской модернизации, которая изначально не устраняла, а, наоборот, усиливала неравенство. Проводившаяся с начала 1930-х годов политика импортозамещающей индустриализации, а затем, с середины 1960-х годов, ускоренная модернизация экономики под эгидой военно-бюрократического авторитаризма, так и не сделали Бразилию полноценно развитой страной. К середине 1980-х годов, когда в Бразилии начался переход к демократии, в стране существовали зоны Первого и Третьего миров, бесспорные достижения в экономике и некоторых производственных технологиях сочетались с глубокой отсталостью обширных территорий и массовой бедностью населения.

Ситуация начала постепенно меняться с середины 1990-х годов. Правительство президента Ф.Э. Кардозу, проводя неолиберальную экономическую политику, одновременно приняло к исполнению около полусотни социальных программ, направленных на уменьшение бедности и сокращение неравенства. Успеху социальной политики, которая стала еще более активной при президентах Л.И. Луле да Силва и Д. Руссефф, содействовал ускорившийся экономический рост, хотя он и не был столь впечатляющим, как в период индустриализации 1950-1980-х годов. В Бразилии впервые за долгие годы стало снижаться социальное неравенство, хотя оно по-прежнему остается очень большим даже по меркам Латинской Америки. Одновременно уменьшился разрыв между Севером и Северо-Востоком, отсталыми регионами страны, и относительно развитым Югом и Юго-Востоком по такому важному показателю, как валовой региональный продукт на

⁸⁴ Souza J. e.a. Op. Cit. P. 213-214, 251-255, 286-288.

⁸⁵ IADB (Inter-American Development Bank). The Early Years: Child Well-Being and the Role of Public policy. Ed. by Berlinski S., Shady N. Houndmills, Basingstoke (UK), N.Y.: Palgrave Macmillan, IADB, 2015. P. 1-3.

душу населения. Примечательно, что при этом стали сближаться средние доходы сельских и городских домохозяйств, тогда как раньше разница между ними лишь возрастала. Сближение между деревней и городом в Бразилии проявилось также в показателях обеспеченности сельских и городских домохозяйств бытовой техникой, включая обеспеченность таковой у низкодоходных групп населения. Наконец – и в долгосрочном плане это, пожалуй, наиважнейшая тенденция – началось сближение между городом и деревней по уровню образования населения.

Следует отметить, что развитие экономических отношений Бразилии со своими соседями в рамках Общего рынка Юга, то есть объединения Меркосур, почти не влияет на снижение диспаритетов в самой Бразилии. Значительно большее воздействие на ситуацию в стране оказывают торгово-экономические связи с Китаем, причем они имеют скорее отрицательное, нежели положительное, влияние. Предъявляя спрос на соевые бобы и железную руду, другие аграрно-сырьевые товары из Бразилии, Китай экспортирует туда готовые промышленные изделия. Это подрывает конкурентоспособность бразильской индустрии, как на внутреннем бразильском рынке, так и на рынках других стран, включая ближайших партнеров Бразилии по Меркосуру, ускоряя деиндустриализацию страны. Таким образом, уменьшение социальных и межрегиональных диспаритетов в Бразилии сопровождается ухудшением структуры ее экономики.

Выход из сложившейся ситуации представляется на пути технологических инноваций, увеличения доли стоимости, добавленной переработкой, в валовом продукте, повышения общей конкурентоспособности на базе развития технологий, науки и образования. Однако, несмотря на все достижения последних лет в области образования, общее качество и самого образования, и совокупной рабочей силы в стране еще очень далеко от желаемого. Большинство тех, кто в последние годы вышел из состояния бедности, по-прежнему не приспособлены к сложному индустриальному труду. В то же время эти люди заинтересованы в сохранении достигнутого уровня потребления и финансовой стабильности, в которой заинтересованы также представители финансовых кругов и экспортеров сырья. Фактически в Бразилии сложился своеобразный консервативный альянс большой части и верхов, и низов.

К середине нынешнего десятилетия стали очевидны пределы социально-экономической политики, проводившейся с 1995 г. левоцентристскими правительствами Бразилии – сначала Партией Бразильской социал-демократии, а затем и Партией трудящихся. Попытки решить проблему острого социального неравенства и бедности путем развития образования и содействия беднякам в получении такового натолкнулись на неспособность многих детей из бедных семей осваивать школьные программы так, как это делают их более обеспеченные сверстники. Таким образом, наступление на бедность и стремление уменьшить колоссальные социально-экономические диспаритеты в Бразилии натолкнулись на устойчивые реликты самой бедности и эти же диспаритеты. Очевидно, что решение данной проблемы не может быть быстрым, но без него Бразилия не может надеяться на достойное место в мире XXI века.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ МАШРИКА

Арабский Ближний Восток, или Машрик⁸⁶ – традиционная зона пересечения интересов ведущих мировых держав, исторически оказывавших воздействие на повестку дня в этом сложном регионе. Параллельно с частичной утратой ими здесь в последние годы своего влияния наблюдается стремительное возвышение крупных региональных игроков, которые активно включаются в борьбу за продвижение собственных интересов, за большее доминирование в процессах регионального взаимодействия. Заметное место занимает в этих процессах Королевство Саудовская Аравия (КСА) – ведущий мировой экспортер нефти, одно из наиболее влиятельных государств Ближнего Востока и всего мусульманского мира.

Между тем ситуация в самой Саудовской Аравии отличается внутренней противоречивостью. И это накладывает серьезный отпечаток на взаимодействие королевства со странами Машрика, создавая препятствия для преодоления политических и экономических дисбалансов в регионе.

Саудовская Аравия: внутренние дисбалансы в социально-экономической сфере

По своему политическому устройству КСА – абсолютная монархия, не являющаяся, однако, теократией: несмотря на огромное влияние в общественной жизни религии, богословы здесь не принимают политических решений и остаются такими же подданными короля, как и все остальные. С начала 1990-х годов политическая система королевства претерпела определенную трансформацию в направлении постепенного отказа от наиболее архаичных форм и приближения к облику современного государства. Об этом свидетельствует предоставление женщинам права голосовать на выборах, а также принятие конституционных актов – Основного закона правления и Закона о Консультативном совете (*шуре*), являющимся в арабском мире органом, представляющим, по Шариату, интересы мусульман. Весной 2014 г. Консультативный совет (состоящий из 150 членов, включая и 30 женщин) обрел право законодательной инициативы, и из состава совета стало формироваться правительство⁸⁷.

Тем не менее внутривнутриполитическую ситуацию в стране осложняет ряд факторов: связанные с борьбой за престолонаследие распри в королевской семье; недовольство представителей местного духовенства допуском «неверующих» (Военно-воздушных сил США и их 7-го флота) на священную территорию королевства; напряженность в сфере межрелигиозных отношений (между суннитами и шиитами, составляющими 20% саудовского населения и проживающими в восточных нефтеносных провинциях королевства) и др. Диспропорции наблюдаются и в социально-экономической сфере.

Согласно переписи 2010 года, в стране насчитывается 29.8 миллиона человек (это больше, чем в Йемене и Сирии, но меньше, чем в Ираке), из которых 81% составляют жители городов. В то же время по неофициальным данным население КСА – с учетом иностранных рабочих и нелегальных мигрантов – достигает 35

⁸⁶ Этот регион включает в себя страны Аравийского полуострова (Бахрейн, Йемен, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовскую Аравию), а также Египет, Ирак, Иорданию, Ливан и Сирию.

⁸⁷ См. подробнее: Косач Г. Саудовская Аравия: страна и политика // МЭМО. 2016. №9. С. 48-56.

миллионов человек⁸⁸. Фактор трудовых мигрантов вкупе со стремительным ростом населения способен привести к ситуации, когда в энергетической сфере, являющейся краеугольным камнем саудовской экономики, кризис может быть усугублен резким увеличением внутреннего потребления нефтепродуктов. Да и в целом зависимость экономики страны от трудовых мигрантов, от которых власти все равно в ближайшие годы отказаться не смогут, делает саудовский режим уязвимым.

Миграционные процессы в КСА⁸⁹ прошли несколько стадий. Первая относится к 1970 – началу 1980-х годов, когда в период нефтяного бума происходило наиболее интенсивное привлечение рабочей силы из США, Европы, арабских и азиатских государств. Такая политика позволила создать в КСА современную промышленную инфраструктуру, в то время как излишки доходов от продажи нефти направлялись на социальные нужды, поддержку городов и их жителей, особенно тех, кого правительство не могло обеспечить работой.

Вторая стадия (середина 1980-х – середина 1990-х годов) примечательна значительным притоком трудовых мигрантов из Азии. В тот период перепады в ценах на нефть заставили государственный и частный сектора в КСА, а также и в других аравийских монархиях, урезать расходы. В связи с этим произошла замена арабских рабочих (из Египта, Магриба) на менее требовательных, но одновременно и менее квалифицированных трудовых мигрантов из Азии. Следствием всего этого явилась массовая репатриация арабов на родину.

Третья стадия (1990-е – 2000-е годы) характеризуется ростом безработицы среди местного населения, что стало результатом негативных последствий войн в Заливе, снижения в начале 1990-х годов цен на нефть, сокращения иностранных активов, роста населения и, соответственно, увеличения предложений на рынке труда. Если в период нефтяного бума численность иностранных рабочих в КСА доходила, по неофициальным данным, до 11 млн человек, то уже в нулевые годы их число упало до 6 млн человек. Тем не менее еще в 2003 г. саудовское Министерство труда сообщало о том, что трудовые мигранты занимают около 2/3 рабочих мест и составляют 95% всех занятых в частном секторе⁹⁰. Мигранты, трудившиеся в Саудовской Аравии, продолжали ежегодно отправлять на родину десятки миллиардов долларов, так что Саудовская Аравия по объему денежных переводов трудовых мигрантов заняла второе место в мире⁹¹.

Зависимость от дешевой иностранной рабочей силы сыграла с КСА, как и с другими нефтяными государствами Персидского залива, злую шутку: доступность и дешевизна труда мигрантов побудила власти отложить на неопределенный срок формирование квалифицированной национальной рабочей силы, помешала складыванию диверсифицированного и производительного частного сектора, который бы обеспечил новоприбывших мигрантов дополнительными рабочими местами. Стало очевидным, что проводившаяся королевством миграционная политика исчерпала свои ресурсы. Именно потому в КСА были запущены программы «саудизации рынка труда» с целью ограничения притока трудовых мигрантов и замены иностранных работников местными жителями.

⁸⁸ Анастасов П. Саудовская нефть: кому она нужна? // Интернет-журнал «Новое восточное обозрение» [сайт]. 26.12.2013. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/12/26/rus-saudovskaya-neft-komu-ona-nuzhna> (дата обращения: 27.12.2013).

⁸⁹ См. подробнее: Малышева Д.Б. Миграционные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке / Миграционные процессы в развивающихся странах Азии и Африки (динамика и современное состояние). Сборник статей. Отв. ред. А.А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 71-87.

⁹⁰ Divya Pakkiasamy. Saudi Arabia's Plan for Changing Its Workforce. Migration Policy Institute. Migration Information Source. November 1, 2004.

⁹¹ Al Zammel E. Saudi labor reform opens new opportunities for economy // Al Monitor. 05.01.2014. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/01/end-era-cheap-labor-gulf.html> (accessed 27.06.2016).

С 2003 г. вводится ограничение на прием трудовых мигрантов из-за рубежа с одновременным субсидированием местной рабочей силы. Для этого Саудовский совет по рабочей силе (The Saudi Manpower Council) принял решение о том, что к 2013 году численность иностранных рабочих и их семей не должна превышать 20% населения королевства, что предусматривало сокращение числа иммигрантов до 3 млн человек⁹².

В свою очередь Министерство внутренних дел и Министерство труда КСА решили принимать меры против тех, кто «нарушает правила проживания», то есть фактически взяли курс на сокращение трудовой миграции. Предполагается запрет на наемную иностранную рабочую силу по 22 направлениям с одновременным повышением расходов предпринимателей на комплектование личного состава из числа иностранных рабочих. Их саудовские власти планируют заменить местными национальными кадрами, прежде всего, в авиации, нефтяном и банковском секторах. Если там от 70 до 100% мест удастся предоставить саудовским гражданам, которые заменят собой иностранных мигрантов, то это будет знаком того, что реформирование удалось. С этой целью Министерство труда усилило нажим на мелкий и средний бизнес, перед которым была поставлена задача активнее привлекать граждан королевства, а не трудовых мигрантов, прибывших из-за границы. В целях защиты безопасности страны от нелегальной миграции (и террористов) власти Саудовской Аравии объявили даже о строительстве 900-километровой стены. Больше всех от этой меры саудовского правительства пострадали иракские беженцы, для которых был затруднен въезд на территорию королевства⁹³.

Есть, однако, сомнения в том, что саудовским властям удастся уменьшить зависимость национальной экономики от иностранной рабочей силы. Так, согласно требованиям Саудовского совета по рабочей силе, между 1998 и 2003 гг. произошло снижение численности мигрантов на 5%, в то время как уменьшение мигрантов на такое количество должно, по планам Совета, происходить ежегодно. К тому же у Министерства труда не так много возможностей для того, чтобы заставить бизнесменов отказаться от иностранной рабочей силы, использовать которую для них значительно выгоднее, нежели саудовцев, поскольку последние требуют за свой труд большее денежное вознаграждение, чем иностранные трудовые мигранты. Трудно также избавиться от зависимости от труда иностранцев в ряде отраслей народного хозяйства королевства. Так, например, саудовским больницам нужно 100 тыс. медицинских сестер. Но из них только 1 тыс. – граждане Саудовской Аравии, а 53 тыс. являются трудовыми мигрантами из Азии, Африки и стран Запада. Быстро заменить их национальными кадрами просто невозможно, потому что на обучение профессии и специальную подготовку должно уйти время.

Между тем инициативы по «саудизации рынка труда» сочетаются в королевстве с реформами, нацеленными на улучшение положения иностранцев – трудовых мигрантов. В 1992 г. был издан Основной закон, включивший положение о праве иностранцев участвовать в судебном процессе. Позднее, в 2003 г., Консультативный совет одобрил создание Саудовского комитета по правам человека (объединенного позднее с Комитетом Шуры по исламским делам – Shoura Islamic Affairs Committee) и Национальной ассоциации по правам человека. Эти

⁹² См.: Малышева Д.Б. Актуальные проблемы миграционной политики государств Ближнего Востока и Персидского залива / Миграционные процессы в развивающихся странах Азии и Африки (основные проблемы, попытки решения). Отв. ред. А.А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 29.

⁹³ Migration Policy Institute. Issue № 2: Iraqi Refugees: Diminished Options and Little US Support. December 3, 2007.

организации должны осуществлять в Саудовской Аравии мониторинг соблюдения прав человека, в том числе и иностранных рабочих⁹⁴.

Проблема трудоустройства молодежи остается «ахиллесовой пятой» королевства, где по проведенным в 2014 г. подсчетам Международной организации труда 2/3 жителей – молодые люди, не достигшие 30 лет, а 30% населения в возрасте от 15 до 24 лет не имеет работы. Плюс к этому в настоящее время 27% населения КСА составляет молодежь, не достигшая 14 лет, что говорит о том, что власти королевства должны будут позаботиться о создании в ближайшем будущем значительного числа дополнительных рабочих мест⁹⁵.

Для поддержания социальной стабильности в стране, имиджа Саудовской Аравии как государства всеобщего благоденствия власти ежегодно тратят 250 млрд долл. на социальные программы, в то время как в частный сектор направляется 15% правительственных расходов, львиная доля которых, прямо или косвенно, идет на зарплаты 2 миллионам государственных служащих. Сотни миллиардов долларов бюджетных средств выделяются на программы помощи безработным и жилищное строительство⁹⁶. В период с 2011 по 2014 гг. в ответ на волнения, охватившие Ближний Восток в период «Арабской весны», в КСА увеличились социальные расходы, призванные купировать возможную дестабилизацию.

Отдельные шаги, направленные на модернизацию социально-экономической сферы в КСА, не изменили, однако, структуру экономики, которая сохранила свой сырьевой характер.

Саудовская петрозкономика

Саудовская Аравия является одним из крупнейших в мире экспортеров нефти, обладающим 16% доказанных мировых запасов этого сырья. Бюджет королевства почти на 90% зависит от доходов от экспорта нефти, которая создает 45% саудовского ВВП. Таким образом, энергетическая сфера является краеугольным камнем саудовской экономики. Но Саудовская Аравия является не только известным экспортером нефти, но и крупнейшим потребителем этого ресурса: согласно данным ВР («Статистический обзор мировой энергетики за 2017 год»), Саудовская Аравия в 2016 г. была уже на 11-м месте в мире по потреблению первичной энергии (поднявшись за 10 лет на 4 места), 63% которой базировалось на нефтяной основе⁹⁷.

Все операции по переработке и экспорту нефти и природного газа осуществляются государственной нефтяной и газовой компанией АРАМКО (Saudi Aramco), являющейся крупнейшей в мире компанией такого рода. Нефтяной и газовый сектор, а также деятельность АРАМКО контролируются Министерством нефти и природных ресурсов КСА, а за координацию энергетической политики страны, включая и ее международные аспекты, отвечает Высший совет по нефтяным и природным ресурсам.

В течение первой половины текущего десятилетия Саудовская Аравия ежегодно снижала объемы (до 1 млн баррелей) поставок нефти на внешние рынки, сократив их долю в 9 из 15 важнейших стран-потребителей нефти, включая США, Китай и ЮАР. В 2015 г. доля Саудовской Аравии на общемировом рынке нефти несколько выросла по сравнению с предыдущим годом, однако она была ниже

⁹⁴ Малышева Д.Б. Актуальные проблемы... С. 29–30.

⁹⁵ Holodny E. This is Saudi Arabia's 'Achilles' heel // Business Insider. 26.05.2016. URL: <http://www.businessinsider.com/saudi-arabia-achilles-heel-security-problem-2016-5> (accessed 31.05.2016).

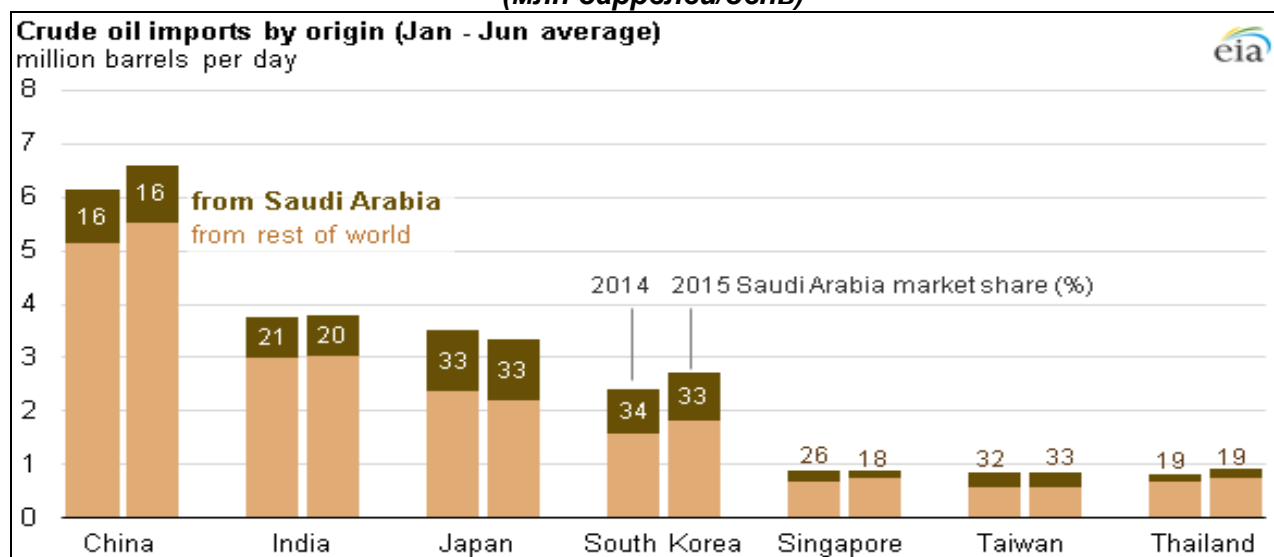
⁹⁶ Alwahabi S. How will Saudis adapt to low oil prices? // Al Monitor. 08.12.2014. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/12/oil-prices-decrease-saudi-arabia-crises.html> (accessed 27.06.2016).

⁹⁷ BP Statistical Review of World Energy June 2017. P. 8-9. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf> (accessed 10.07.2017).

уровня 2013 г. В 2015 г. экспорт саудовской нефти обеспечивал 8.1% мирового спроса (без учета собственных потребностей королевства) при том что в 2014 г. королевство удовлетворяло 7.9%, а в 2013 г. – 8.5% мировых потребностей в нефти⁹⁸. Максимальная роль КСА в импорте нефти была у стран Азии (см. рис. 4.1).

Рисунок 4.1

**Доля Саудовской Аравии на рынке сырой нефти Азии в первой половине 2015 г.
(млн баррелей/день)**

Источник: U.S. Energy Information Administration. URL: <http://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=22852>.

Резкое падение цен на нефть (со 114 долл. за баррель в июне 2014 г. до 32 долл. в январе 2016 г. за баррель эталонного сорта Brent) несомненно сказалось на экономическом развитии Саудовской Аравии, хотя и не привело к катастрофическим последствиям – благодаря колоссальным финансовым резервам, накопленным саудовским Центробанком за долгие годы нефтяного процветания. Так, например, в отличие от ряда других стран-нефтеэкспортеров, валюты которых в 2014-2016 гг. испытали девальвацию, саудовский риал сохранил устойчивость к доллару. Но дефицита бюджета избежать не удалось: в 2015 г. он составил 98 млрд долл. (15% ВВП), а на 2016 г. был заложен на уровне 87 млрд⁹⁹. Падение цен на нефть сказалось и на нефтехимической отрасли – второму по значимости источнику доходов казны: экспорт нефтехимической продукции упал на 7%, что привело к сокращению поступлений в бюджет, дефициту торгового баланса и баланса платежей¹⁰⁰.

В поисках средств для пополнения государственного бюджета правительство вынуждено было сократить субсидии на топливо и принять ряд других антикризисных мер (повысить налоги на табак, табачные изделия, некоторые виды напитков и др.). В 2016 г., впервые за истекшее десятилетие, власти КСА обратились к международным банкам-кредиторам с просьбой предоставить королевству долларовый кредит на 5 лет с возможностью его последующей пролонгации. По

⁹⁸ Эксперты сообщили о потере Саудовской Аравией важнейших рынков сбыта нефти // Lenta.ru [сайт]. 28.03.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/03/28/saudioil> (дата обращения: 29.03.2016).

⁹⁹ Зотин А. Принц и вышки. Как Саудовская Аравия избавляется от нефтяной зависимости // Коммерсантъ Деньги. 16.05.2016. №19. С. 11.

¹⁰⁰ Abdullah-ibn-Rubeaan. Saudi Arabia caught between two credit ratings // Al Monitor. 11.11.2015. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/business/2015/11/saudi-arabia-economy-credit-rating.html> (accessed 27.06.2016).

неофициальной информации, поиском кредиторов занялась частная консалтинговая фирма Verus Partners¹⁰¹.

Преодолеть возникшие сложности и экономические дисбалансы, вызванные в том числе и перепадами цен на нефть, призваны реформы, инициированные в 2016 г.

Реформы «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030»

Сын правящего в КСА монарха наследный принц Мухаммад ибн Салман Аль Сауд, являющийся вторым заместителем председателя правительства, главой Министерства обороны и Высшего комитета по экономике, рассматривается экспертным сообществом как лидер «нового поколения семьи». Он не только взял на себя ответственность за войны монархии в Йемене и Сирии, но пытается также преодолеть плавучесть саудовской экономики, изменить ее сырьевой характер путем модернизации ключевых отраслей. Все это планируется осуществить в рамках амбициозной программы «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030», разработанной руководством страны и принятой кабинетом министров 25 апреля 2016 г.

Главная идея «Видения» – избавление от сырьевого характера саудовской экономики и нефтяной зависимости, замена доходов от нефти доходами от инвестиций. С этой целью программа предусматривает сокращение государственных расходов и снижение субсидий, пересмотр государственных инвестиционных программ, уменьшение расходов на закупку вооружения за рубежом, диверсификацию активов и повышение текущих инвестиционных доходов. Планируется также повышение сборов и тарифов на коммунальные и другие общественные услуги, постепенное расширение налоговой базы (в том числе путем введения налога на добавленную стоимость), повышение доходов от трудовых мигрантов и вынужденных переселенцев.

У новых реформ есть и другие составляющие. Это – логистические проекты, в которых КСА, имеющее выход к морям, через которые проходят 30% мировых коммерческих потоков, крайне заинтересовано. Так, надежды в Эр-Рияде возлагаются на планируемую к запуску транспортную магистраль из Египта в Саудовскую Аравию: она позволит оживить торговые и людские потоки по Суэцкому каналу. Намечены меры по поддержке малого бизнеса: к 2030 г. его долю в ВВП предполагается поднять с нынешних 20 до 35%. В числе мер помощи – сокращение административного давления и упрощение доступа к кредитам.

Планом реформ предусмотрена также диверсификация сырьевого сектора за пределы нефтяной отрасли. В Саудовской Аравии значительны запасы золота, серебра, фосфатов, урана (6% от мировых). Эти природные богатства разрабатывались в королевстве до недавнего времени только на 3-5%. Ожидается, что развитие ненефтяного сектора приведет к дополнительному спросу на рабочие места, благодаря чему безработица к 2030 г. снизится с 11.6 до 7%. Планируется и развитие возобновляемой энергетики, мощности которой к 2030 г. намечено довести до 9.5 ГВт (8% от всех мощностей)¹⁰².

Реформы затрагивают и такую деликатную сферу общественной жизни королевства, как организация паломничества в Мекку и Медину: повышение доходов от него планируется достичь путем построения современной сервисной инфраструктуры (расширение метрополитена в Мекке под нужды паломников и др.). Доходы рассчитывают получить и от развития туризма, в том числе на государственных землях на побережье Красного моря, где намечено создание

¹⁰¹ Хвостик Е. Саудовская Аравия попросит в долг 8 млрд долл. // Коммерсантъ. 10.03.2016.

¹⁰² Зотин А. Принц и вышки. С. 11.

туристических зон. Новые реформы включают в себя также инвестиции в науку и образование, благодаря чему к 2030 г. планируется довести до пяти число саудовских университетов, входящих в топ-200¹⁰³.

Главным элементом обширной программы новых реформ является масштабная приватизация. За ее счет долю частного сектора в ВВП планируется увеличить к 2030 г. с нынешних 40 до 65%. Приватизацию предполагается осуществить в несколько этапов. На первом предстоит продажа части (5%) акций материнской компании АРАМКО, считающейся самой дорогой в мире. Эксперты оценивают ее от 0.7 трлн до 10 трлн долл.¹⁰⁴, хотя в силу закрытого характера саудовской политики и бизнеса можно только гадать об истинной рыночной цене активов компании, которую в рамках реформирования саудовской экономики планируется превратить в промышленный и энергетический конгломерат. Продажа части акций АРАМКО позволит покрыть дефицит бюджета и направить деньги на поддержку укрепляемого за счет приватизации Государственного инвестиционного фонда (Public Investment Fund, PIF). Этот фонд был учрежден еще в 1971 г. для поддержки проектов стратегической значимости и развития саудовской экономики. Он имеет активы на сумму в 160 млрд долл., включая доли такой компании, как Saudi Basic Industries Corp., являющейся второй по величине в мире производителем химикатов, а также активы крупнейшего в Саудовской Аравии финансового заемщика – Национального коммерческого банка. С учетом трансфера акций АРАМКО и принадлежащих государству земель, которые также могут быть приватизированы, PIF увеличит свою капитализацию до 106 млрд долл. и в будущем будет контролировать более 3 трлн долл., став, таким образом, крупнейшим в мире суверенным инвестиционным фондом¹⁰⁵.

Благодаря фонду планируется уменьшить зависимость экономики страны от нефти, и основным источником доходов Саудовской Аравии станут инвестиции, а не нефть. В рамках данной стратегии Саудовская Аравия планирует реструктурировать финансовую и административную систему страны. В интервью агентству Bloomberg принц Мухаммад ибн Салман заявил: «Государственный инвестиционный фонд – только одна часть программы, которую предусмотрено осуществить королевством. Она будет запущена после Программы национальной трансформации (The National Transformation Program). Мы ставим своей целью увеличить размеры PIF путем реструктуризации фондов, некоторых компаний и принадлежащих сегодня PIF активов»¹⁰⁶.

Помимо преобразования саудовской экономики важной, но не афишируемой целью реформ является сдерживание соперников КСА на мировых энергетических рынках – Ирана и США. Саудовские власти исходят из того, что высокие цены на нефть помогают Ирану, сланцевым компаниям США и другим производителям относительно дорогостоящей нефти. А вот в Саудовской Аравии рост нефтедобычи при искусственно завышенных ценах грозит дальнейшей разбалансировкой рынка с превышением предложения над спросом и в итоге может опять обрушить цены, как это было в 2014 г.

Жизненно заинтересованные в том, чтобы сбалансировать растущее влияние и мощь Ирана, саудовские власти лихорадочно ищут союзников на глобальном

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Bianchi S. The Key Questions Asked About Saudi Arabia's \$2 Trillion Fund // Bloomberg [site]. 25.05.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-05-25/key-questions-raised-by-the-2-trillion-saudi-wealth-fund-plan> (accessed 27.06.2016).

¹⁰⁶ Saudi Arabia's Deputy Crown Prince Outlines Plans: Transcript // Bloomberg [site]. 04.04.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-04-04/saudi-arabia-s-deputy-crown-prince-outlines-plans-transcript> (accessed 27.06.2016).

уровне. В качестве таковых США в Эр-Рияде уже не рассматриваются, поскольку, благодаря росту производства сланцевой нефти, США сумели освободиться от энергозависимости от Саудовской Аравии, и в итоге многолетние союзнические отношения Вашингтона и Эр-Рияда, в рамках которых США де-факто гарантировали военную безопасность монархии, дали трещину. Она серьезно расширилась после частичного снятия американских санкций с Тегерана в 2015 г. В КСА полагают, что только низкие цены на нефть смогут разорить американских производителей и снова сделать США энергозависимыми от королевства и его сателлитов. А пока саудовские власти, пользуясь возникшим кризисом в отношениях России и Запада, пытаются привлечь Россию на свою сторону, несмотря на существование серьезных расхождений между Эр-Риядом и Москвой: Россия в отличие от саудовцев заинтересована в высоких ценах на нефть, и она вряд ли в угоду конъюнктуре откажется от стратегического партнерства с Ираном (хотя и в отношениях с этим государством у РФ далеко не все гладко).

Если новые реформы удастся осуществить хотя бы частично, то Саудовская Аравия сможет преодолеть накопившиеся за истекшие десятилетия дисбалансы в экономике, продвинуться по пути модернизации. В случае успешного проведения реформ и реструктуризации своей энергозависимой экономики Саудовская Аравия сможет также явить собой вдохновляющий пример для других стран, сталкивающихся с аналогичными проблемами, побудить их к перестройке собственных экономик и политических систем.

Однако саудовские реформаторы – несмотря на солидную поддержку, оказываемую им сегодня правящей монархией – могут столкнуться с серьезными рисками. Они связаны с негативным отношением к реформам части населения, которое традиционно отвергает экономические эксперименты, способные подорвать его благополучие. Соппротивление реформам могут оказать влиятельные религиозные консерваторы, радеющие за сохранение в неизыблемости традиционных устоев Саудовской Аравии, «хранительницы священных мест ислама». Часть политического истеблишмента королевства также не заинтересована в переменах, поскольку они неизбежно затронут политическую сферу – пошатнут авторитет и без того не слишком популярного монархического клана, выведут на повестку дня наболевшие вопросы социального неравенства, обострят суннитско-шиитские противоречия и пр. Могут активизироваться и давние оппоненты монархии – религиозные радикалы-фундаменталисты, связанные с организацией «Братьев-мусульман», «Аль-Каидой», «Исламским государством» (террористическая структура, запрещенная в РФ). Все они, как известно, ратуют за «чистоту ислама», очищение уммы от «искажений» и негативных, с точки зрения исламских радикалов, воздействий Запада.

На осуществление реформ может к тому же элементарно не хватить денег, учитывая снижение цен на главный экспортный продукт страны – нефть. Сокращение золотовалютных резервов связано и с ежегодным увеличением расходов королевства на военные нужды: в 2015 г. военные расходы возросли на 5.7%, составив 87.2 млрд долл., и Саудовская Аравия заняла по этому показателю третье место в мире – после США (с их 596 млрд) и Китая (215 млрд)¹⁰⁷.

О кризисе, который испытывает саудовская экономика, свидетельствует резкое сокращение капитальных расходов: с 98.6 млрд долл. (370 млрд риалов) в 2013 г. до 70.2 млрд долл. (263.7 млрд риалов) в 2015 г. и 20.6 млрд долл. (75.8

¹⁰⁷ World military spending resumes upward course, says SIPRI // SIPRI [site]. 05.04.2016. URL: <http://www.sipri.org/media/pressreleases/2016/milex-apr-2016> (accessed 05.04.2016).

млрд риалов) в 2016 г. Замедлился и экономический рост королевства, составив в 2016 г. 0.6%, что ниже предыдущего года с его 3.4%¹⁰⁸.

Взаимодействие с монархиями Персидского залива и другими государствами Машрика

Проблемы возникли не только у КСА. Весь Машрик оказался охваченным вследствие «арабской весны» беспрецедентным по своим масштабам кризисом. Он имел своим результатом возвышение региональной роли заклятого врага КСА – Ирана и расширение влияния другого противника монархии – «Исламского государства». Парадокс заключался в том, что Саудовская Аравия, другие монархии Персидского залива многие годы сами – иногда напрямую, а чаще через различные «благотворительные фонды» – поддерживали на Ближнем Востоке и по всему миру исламистско-экстремистские движения. Катар, к примеру, установил тесные связи с действующими в Ливии, Сирии, Египте, Тунисе организациями «Братьев-мусульман», которые конкурировали в политическом спектре арабского мира с поддерживаемым Саудовской Аравией салафитским направлением.

Но ближневосточная дестабилизация напугала саудовские власти, побудив их прибегнуть к наступательной внешней политике и сосредоточить внимание в первую очередь на зоне Персидского залива, государства которого оказались не застрахованы от пертурбаций «арабской весны». В ряде стран этого региона прошли выступления под лозунгами «перемен во всех сферах жизни». Эти манифестации не вылились, однако, в массовые протесты по египетской или сирийской моделям. Исключение составил Бахрейн, где с середины февраля 2011 г. демонстранты, принадлежавшие к разным конфессиям¹⁰⁹, разбили палаточный городок на Жемчужной площади столицы страны Манама и потребовали политических реформ. Не сумев самостоятельно усмирить протестующих, власти Бахрейна в марте ввели чрезвычайное положение и призвали на помощь Саудовскую Аравию и ОАЭ. Боевые подразделения этих стран, представлявшие Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), вошли 14 марта в Бахрейн и подавили антиправительственные выступления, возложив вину за их организацию на Иран. Чрезвычайное положение было отменено 1 июня 2011 г., но иностранные силы остались в Бахрейне.

В самой Саудовской Аравии 29 января 2011 г., спустя несколько дней после того, как в Самте неизвестный мужчина скончался в результате самосожжения, несколько сот демонстрантов вышли на улицы Джидды с социальными требованиями. А 10 марта свою демонстрацию провели в богатой нефтью Восточной провинции шииты, обвинившие власти, как обычно, в религиозной и политической дискриминации. В обоих случаях мирные протесты были жестко пресечены силами правопорядка королевства. В добавление к этому в марте в Саудовской Аравии было арестовано пятеро интеллектуалов, пытавшихся создать первую в истории этой страны политическую партию под названием «Умма». Эта мера стала частью более широкого наступления на политическую оппозицию. Одновременно в целях понижения протестной активности тогдашний король КСА Абдалла ибн Абдул-Азиз Аль Сауд даровал народу пакет финансовых льгот на сумму в 35 млрд долл.

¹⁰⁸ Saudi Arabia to slash capital spending by 71% // Russia Today [site]. 11.10.2016. URL: <https://www.rt.com/business/362382-saudi-capital-spending-fall> (accessed 12.10.2016).

¹⁰⁹ Шииты составляют 70% населения Бахрейна, но власть в нем принадлежит суннитскому режиму. Большинство саудовских шиитов живет в нефтеносной Восточной провинции, и после «исламской революции» в Иране Аль-Сауды столкнулись с растущими ожиданиями шиитского меньшинства как у себя в стране, так и в Бахрейне.

КСА давно вынашивало планы по усилению своего веса и сплочению вокруг себя шести наследственных аравийских монархий, объединившихся в ССАГПЗ. Это достаточно успешное интеграционное объединение, участники которого реализуют экономические проекты и пытаются проводить согласованную политику в сфере безопасности. ССАГПЗ является также центром притяжения для других арабских государств – Египта, Марокко, Иордании. Эр-Рияд предлагал в свое время создать в рамках ССАГПЗ безвизовую зону (по подобию Шенгенской зоны ЕС), единую валюту, коллективные силы безопасности, которые бы придали новое качество «Щиту полуострова» – существующему с 1982 г., но никак особенно не проявившему себя военному объединению шести аравийских монархий. В декабре 2011 г. на очередном саммите ССАГПЗ в Эр-Рияде король Абдалла предложил создать военно-политический союз на новой основе – как ответ на «иранскую угрозу». Предложение саудовцев диктовалось также тревогами в связи с набиравшим силу «арабским пробуждением», которое способно было подорвать незыблемость власти суннитских монархических режимов Машрика.

В 2013 г. на саммите ССАГПЗ в Эль-Кувейте (10-11 декабря) саудовские власти вновь вернулись к идее военного союза арабских государств Персидского залива. В итоге участники саммита приняли решение о создании единого военного командования со штаб-квартирой в Эр-Рияде. В коммюнике саммита был также включен пункт о формировании в арабских странах Персидского залива специального управления полиции, которое будет вести борьбу с терроризмом и работать над повышением уровня безопасности внутри стран Совета сотрудничества.

Реакция на саудовские инициативы со стороны ближайших партнеров КСА по региону показала, что продвигать такие инициативы Эр-Рияду достаточно сложно. Так, саудовское предложение о создании в Персидском заливе военного союза было встречено сопредельными монархиями достаточно прохладно, и к этому проекту отнеслись без особого энтузиазма все участники ССАГПЗ – кроме Бахрейна, власти которого остаются таковыми во многом только благодаря саудовской армии и полиции. Самое серьезное сопротивление идее военного союза оказали Оман и ОАЭ, пытающиеся строить с Ираном сбалансированные отношения, чему может помешать организуемый Эр-Риядом военный альянс, который наверняка будет иметь антииранскую направленность.

Взошедший на престол в Саудовской Аравии 23 января 2015 г. король Салман ибн Абдул-Азиз Аль Сауд сделал ставку на молодое поколение принцев, избрав значительно более решительную, нежели его предшественник на королевском троне – Абдалла, политику по защите саудовских интересов в регионе. Этот новый курс сказался на наполненном драматизмом взаимодействии КСА с другими арабскими государствами Ближнего Востока. Показателен в этом плане пример Египта.

Отношения с ним КСА резко потеплели после отстранения египетскими военными от власти в январе 2014 г. президента Мухаммеда Мурси – ставленника «Братьев-мусульман», которых в Саудовской Аравии традиционно рассматривают как бунтовщиков, угрожающих монархическому правлению. Вскоре после того как с июня 2014 г. президентом Египта стал поддержанный военными фельдмаршал Абдул Фаттах Халил ас-Сиси, это арабское государство получило от Эр-Рияда финансовую подпитку и обещания новых кредитов. Планировалось, что часть из них будет направлена в том числе и в зарождающуюся российско-египетскую сферу военно-технического сотрудничества, получившего импульс после визита в Египет 14 ноября 2013 г. глав внешнеполитического и оборонного ведомств России. Объективно смена власти в Египте ослабила саудовского соперника – Катар, который финансировал режим Мурси, а после отстранения последнего от власти

фактически потерял выделенные египетскому правительству «Братьев-мусульман» 5 млрд долл. Перемены в Египте рассорили саудовцев с другим своим союзником-соперником – Турцией, которая осудила египетских военных за то, что они, как утверждали в Турции, совершили государственный переворот. В то же время падение Мурси оказалось выгодным Израилю (но по иным причинам), сблизив его подходы в отношении команды ас-Сиси с саудовскими.

КСА придало новый импульс экономическим отношениям с Египтом, регулируя их в рамках Координационного совета Саудовская Аравия – Египет (The Egyptian-Saudi Coordination Council) и Саудовско-египетской деловой ассоциации (The Saudi-Egyptian Business Association, SEBA). Было, в частности, принято решение об увеличении объема саудовских инвестиций в Египет до 8 млрд долл. и покрытии Саудовской Аравией в течение пяти лет нефтяных потребностей Египта. Кроме того, король издал указ об увеличении саудовских инвестиций в Египет на сумму, превышающую 30 млрд риалов (около 8 млрд долл.)¹¹⁰.

Однако в 2016 г. между Египтом и КСА стали нарастать разногласия из-за различных подходов к сирийскому и йеменскому конфликтам, проблемам взаимодействия с Россией и пр. В частности, в Египте стали отдавать в сирийском конфликте большее предпочтение политико-дипломатическим методам. Прозвучала со стороны египетских властей и критика по поводу вмешательства Саудовской Аравии в гражданскую войну в Йемене. Возникшие между Египтом и КСА трения на время сгладились после визита в апреле 2016 г. короля Саудовской Аравии в Египет, где этот визит назвали «историческим»¹¹¹. Был подписан договор о создании совместного египетско-саудовского фонда с уставным капиталом в 16 млрд долл. Помимо этого, стороны заключили соглашение об учреждении зоны свободной торговли на Синайском полуострове¹¹². Саудовцы пообещали также предоставить 100 млн долл. для увеличения мощности теплоэлектростанции «Западный Каир» и 120 млн долл. на реконструкцию исторического комплекса Каср эль-Айни в Каире¹¹³. Были обсуждены и планы по строительству «Моста короля Салмана»¹¹⁴, который должен был связать египетский курорт Шарм-эш-Шейх с саудовским портом Рас-Хумайд, находящимся на севере КСА – в Табуке. Мост позволил бы проехать из Азии в Африку на машине всего за полчаса, открыв, таким образом, возможности для расширения торговой и экономической деятельности, развития туристической сферы не только для Саудовской Аравии и Египта, но и для многих стран региона. Однако уже в октябре 2016 г. едва наладившийся египетско-саудовский альянс распался – на этот раз из-за резко изменившейся позиции Каира по сирийскому вопросу, наиболее четко обозначившейся во время голосования в Совете Безопасности ООН 8 октября: тогда представитель Египта не поддержал саудовские предложения по Сирии, проголосовав за российский проект резолюции. С этого времени саудовско-египетские отношения пошли на спад.

¹¹⁰ More Saudi aid // Al Ahram. 31.12.2015. URL: <http://weekly.ahram.org.eg/News/15071/18/More-Saudi-aid.aspx> (accessed 20.03.2016).

¹¹¹ Король Саудовской Аравии с «историческим» визитом посетит Египет // eadaily.com. 07.04.2016. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/04/07/korol-saudovskoy-aravii-s-istoricheskim-vizitom-posetit-egipet> (дата обращения: 07.04.2016).

¹¹² Саудовская Аравия наращивает инвестиции в Египет // Большой Ближний Восток [сайт]. 12.04.2016. URL: <http://thegreatmiddleeast.com/2016/04/12/43-09-89-22-57> (дата обращения: 25.09.2016).

¹¹³ Galal R. Red Sea bridge project resurfaces // Al Monitor. 19.04.2016. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/04/egypt-saudi-arabia-red-sea-bridge-islands.html> (accessed 21.04.2016).

¹¹⁴ О строительстве такого моста стороны договорились еще в 1988 г., однако в 2006 г. тогдашний президент Египта Хосни Мубарак, поддержанный Израилем и Иорданией, отверг этот проект, исходя в числе прочего и из соображений безопасности.

Таким образом, позитив, который попыталась внести Саудовская Аравия в межгосударственное взаимодействие с Египтом, другими странами Арабского Ближнего Востока, во многом нивелировался внешнеполитическим курсом, взятым в последние годы на вооружение правящими верхами королевства – курсом, нацеленным не столько на поддержание стабильности в регионе, сколько на стремлением добиться для КСА нового статуса региональной державы, способной создавать вокруг себя коалицию союзников и вмешиваться, опираясь на нее, в кризисные зоны Машрика.

Саудовская Аравия в зонах нестабильности Машрика

«Арабская весна», привнесшая в ближневосточный регион поистине революционные изменения, спровоцировала здесь настоящую религиозную войну, существенно увеличив политический вес соперников КСА. Под влиянием новых реалий власти королевства вынуждены были скорректировать свои внешнеполитические установки – в отношении Ирана, Сирии, Ливана, Египта и др., что, впрочем, не всегда совпадало с подходами – дипломатическими, военно-политическими, экономическими – других участников ближневосточных баталий.

Продолжив финансировать так называемые повстанческие вооруженные группировки суннитских исламистов в Ираке («Исламское государство Ирака и Леванта»), Ливане (связанные с «Аль-Каидой» бригады «Абуллы Азама», воюющие против «Хизбаллы», поддерживающей в свою очередь сирийского президента Башара Асада), Сирии (связанные с «Аль-Каидой» террористические организации), КСА занялось отстаиванием своей региональной гегемонии. В результате КСА погрузилось в кровопролитные ближневосточные конфликты – по большому счету бесперспективные с точки зрения национальных интересов королевства.

Саудовская политика в отношении *Йемена* традиционно включала прямые военные интервенции в эту страну, поскольку Эр-Рияд всегда стремился сохранить Йемен в числе своих союзников и не допустить здесь иранского влияния. С августа 2014 г. Йемен, который практически все новейшее время находился в состоянии внутреннего вооруженного конфликта, вновь погрузился в гражданскую войну. В ней одной из противоборствующих сторон являются хуситы¹¹⁵ и их военизированное движение «Ансаруллах», воюющие вместе с армейскими частями, оставшимися верными бывшему президенту Али Абдалле Салеху¹¹⁶, с войсками президента-суннита Абд Раббо Мансура Хади. Последний, после захвата хуситами в январе 2015 г. столицы страны – Саны, укрылся сначала в Адене, а когда 25 марта мятежники захватили и этот город, бежал в Эр-Рияд, откуда вернулся в середине ноября. С 26 марта по его просьбе Саудовская Аравия при поддержке ВВС Бахрейна, Катара, Кувейта и ОАЭ проводит военную операцию (под кодовым наименованием «Решающий штурм»), самым значительным событием которой явилось освобождение Адена в середине июля 2015 г.

По данным ООН, жертвами конфликта стали 6300 человек, больше половины которых составили гражданские лица¹¹⁷. Активизировались в стране и радикальные исламисты, наибольшую известность и влияние среди которых получила

¹¹⁵ Хуситы – проживающие на севере Йемена шииты-зейдисты, названные так по имени одного из своих лидеров – Хусейна Бадруддина аль-Хуси, провозгласившего себя имамом и поднявшего в 2004 г. антиправительственный мятеж, в подавлении которого принимали также участие саудовские войска.

¹¹⁶ Смещен со своего поста в 2011 г. вследствие протестов времен йеменской «арабской весны».

¹¹⁷ 'Terrible Year' in War-torn Yemen Leaves Majority of Country's People in Need of Aid – UN // UN News Centre [site]. 22.03.2016. URL: <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsId=53519#.VvVy2XpS2GZ> (accessed 25.03.2016).

окончательно сформировавшаяся в январе 2009 г. на базе ряда суннитских экстремистских группировок организация «Аль-Каида Аравийского полуострова», которая сочетает в своих установках антиамериканизм с активным неприятием хуситов и шиитов. Достигнутое в марте 2016 г. между хуситами и Саудовской Аравией перемирие породило надежды на то, что насилие в Йемене прекратится. Этого, однако, не произошло, и йеменский капкан стал для саудитов местом позора, где они продемонстрировали очевидную военно-политическую несостоятельность с точки зрения инициирования выгодного для себя регионального порядка, который выстраивается вопреки саудовским политическим планам. Так, в конце августа 2016 г. хуситы отправили представительную делегацию в Ирак, который разделяет враждебность хуситов к саудовцам: иракский министр иностранных дел потребовал даже от Саудовской Аравии отозвать своего посла из Багдада за вмешательство во внутренние дела Ирака. Гипотетическая шиитская ось «Сана–Багдад–Тегеран» превращается для КСА в настоящий кошмар, грозя распространением влияния Ирана на Аравийский полуостров и сводя на нет результаты чрезвычайно затратной для саудовцев войны в Йемене.

В Сирии с 15 марта 2011 г. начались акции протеста, переросшие с июля в открытое вооруженное выступление против президента Б. Асада и его правительства. Интенсивность гражданской войны усиливалась по мере прямого или же косвенного участия в ней других стран, в числе которых была и Саудовская Аравия, власти которой, присоединившись к коалиции под названием «Друзья Сирии» (в составе США, Франции, Катар и Великобритании), потребовали смещения Асада. Его Эр-Рияд считал союзником Ирана и ливанской «Хизбаллы». Саудовская Аравия вместе с Турцией и Катаром, чтобы разрушить этот, как они называли его, «шиитский альянс», стали вооружать и финансировать суннитских джихадистов. В итоге Сирию наводнили различные радикальные и террористические группировки. Они вместе со считающейся на Западе «умеренной оппозицией» раскрутили в Сирии маховик кровавой гражданской междоусобицы, итогом которой стали гуманитарная катастрофа и разрушение Сирии как целостного государства.

Саудовское вмешательство в Сирии усложнило ситуацию и стало ключевым фактором продолжающегося насилия. Саудовцы, поддержав требование об уходе Асада с президентского поста и задействовав для этой цели все возможные средства – от дипломатических до военных, попытались одним выстрелом убить двух зайцев: подорвать позиции Ирана, союзника Асада в Сирии, и привести к власти в этом светском государстве своих единомышленников из числа суннитов-салафитов. Но здесь королевский дом потерпел неудачу, и реализовать свои преимущества в военной оснащенности и финансовых возможностях Эр-Рияд в Сирии так и не смог.

Вовлечение КСА в зоны нестабильности Машрика сказалось на ситуации внутри самого королевства. Профессор Университета имени Джавахарлала Неру, почетный директор Института Ближнего Востока в Дели П.Р. Кумарасвами расценивает эту ситуацию как «имперское перенапряжение». «Из-за серии амбициозных, но плохо продуманных политических решений и вторжений в другие государства, – утверждает индийский ученый, – позиции и влияние в регионе правящей династии Аль-Саудов ослабли. Опасения саудитов по поводу Ирана и его претензий на доминирование до и после ядерного соглашения¹¹⁸ понятны, однако

¹¹⁸ Речь идет о достигнутом 15 июля 2015 г. историческом соглашении между Ираном и странами «шестерки» (Великобритания, Германия, Китай, Россия, США и Франция) по иранской ядерной программе в обмен на отмену международных санкций (прим. Д.М.).

способ, который Эр-Рияд выбрал для противодействия, демонстрирует отсутствие дальновидности и стратегического мышления»¹¹⁹.

Таким образом, ближневосточное «минное поле» таит огромные риски для Саудовской Аравии, которая, исходя из ложной внешнеполитической дилеммы гегемонизма, так и не смогла преодолеть существующие в регионе дисбалансы и только усугубила собственные проблемы.

Выводы

Регион Машрика вступил в период затяжной турбулентности. Но она характеризуется не только такими опасными проявлениями, как гражданские войны, криминализация арабских обществ, активизация всевозможных радикальных исламистских группировок, рост терроризма и трансграничной преступности. Стремительно меняются прочерченные в свое время турками-османами и европейцами географические контуры региона, и Арабский Ближний Восток входит в фазу новой геополитической реконструкции – распада территориальной целостности отдельных государств (Ирак, Ливия, Сирия), возникновения новых этнических (курдских) анклавов или же религиозно-территориальных образований (самопровозглашенное «Исламское государство»). Наряду с действующими конфликтами шаткой и чреватой дестабилизацией остается ситуация в Ливане, назревают новые потенциально опасные очаги столкновений Израиля с палестинцами, Ливаном, Сирией (из-за Голанских высот).

Способна ли при таком раскладе Саудовская Аравия начать активно взаимодействовать с другими крупными региональными державами (Ираном, Турцией, Израилем) для решения сложных задач, стоящих перед регионом? Анализ деятельности Эр-Рияда в странах Машрика не дает пока оснований для оптимизма.

Общим итогом военного и политического присутствия Саудовской Аравии в конфликтных зонах этого региона, в особенности в Сирии и Йемене, стал политический хаос, углубивший в этих странах регресс в социально-экономической сфере, раскол по линии межрелигиозных и межэтнических отношений. При этом трудно не заметить, что в самой Саудовской Аравии, в других государствах Персидского залива, а также в королевствах Марокко и Иордания, правящим режимам удалось удержать внутривнутриполитическую ситуацию под контролем, не допустить дестабилизации. Частично это объясняется большей организационной приспособленностью авторитарных (а порой и деспотичных) монархических структур к сдерживанию напора исламистов и других деструктивных элементов. Что же касается светских режимов Машрика (в Египте, Сирии, Ираке), то им пришлось либо капитулировать (как это произошло в Египте после отстранения от власти Мубарака и установления там правления на короткое время «Братьев-мусульман»), либо сдать многие позиции исламистским пассионариям, стремящимся к доминированию во всех сферах жизни стран мусульманского Востока. В немалой степени это объясняется также и тем, что за короткий период «арабского пробуждения» указанные режимы были ослаблены внутренней борьбой под лозунгами демократизации (причем, важно, что идеи либерализма так и не смогли утвердиться в арабских обществах).

Реакция ближневосточных партнеров КСА на выдвинутые властями королевства региональные внешнеполитические инициативы показала, что продвинуть их Эр-Рияду будет достаточно сложно. Так, сопредельные монархии весьма сдержанно отнеслись к саудовским предложениям по созданию в

¹¹⁹ Кумарасвами П.Р. Саудовская Аравия: имперское перенапряжение? // Россия в глобальной политике. 2016. №2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Saudovskaya-Araviya-imperskoe-perenapryazhenie-18033> (дата обращения: 24.04.2016).

Персидском заливе военного союза, и этот проект фактически отклонили все участники ССАГПЗ.

Результативность внешнеполитических инициатив КСА и сама жизнеспособность королевства, его возможность сохранить влиятельную роль в ближневосточной и мировой политике будет зависеть от того, удастся ли правящей верхушке приступить к давно назревшей модернизации всей экономической и политической системы страны. Представляется в этой связи, что Эр-Рияду пошел бы на пользу отказ от затратной внешней политики последних лет, от амбициозных проектов поддержки арабских «революций» на основе экспорта вооружений оппонентам правящих режимов, фактической подпитки террористических групп и движений. Полезным также стало бы не формирование новых военно-политических блоков (которые к тому же не находят поддержки у ближайших соседей КСА), а достижение компромиссных договоренностей по проблемам безопасности с Ираном, другими странами, где имеются значительные группы приверженцев шиитского направления в исламе. Как справедливо отмечает российский политолог П. Анастасов, «такие договоренности при участии великих держав могут привести к созданию в зоне Залива – в случае успешного решения проблемы иранской ядерной программы и урегулирования кризиса в Сирии – системы коллективной безопасности наподобие той, что существует и неплохо действует в Европе. В случае такого геополитического выбора (понятно, что он должен быть поддержан и Ираном), КСА может получить поддержку ведущих стран мира, заинтересованных в обеспечении стабильности в этой весьма чувствительной зоне»¹²⁰.

¹²⁰ Анастасов П. Саудовская нефть: кому она нужна?

ВНУТРИСТРАНОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Юго-Восточная Азия (ЮВА) – регион, отличающийся исключительным разнообразием. Он объединяет одиннадцать государств не только разного уровня социально-экономического развития (от Лаоса, входящего в группу самых бедных стран мира, до Сингапура, давно относящегося к развитым странам), но и обладающих неповторимой спецификой географического положения, ресурсной базы, исторической судьбы и современного политического развития. Полностью отразить это явление в отношении всех стран ЮВА в пределах настоящей главы не представляется возможным.

ЮВА традиционно разделяется на две части – материковую и островную, и такая специфика региона ощутима на примере двух стран – Таиланда и Индонезии¹²¹. Именно эти государства являются крупнейшими в своих, условно говоря, субрегионах, где они концентрируют наиболее типичные черты соответствующей группы стран. В попытке показать субрегиональные особенности материковой и островной ЮВА мы ставили несколько разные цели. Применительно к Таиланду выявляются проблемы и риски социально-экономического и политического развития этой страны – как современного, так и на перспективу. В отношении Индонезии показаны особенности ключевых сфер развития этой одной из самых населенных стран мира и крупнейшего мусульманского государства.

Таиланд: риски социально-экономического развития

Таиланд часто называют страной «нестабильной стабильности», учитывая частые смены власти, военные перевороты, что, однако, не меняет принятого еще в 60-х годах прошлого века курса на экономическую модернизацию страны, которая является ведущей экономикой в ЮВА, занимает по объему ВВП (в 2016 г. – 437.3 млрд долл.) второе место в регионе (после Индонезии) и имеет весьма благоприятную для вложений иностранного капитала бизнес-среду. По индексу конкурентоспособности Таиланд в 2014 г. занял 31-е место среди 144 стран и, согласно «индексу уровня удовлетворенности жизнью» Института Като¹²², Таиланд в 2016 г. входил в первую тройку наиболее благополучных стран мира¹²³. Таиланд занимает третье место в мире по экспорту риса и пятое по экспорту сахара, второе по экспорту жестких дисков (после Китая), является крупнейшим производителем каучука и мяса птицы. В Юго-Восточной Азии Таиланд прочно занимает позицию промышленного центра региона и играет важную роль в формировании Экономического сообщества АСЕАН.

Среди стран Индокитая, расположенных в материковой части ЮВА, Таиланд по-прежнему играет лидирующую роль, несмотря на растущую конкуренцию со стороны других быстро развивающихся экономик, прежде всего Вьетнама. И хотя Таиланд проигрывает им по темпам экономического роста, он значительно

¹²¹ Несколько особняком стоит Малайзия, которая, формально относясь к материковой ЮВА, безусловно является по всем параметрам неотъемлемой частью островной ЮВА, входящей в так называемый «Малайский мир».

¹²² Hanke S.H. The world's most – and least – miserable countries in 2016. 17.01.2017. URL: <http://www.cato.org/blog/worlds-most-least-miserable-countries-2016>.

¹²³ «Индекс уровня удовлетворенности жизнью» (Misery index) в последней версии представляет собой сочетание трех показателей – уровень безработицы, инфляция и банковские ставки, за вычетом изменения показателя реального ВВП на душу населения в процентах.

опережает их по объему ВВП и ВВП на душу населения, оставаясь экономической моделью для подражания (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1

ВВП стран материковой Юго-Восточной Азии в 2016 г.

Страна	Номинальный ВВП всего (млрд долл.)	Номинальный ВВП на душу населения (долл.)
Таиланд	437.3	5697
Вьетнам	187.8	2370
Мьянма	63.9	1419
Камбоджа	17.3	1111
Лаос	11.2	1709

Источник: World Atlas [site]. URL: <http://www.worldatlas.com/articles/the-economy-of-the-southeast-asian-nations.html> (accessed: 16.01.2017).

Таиланд активно использует свое благоприятное географическое расположение в центре полуострова для укрепления экономических позиций в странах субрегиона, инвестируя в их динамично развивающиеся рынки, финансируя проекты инфраструктуры, расширяя с ними торговый обмен. В выигрыше оказываются как Таиланд, так и другие страны Индокитая, извлекающие выгоду от укрепления экономического сотрудничества. Однако перспективы устойчивого экономического роста Таиланда вызывают сомнения, если не будут успешно преодолены существующие политические, экономические и социальные дисбалансы, способные значительно сузить возможности по выходу Таиланда из так называемой «ловушки среднеразвитой страны» и затормозить его продвижение в направлении создания наукоемкой экономики.

Политические риски. То, что тайландское общество переживает кризис, проявилось, прежде всего, в политической сфере. И проблема даже не в том, что с мая 2014 г. в стране установилась авторитарная власть военных. Сам их приход к руководству страной в результате военного переворота был закономерен в ситуации политического раскола общества на два противостоящих друг другу лагеря. В основе конфликта лежало не столько соперничество внутри традиционного политического истеблишмента (как это было в послевоенной истории Таиланда), сколько идеологический раскол, который проявился в различных взглядах на характер политического устройства страны. Выбор встал между укреплением парламентской демократии, представляющей интересы большинства населения, или сохранением статус-кво, когда страной правит меньшинство из состава традиционной политической элиты.

Этот политико-идеологический раскол общества был предопределен изменениями в социально-экономической сфере в результате предпринятых бывшим премьер-министром страны Таксином Чинаватом¹²⁴ действий по развитию периферийных районов страны, прежде всего Северо-Востока (где проживает одна треть населения Таиланда). Его экономическая политика, известная как «таксиномика», была направлена на укрепление позиций малого и среднего предпринимательства и стабилизацию национальной экономики, повышение ее конкурентоспособности за счет развития внутреннего рынка и расширения покупательной способности населения¹²⁵. Это обеспечивалось за счет

¹²⁴ Лидер партии «Таи Рак Таи», победившей на парламентских выборах в 2001 г. и 2005 г., Чинават занимал свой пост с 2001 по 2006 гг.

¹²⁵ С 2007 по 2011 гг. экономический рост Северо-Востока страны составил 40% в сравнении с 23% в среднем по стране и 17% в Бангкоке. Доход населения этого региона вырос на 46% с 2001 по 2006 гг., а число бедняков (менее 2 долл. США по ППС) сократилось с 17.44% в 1999 до 11.51% в 2004 г.

осуществления мер по снижению задолженности крестьян, предоставлению им финансовой поддержки, обеспечению их бесплатными медицинскими услугами и возможностями получения образования.

Видимым результатом действий Таксина Чинавата стал экономический подъем отстававших в своем развитии периферийных районов страны с сопутствующим изменением социальной структуры местного общества, в составе которого выросла прослойка так называемого «низшего среднего класса»¹²⁶. Формирование этой новой политической силы с неизбежностью должно было привести к политической поляризации общества. Массовая поддержка населения, которая обеспечила Таксину Чинавату (а в последующем и его сторонникам) победу на парламентских выборах, не устраивала традиционную политическую элиту. Последняя оказалась на периферии политической системы, несмотря на свои высокие политические амбиции и традиционное представление о том, кто должен править страной – «достойный» образованный человек, а не «толпа»¹²⁷. Соответственно и представительная демократия, приносящая победу ее политическим противникам, воспринималась политической элитой как угрожающая стабильности ее положения в обществе.

Страна почти на десятилетие была ввергнута в политический хаос. Невозможность разрешения возникшего политического кризиса ни политическим, ни судебным путем и дала основание военным принять на себя роль судей в возникшем политическом споре. Однако их приход к власти в результате военного переворота под предлогом примирения сторон и наведения порядка (что они успешно обеспечивают за счет введения репрессивных мер и ограничения демократических свобод и деятельности политических партий) едва ли привел к разрешению политического конфликта. Результаты проведенного в августе 2016 г. референдума по проекту новой, двадцатой по счету (если считать также переходные конституции и хартии), конституции давали основание предположить, что победу в выборе дальнейшего пути политического развития страны одержали противники представительной демократии, то есть те, кто выступал за так называемую «управляемую демократию». Дело в том, что проект конституции, который поддержали 61.4% избирателей, имел ряд положений, закрепляющих статус-кво нынешней политической элиты. По мнению тайландских политиков (в основном из числа оппозиционеров), такой высокий процент высказавшихся в пользу данного проекта объяснялся просто: тайландцы отдали свои голоса за самую возможность проведения в 2017 г. первых с 2011 г. всеобщих парламентских выборов и за возвращение к демократии после более чем двух лет нахождения у власти военных.

Приведет ли новая конституция к политическому примирению общества, как это было обещано военными? С точки зрения складывающихся политических условий, вряд ли, учитывая явный перевес возможностей для традиционного политического истеблишмента при наличии в обществе сил, настроенных оппозиционно. К тому же нестабильность политического процесса заложена в самой избирательной системе, осложняющей победу на выборах какой-либо одной крупной партии. Военные, наверное, рассчитывают, что они, таким образом, избавят тайландское общество от противостояния политических сил.

Стоит ли ожидать каких-либо значимых перемен в политическом развитии Таиланда после кончины в октябре 2016 г. короля Пхумипона Адульядета (он находился на троне 70 лет) и вступления на престол его преемника, наследного принца Вачиралонгкорна? Австралийский ученый Патрик Джори из университета

¹²⁶ Apichat Satitniramai, Yukti Mukdawijitra and Niti Pawakapan. Re-examining the Political Landscape of Thailand, Thai Health Promotion Foundation. May, 2013. URL: [http://www.tuh.pp.net/files/ PoliticsBook.pdf](http://www.tuh.pp.net/files/PoliticsBook.pdf).

¹²⁷ Bangkok Post. 10.08.2014.

штата Квинсленд предположил, что кончина короля означает конец одной эры и начало другой¹²⁸. Однако правление нового короля вряд ли внесет какие-либо изменения в расстановку политических сил в стране.

После кончины короля в Таиланде был объявлен годовой траур, в течение которого военные по-прежнему оставались у власти. Не воспользуются ли они этим предлогом, чтобы отсрочить проведение всеобщих выборов, намеченных на конец 2017 г.? Вопрос остается открытым. А тем временем они не только готовят новые законы, регламентирующие деятельность политических партий при новой избирательной системе, но и предпринимают действия по созданию своей партии, которая сможет завоевать достаточное число голосов на выборах и выдвинуть кандидатом на пост премьер-министра Прают Чан Оча, руководителя военного переворота. Как справедливо заметил Сурананд Веттатива, бывший министр в правительстве Йинглак Чинават (2011-2014 гг.), в тайской политической культуре существует общественной запрос на авторитетную фигуру, которая придет и решит все проблемы¹²⁹.

Главные испытания ожидают Таиланд уже после снятия запрета на политическую деятельность, проведения выборов и передачи власти гражданскому правительству. А этот процесс по новой конституции займет пять лет.

Экономическая цена политической стабильности. Свое намерение сохранить за собой власть даже после проведения всеобщих выборов военные объясняют именно необходимостью экономического реформирования Таиланда и превращения его из «ослабевшей в передовую по мировым меркам страну»¹³⁰.

Для военного руководства, преследовавшего цель наведения порядка в стране путем укрепления своей авторитарной власти, экономика долгое время не рассматривалась в числе приоритетов национальной политики. В конечном счете, это привело к сокращению вдвое темпов экономического роста и существенному отставанию по этому показателю от других стран региона (см. табл. 5.2).

Таблица 5.2

Темпы роста ВВП стран ЮВА

Страна	2014	2015	2016 (оценка)	2017 (прогноз)
Вьетнам	6.0	6.7	6.0	6.3
Индонезия	5.0	4.8	5.1	5.3
Камбоджа	7.1	7,0	7,0	6.9
Лаос	7.5	7.4	7.0	7.0
Малайзия	6.0	5.0	4.2	4.3
Мьянма	8.0	7.3	6.5	6.9
Таиланд	0.8	2.8	3,1	3,2
Филиппины	6.2	5.9	6.9	6.9

Источник: Global Economic Prospects: East Asia and the Pacific. The World Bank. 2016. URL: <http://beta.worldbank.org/en/region/eap/brief/global-economic-prospects-east-asia-pacific>.

На фондовом рынке наблюдается отток капитала. Приток иностранных инвестиций упал на 78% (до 3.71 млрд долл.) в 2015 г.¹³¹ в условиях стагнации экономики и роста инвестиционной привлекательности соседних стран региона – Вьетнама, Камбоджи, Мьянмы. Экспорт, обеспечивающий 70% ВВП, постоянно

¹²⁸ It's the end of an era for Thailand – but also the beginning of a new one // South China Morning Post. 13.10.2016.

¹²⁹ Pro-establishment Thai MPs plan military-backed party to keep junta chief as prime minister // South China Morning Post. 04.11.2016.

¹³⁰ Crispin Sh.W. Can Thailand's Junta Reverse its Economic Decline? // The Diplomat. 11.03.2016.

¹³¹ Foreign investment plummets 78% in junta-ruled Thailand // The Straits Times. 13.01.2016.

снижается¹³², что во многом объясняется потерей Таиландом конкурентоспособности в такой важной отрасли производства, как электронная промышленность, из-за оттока иностранного капитала во Вьетнам, где стоимость рабочей силы намного ниже. Падение промышленного производства, так же как и доходов населения происходит ежемесячно начиная с марта 2013 г. И все это – очевидный результат отсутствия у военных четко разработанной макроэкономической стратегии.

Тем не менее военное руководство страны заявило о намерении достичь показателя роста экономики Таиланда в 5% в период с 2017 по 2021 гг., повысить ее конкурентоспособность, улучшить благосостояние населения.

Главная задача, стоящая перед нынешним руководством страны, одна – завоевать поддержку населения, укрепить свое, а соответственно и политическое истеблишмента, положение в обществе. Не этим ли объясняется сходство предпринимаемых военным руководством экономических действий с проводимой ранее Таксином Чинаватом «популистской» социально-экономической политикой?

В настоящее время упор делается на материальной поддержке крестьян и мелких предпринимателей путем предоставления первым субсидий¹³³, а вторым – низкопроцентных кредитов (на эти цели из бюджета было выделено 5.8 млрд долл.). В 2016 г. был учрежден национальный сберегательный фонд для оказания помощи 30 миллионам жителей Таиланда, не имеющим пенсионного обеспечения.

Для стимулирования развития наукоемких отраслей экономики, требующих привлечения иностранных инвестиций в современные технологии, правительство ввело налоговые льготы для 10 промышленных кластеров, каждый из которых специализируется в одной сфере – производство автомобилей нового поколения и промышленных роботов; смарт-электроника; высококачественный медицинский туризм; сельское хозяйство; биотехнологии; логистика; авиация; биотопливо и биохимия; цифровая продукция и медицинские услуги. Однако к середине 2016 г. было получено только 11 заявок от инвесторов¹³⁴.

Говорить сегодня об эффективности предложенных мер социальной поддержки населения и по привлечению инвестиций в развитие наукоемких отраслей экономики пока не приходится.

Судя по последним действиям правительства, оно планирует поднять экономику за счет увеличения внутреннего потребления и государственных инвестиций в создание современной инфраструктуры – дорог, массового общественного транспорта в Бангкоке, скоростной железной дороги. Реализация этих проектов должна принести доход в размере 1,6 млрд бат. Однако их общее позитивное воздействие на экономику будет минимальным в отсутствии ее структурных преобразований в направлении развития наукоемких отраслей, повышения квалификации рабочей силы и преодоления социального неравенства. В

¹³² Экспорториентированная экономика Таиланда оказалась уязвимой к сокращению спроса со стороны Китая, что дополнилось возникшими проблемами в таких важных экспортных отраслях страны, как сельское хозяйство, которое пострадало от засухи, и рыбное хозяйство в связи с ухудшением условий торговли на европейском и американском рынках из-за обвинений Таиланда в использовании рабского труда мигрантов.

¹³³ В феврале 2016 г. крестьянам в качестве компенсации за понесенные убытки из-за засухи было выделено 93 млрд бат (2.6 млрд долл.). В ноябре 2016 г. власти объявили о предоставлении единовременной безвозмездной помощи беднейшим слоям населения в размере 358 млн долл. Поддержка крестьян, которые обойдены этой благотворительной акцией, будет оказана другим способом – им выделяются субсидии в размере 1.3 млрд бат в случае их согласия отложить продажу риса, чтобы избежать перенасыщения рынка.

¹³⁴ Kyozura T. Thailand's sagging economy is adding to discontent with the junta // Nikkei Asian Weekly. 26.05.2016.

противном случае Таиланд с неизбежностью попадет в ловушку среднеразвитой страны, ограниченной в возможностях своего дальнейшего роста.

Экономический рост и проблема социального неравенства. Таиланд, несмотря на достигнутые в 2000-х годах успехи в экономическом развитии и в преодолении бедности¹³⁵, остается страной социальных контрастов и неравенства, что является результатом проводимой стратегии ускоренной индустриализации за счет мобилизации всех ресурсов (финансовых, человеческих, природных) в ущерб развитию сельских и периферийных районов страны. В конечном итоге такая политика вызвала диспропорции в уровне развития регионов страны и рост социального расслоения общества с наибольшей концентрацией бедных слоев населения в отдаленных регионах. Последствием этого стало нарастание политического конфликта между городом и деревней, между столицей и периферией.

Если измерять по показателю доходов на душу населения, то Бангкок в 8-9 раз богаче, чем Север и Северо-Восток страны, где проживает наибольшее число бедных групп населения (соответственно 20 и 40%). В Бангкоке их доля не превышает 5%. На столицу, где проживает 17% населения страны, приходится примерно 72% всех государственных расходов¹³⁶.

По данным Национального социально-экономического комитета (государственный орган по планированию экономики), половиной всего богатства Таиланда владеет всего 0.1% населения. Его доход распределяется следующим образом: на 10% богатых слоев приходится 38.41%, а на 10% самых бедных – только 1.69%¹³⁷. В 2011 г. на 20% жителей страны приходилось половина всех расходов домашних хозяйств. Неравенство проявляется еще больше, если его измерять по показателю владению недвижимостью и денежными средствами: 10% населения владеют 90% всей земли, находящейся в частной собственности, и только 60 тыс. человек – 40% всех сбережений в банках¹³⁸. Согласно проведенному опросу общественного мнения, фактором, влияющим на сохранение большого числа бедных, является, по мнению молодежи, ограниченный их доступ к получению образования¹³⁹.

В тексте новой конституции указывается на необходимость осуществления налоговых реформ для преодоления существующего неравенства и введения механизма по поддержке среднего и мелкого предпринимательства и стартапов. Но будут ли эти пожелания нынешнего руководства страны реализованы в полном масштабе, остается вопросом открытым. Для их проведения требуются не только крупные финансовые средства, но и политическая воля. А ее может не хватить, принимая во внимание отсутствие полной поддержки этих мер со стороны традиционного политического истеблишмента.

Рынок рабочей силы и качество образования. Проблема повышения качества образования рассматривается многими экспертами и иностранными

¹³⁵ Доля бедных слоев населения сократилась с 32.4% в 2003 г. до 13.2% в 2011 г. и 10.9% в 2013 г., что в абсолютном выражении составляет 7.3 млн человек. Однако с учетом сложной экономической ситуации и достаточно низкого уровня доходов населения их число может возрасти до 11 млн.

¹³⁶ Joehnk T.F., Cookson F. How to Save the Thai Economy // The New York Times. 10.09.2015.

¹³⁷ Narissara Charoenphandhu, Yukio Ikemoto. Income Distribution and the Medium-Term Trend of Inequality in Thailand // Journal of Economic and Social Development. 2014. Vol. 1. №1. P. 44-46.

¹³⁸ Piyanuch Wuttisorn, Rural-Urban Poverty and Inequality in Thailand. Summary Note. Paper prepared for the International Policy Workshop on Rural-Urban Poverty Linkages on 2-4 Sept 2014 in Zhejiang, People's Republic of China.

¹³⁹ What Do Thai Youth Think about the Future and Their Country's Priorities? URL: <https://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/what-do-thai-youth-think-about-the-future-and-their-country-priorities%20>.

инвесторами в числе важнейших задач, стоящих сегодня перед властью, от достижения которых зависит и конкурентоспособность Таиланда. По их мнению, только при условии формирования нового рынка квалифицированной рабочей силы страна сможет добиться успеха в создании новых секторов экономики с высокой добавленной стоимостью¹⁴⁰. Сейчас при преимущественном развитии трудоемких отраслей экономики¹⁴¹ Таиланд может использовать дешевую полуграмотную рабочую силу¹⁴², немалую часть которой составляют мигранты из соседних стран Индокитая.

В то же время уже сегодня ощущается нехватка квалифицированных работников, прежде всего инженеров, что мешает развитию бизнеса в стране. В отличие от азиатских тигров и даже Вьетнама Таиланд вкладывает слишком мало средств в развитие современного образования, и прежде всего технического (среди выпускников вузов большинство составляют получившие гуманитарное образование). При этом подготовка 70-80% дипломированных инженеров не соответствует потребностям бизнеса. Компании вынуждены заниматься их переподготовкой с самого базового уровня. Хотя в планах правительства и значится проведение реформы образования, однако никаких конкретных мер в этом направлении пока не предпринимается¹⁴³.

Современный рынок труда сталкивается и с нарастающей проблемой старения населения, что ведет к обострению дисбаланса между спросом и предложением. Доля лиц старше 60-ти лет к 2030 г. составит 15% (в сравнении с 7% в 1994 г.), а к 2030 г. возрастет до 25%, в то время как доля молодежи, наоборот, резко сокращается, следствием чего станет уменьшение численности трудоспособного населения на 11% в период до 2040 г. – с 49 млн человек до 40.5 млн человек¹⁴⁴. И по этому показателю Таиланд опережает другие развивающиеся страны Тихоокеанской Азии (кроме Китая). Отсюда и необходимость повышения производительности труда и осуществления целого ряда реформ в различных сферах, включая пенсионную и здравоохранение.

Слабый потенциал инновационного развития. Преградой на пути создания наукоемкой экономики является недофинансирование сферы научно-технических разработок. Общее количество ученых составляет лишь двадцатую часть от соответствующей категории специалистов в Японии. Доля расходов на НИОКР к ВВП уже длительное время находится на отметке 0.48-0.2% (этот показатель в Сингапуре в 2015 г. составил 2.60%, в Малайзии – 1.07%, в Китае – 2.01%).

Таиланд, который на протяжении ряда десятилетий занимал положение сборочного цеха в производственной цепочке японских компаний, сегодня начинает уступать свои позиции другим странам ЮВА. Без создания собственной инновационной базы Таиланд утратит свою конкурентоспособность в глобальной экономике, которая все более определяется осуществлением мер по борьбе с глобальным потеплением в рамках перехода к модели зеленого роста. Таиланд обладает определенным потенциалом для развития зеленых технологий в таких сферах, как биотехнологии, биоэнергетика, солнечная энергетика, органическое

¹⁴⁰ Kotani H. Thais to vote on new constitution amid growth concerns // Nikkei Asian Weekly. 01.08.2016.

¹⁴¹ В отраслях экономики с низкой производительностью труда (сельском хозяйстве, строительстве и розничной торговле) занято свыше 65% рабочей силы.

¹⁴² Почти треть 15-ти летних учащихся по существу являются безграмотными. Им не хватает как повседневных, так и трудовых навыков, выходящих за пределы «базовых» (чтения и письма) <http://www.worldbank.org/en/country/thailand/publication/thailand-economic-monitor-june-2015>.

¹⁴³ Increasing Unemployment in Thailand Owing to Lack of New Investments in the Country. 21.07.2016. URL: <http://www.hrinasia.com/hr-news/increasing-unemployment-in-thailand-owing-to-lack-of-new-investments-in-the-country>.

¹⁴⁴ Thailand. A Labour Market Profile. International Labour Organisation, 2013. P. 7.

сельское хозяйство, что в перспективе может обеспечить ему преимущества в конкурентной борьбе.

Последнее десятилетие называют упущенным десятилетием для Таиланда. Политическая дестабилизация сопровождалась нарастанием экономических дисбалансов. Перед властью стоят сложные проблемы, от решения которых будет зависеть, останется ли Таиланд среднеразвитой страной или совершит скачок в своем модернизационном развитии.

Индонезия: специфика социально-экономического развития

Индонезия – страна, обладающая исключительными, зачастую неповторимыми особенностями своего исторического, политического и экономического развития, географии и демографии, которые следует учитывать при оценке нынешнего состояния и перспектив ее социально-экономического развития. Индонезия заметно выделяется среди стран, которые традиционно относят по многим параметрам к развивающимся.

По численности населения (около 260 млн человек, по оценке на 2016 г.) Индонезия относится к категории крупных стран, занимая четвертое место в мире. Это крупнейшая на планете островная держава, расположенная на архипелаге из более чем 19 тыс. островов (только примерно 7 тыс. из них обитаемы), обладающая акваторией площадью 6 млн кв. км и морскими границами протяженностью свыше 1300 км. Индонезия – крупнейшая в мире мусульманская страна, почти 90% ее населения исповедуют ислам (99% – сунниты). По объему ВВП Индонезия занимает 16-е место в мире, входит в состав Большой двадцатки и является бесспорным лидером Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Разумеется, процесс социально-экономического развития Индонезии в значительной мере должен обеспечиваться в целом развитием ее экономики. Последняя в наступившем веке развивалась достаточно высокими темпами: в 2000-2010 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составляли 5.2%. По этому показателю Индонезия занимала третье место в Большой двадцатке после КНР (11.5%) и Индии (7.7%), оставив позади Россию, Южную Корею, Турцию, Бразилию, ЮАР. В 2011-2014 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП Индонезии колебались в диапазоне от 5 до 6%, что позволяет отнести эту страну к так называемым быстроразвивающимся экономикам (emerging economies). В 2015-2016 гг. упомянутый показатель был на уровне 5%. Это немалое достижение, однако, согласно имеющимся расчетам, для того, чтобы достичь поставленной руководством страны цели – в период до 2030 г. обеспечить среднегодовой прироста ВВП в 7% – необходимо увеличить производительность национальной экономики не менее чем на 60%.

Индонезию уже можно поставить в один ряд с другими быстроразвивающимися экономиками, такими как Китай или Бразилия, которые стали локомотивами глобального роста в посткризисный период (правда, ненадолго). Согласно последнему среднесрочному экономическому прогнозу экспертов Японского центра экономических исследований (Japan Center for Economic Research, JCER), среднегодовые темпы прироста ВВП Индонезии в период до 2030 г. составят около 5% в год, что сделает эту страну (наряду с Филиппинами) одним из локомотивов роста всей АСЕАН. Не менее важным для страны, полагают эксперты Японского центра экономических исследований, является развитие обрабатывающей промышленности, в том числе путем привлечения в страну иностранных инвестиций, наращивание экспорта и создание рабочих мест для растущего работоспособного населения страны¹⁴⁵.

¹⁴⁵ URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/Economy/China-growth-to-fall-below-3-by-2030-ASEAN-4-to-hold-steady-JCER> (accessed 28.09.2016).

Тем не менее высокие темпы роста в быстроразвивающихся странах зачастую скрывают в себе глубокие **структурные проблемы**, которые делают этот рост неустойчивым. И Индонезия – не исключение.

Болезненные структурные реформы, необходимые для поддержки в долгосрочной перспективе высоких темпов роста ВВП Индонезии, могут потребовать от ее руководства терпимости (как с политической, так и с экономической точки зрения) к замедлению роста в краткосрочной перспективе. Подобные реформы потребуют сильного лидерства на высшем уровне – и пока нет уверенности, что нынешнее руководство страны, в первую очередь президент Джоко Видодо, готово к ним. В центре этих реформ должны находиться, по нашему мнению, проблемы поддержания высокого темпа экономического роста в Индонезии и ухода от так называемой «ловушки среднего уровня доходов». Без первоочередного решения этих двух ключевых проблем судьба социально-экономического развития Индонезии будет крайне неопределенной.

Правительство и лично президент Видодо прилагают немало усилий для улучшения в стране инвестиционного климата и привлечения иностранного капитала. Поставлена задача повысить позицию Индонезии в индексе МБРР Ease of Doing Business со 109-го до 40-го места уже в 2017 г. 35 секторов индонезийской экономики были открыты для стопроцентного участия иностранного капитала. В 2015 г. Индонезии удалось привлечь в свою экономику 40 млрд долл.¹⁴⁶ Однако новый президент при всей его открытости внешнему миру, разделяет традиционную для Индонезии еще с первых постколониальных лет концепцию лидирующей роли государства и испытывает недоверие к частному сектору, в том числе и иностранному¹⁴⁷. Провозгласив «либеральные» реформы, Видодо крайне нерешителен при их реализации и порой совершенно неожиданно для национального и иностранного бизнес-сообщества выражает явное предпочтение крупным госкомпаниям, предоставляя им, несмотря на скромные экономические результаты, льготные кредиты и займы.

Понять, насколько сложны проблемы социально-экономического развития Индонезии, помогает нижеследующий анализ.

Демографическая специфика. Население страны молодо, и продолжительность жизни в Индонезии постоянно растет, составляя ныне 71 год (как в России). Уровень рождаемости в стране достаточный и вполне контролируемый, несмотря на то, что преобладает мусульманское население. Индонезии в обозримый период не грозит, в отличие, например, от Китая, старение населения. Численность трудоспособного населения, охватывающего людей в возрасте от 15 до 64 лет, составит в 2030 г. около 70% от общей численности населения¹⁴⁸. Такая ситуация в целом благоприятствует социально-экономическому развитию страны: Индонезия обеспечена постоянным притоком рабочей силы, и образно говоря, есть здесь психологический спрос на модернизацию со стороны большинства населения, в первую очередь – молодежи.

Обильное предложение на рынке труда неизбежно способствует повышению спроса на образование всех форм и уровней, но удовлетворить в должной мере такой спрос ни государство, ни тем более частный сектор, пока не в состоянии. В

¹⁴⁶ Maruti R. Indonesia's Investment Challenges. URL: <http://asia.nikkei.com/Viewpoints/Viewpoints/Retno-Maruti-Indonesia-s-investment-challenges> (accessed 29.07.2016).

¹⁴⁷ Warburton E. What Does Jokowi Want for the Indonesian Economy? URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/10/30/what-does-jokowi-want-for-the-indonesian-economy/> (accessed 30.10.2016).

¹⁴⁸ Rahadiana R., Suhartono H. Jokowi Steps Up Infrastructure as Indonesia Budget Strained. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-07-01/indonesia-steps-up-infrastructure-rollout-as-budget-takes-strain> (accessed 01.07.2016).

частности, потребности в квалифицированной рабочей силе в Индонезии к 2030 г. прогнозируются в 113 млн человек, тогда как в 2012 г. этот показатель едва достигал 55 миллионов¹⁴⁹. Иными словами, спрос на развитие есть, а возможности для его реализации ограничены.

Рост городского населения и среднего класса (применительно к Индонезии чаще употребляется более узкий термин – *consuming class*) будет, несомненно, способствовать ускорению модернизации страны. По новейшим оценкам, в 2012 г. в городах проживало 53% населения Индонезии, создававшего 74% ВВП страны. В 2030 г. аналогичные показатели прогнозируются на уровне 71 и 86% соответственно. В 2012 г. к среднему классу, традиционно выступающему активным агентом модернизации, относилось примерно 45 млн человек, тогда как к 2030 г. его численность прогнозируется в 135 млн.¹⁵⁰

Не следует забывать и о крайне неравномерном размещении населения (и, соответственно, трудоспособного населения) на территории Индонезии. Наиболее яркий пример – остров Ява, составляющий 7% территории страны и вмещающий в себя почти 2/3 населения Индонезии. Программы переселения жителей Явы на другие острова, начатые еще в колониальные времена и обретшие в 70-80-е годы XX века солидные масштабы, пока не только не были успешными, но и породили ряд новых сложных этнических, социально-политических и экономических проблем, в частности на Калимантане и Суматре. Этот аспект демографической ситуации в Индонезии явно затрудняет социально-экономическое развитие страны, а сколько-нибудь радикального решения проблемы перенаселения Явы за последние 150 лет не найдено.

Религиозный фактор. Абсолютное большинство мусульманского населения Индонезии – приверженцы традиционного ислама, не относящиеся враждебно к представителям других конфессии. Однако и в XX веке в отдельных районах Индонезии имели место ожесточенные и масштабные столкновения между мусульманами и христианами. В стране действуют достаточно многочисленные группы мусульманских экстремистов, которые активны не только в Индонезии, но и за ее пределами, в том числе на Ближнем Востоке. Мусульманский экстремизм – не новость для Индонезии. Достаточно вспомнить долгую и кровавую борьбу центрального правительства с сепаратистскими движениями, выступавшими под знаменами радикального ислама (например, с Дар-уль Ислам на Северной Суматре и Западной Яве).

Политическая ситуация. Как минимум два политических явления будут по-прежнему оказывать существенное влияние на процесс социально-экономического развития Индонезии – демократическое устройство политической системы и национализм.

Самым убедительным свидетельством того, что Индонезия – демократическая страна, является проведение в постсухартовский период трех выборных президентских кампаний без сколько-нибудь существенных злоупотреблений.

Несомненно, демократическое устройство Индонезии может способствовать ее социально-экономическому развитию, однако только в том случае, если государству удастся уберечь общество от политического и экономического хаоса (печально известному в Индонезии по событиям 40-50-х годов прошлого века), и оно сумеет эффективно реформировать правовую систему, остановить разгул коррупции (согласно имеющимся оценкам, ей подвержено не менее трети государственных чиновников всех уровней). Только если государство сможет уберечь страну и

¹⁴⁹ The Archipelago Economy: Unleashing Indonesia's Potential. McKinsey Global Institute Report, September 2012. P. vi-vii.

¹⁵⁰ Ibid.

общество от катаклизмов, подобных кровавой трагедии 1965-1967 гг.¹⁵¹, демократия в Индонезии будет иметь шанс выжить.

Второе явление – национализм (в особенности экономический), который может сыграть двоякую роль в процессе социально-экономического развития Индонезии. Национализм, направленный на повышение конкурентоспособности страны в самом широком понимании, поощрение национального производства и одновременно развития взаимовыгодного сотрудничества с иностранными партнерами, может способствовать социально-экономическому развитию Индонезии. Если же в нем возобладают автаркические, изоляционистские тенденции, то такого рода национализм будет, напротив, тормозить и политическое, и социально-экономическое развитие страны. Не менее опасен национализм, спровоцированный ростом социального неравенства в стране, что, увы, имеет место.

Роль «хуацяо». Местные китайцы («хуацяо») составляют менее 5% населения Индонезии, но владеют, по разным оценкам, не менее 60-70% частного капитала страны; китайцы, в частности, контролируют более 2/3 из трехсот крупнейших торгово-промышленных конгломератов страны. Явное доминирование китайской деловой общины (КДО) в экономике восходит еще к колониальным временам, постоянно провоцируя напряженность между хуацяо и коренным населением Индонезии. Ее уровень в разные исторические периоды колебался в широком диапазоне: от острого противостояния, сопровождаемого погромами, поджогами и массовыми убийствами хуацяо, до вполне толерантного сосуществования и делового партнерства.

От активности КДО и в первую очередь контролируемых хуацяо крупных и средних компаний, а также финансовых структур во многом зависит успех социально-экономического развития Индонезии. Эффективное решение проблемы взаимоотношений хуацяо и местного населения – непереносимое условие вовлечения КДО в процесс социально-экономического развития страны.

Военный аспект. В отличие от других крупных стран Индонезия не располагает мощными вооруженными силами, а военная доктрина носит исключительно оборонительный характер. Задача обороны крупнейшего в мире архипелажного государства и чрезвычайно сложна, и затратна. Военные расходы Индонезии, по имеющимся оценкам, сравнительно невелики (предположительно 1.5% ВВП) и, скорее всего, именно поэтому тщательно скрываются.

В стране постоянно ведется скрытая борьба вокруг объемов военных расходов. В случае, если верх одержат сторонники их резкого увеличения, социально-экономическое развитие страны будет заметно приторможено. Индонезия, учитывая ее территориальные особенности, нуждается в весьма дорогих и не производимых в стране видах вооружений для ВМС и ВВС¹⁵². Расходы на их импорт и обслуживание существенно ограничат средства, выделяемые в бюджете на программы модернизации невоенных отраслей хозяйства Индонезии. Кроме того,

¹⁵¹ И полвека спустя после этой трагедии историкам не удалось найти причины или сколько-нибудь убедительные объяснения возникновения этой необычной и многоплановой гражданской войны, унесшей жизни, по разным оценкам, от 500 тыс. до 1 млн человек и искалечившей судьбы нескольких миллионов индонезийцев – от простых крестьян до высшего генералитета.

¹⁵² Среди задач в области обороны перед Индонезией стоят, среди прочих, и уникальные: например, прикрытие с моря и воздуха крупного газового месторождения в архипелаге Натуна и оборона Малаккского пролива. Немалые проблемы возникают при организации охраны эксклюзивной экономической зоны страны в восточной части Индийского океана площадью примерно 1,5 млн кв. км. Подробнее: Vibhanshu Shekhar and Joseph Chinyong Liow. Indonesia as a Maritime Power: Jokowi's Vision, Strategies, and Obstacles Ahead. November 2014. URL: <http://www.brookings.edu/research/articles/2014/11/indonesia-maritime-liow-shekhar> (accessed 11.20.2014).

Индонезия, претендующая на роль регионального лидера, вынуждена и по политическим причинам уделять все большее внимание собственному ОПК, заметно отстающему по уровню технического и технологического обеспечения даже от некоторых партнеров по АСЕАН. Немаловажную роль играют и опасения в отношении Китая, проводящего в ЮВА жесткую военно-политическую линию и фактически отказывающегося от урегулирования имеющихся территориальных конфликтов дипломатическими методами.

Географические особенности. С одной стороны, весьма выгодное географическое положение Индонезии на важных мировых морских и воздушных путях во многих отношениях явно способствует процессу развития. С другой – островной характер территории приводит к серьезным диспропорциям в социально-экономическом развитии Индонезии, нередко провоцирует конфликты интересов Центра и регионов, а также внутрирегиональные конфликты. Это, естественно, приводит к усилению неравномерности социально-экономического развития страны и тормозит его.

Проблема отношений «Центр–регионы» традиционно стоит в Индонезии весьма остро. В первую очередь это касается управления экономическим развитием и его финансирования: в стране пока не найден приемлемый баланс интересов между Центром и регионами. Это непростая задача, если учесть, что затрагиваются интересы не только территориальных единиц, но в первую очередь народов или даже групп народов. Так, например, население Суматры традиционно считает, что центральное правительство обделяет все провинции острова, где создаются значительные материальные ресурсы, в том числе и экспортные, уменьшая их финансирование в пользу густонаселенной Явы. Когда же речь заходит о распределении выделенных из центрального бюджета средств между провинциями Суматры, постоянно возникают споры уже между ними и, соответственно, между населяющими их народами.

Центральное правительство весьма опасается разрастания конфликтов в сфере финансовых отношений между Центром и регионами, памятуя, что они уже не раз в истории Индонезии приводили к возникновению сепаратистских настроений и вспышкам вооруженного сепаратизма, угрожая целостности государства.

Ресурсный фактор. Индонезия обладает мощной и весьма диверсифицированной ресурсной базой, что, несомненно, играет и может сыграть в будущем важную роль в социально-экономическом развитии страны. В Индонезии есть сырье для производства любых товаров, вплоть до требующих использования уникальных природных элементов. Однако ускоренное развитие в последние два-три десятилетия практически всех отраслей хозяйства заметно увеличило спрос на энергоносители. И Индонезия в наступившем веке впервые столкнулась с новой для себя проблемой – нехваткой энергоресурсов. От того, насколько успешно будет решена эта проблема, во многом зависят масштабы и темпы социально-экономического развития Индонезии.

Следует упомянуть, что в текущем десятилетии индонезийское правительство, учитывая доминирующие тенденции на мировых сырьевых рынках, впервые декларировало необходимость постепенного отказа от упора на сырьевую экономику. Ресурсный сектор обеспечил экономический рост Индонезии в 2000-е годы на фоне бурного роста цен на нефть и уголь. Соответственно снизилась доля обрабатывающей промышленности в ВВП страны. Правительство Индонезии понимает, что на фоне проблем на сырьевых рынках модель роста экономики страны, основанная на развитии сырьевых отраслей, становится менее эффективной, чем ранее, и от нее желательно постепенно отказываться. Для начала планируется сделать упор на развитие сферы услуг, а затем, по мере появления

соответствующих кадров и ресурсов – на развитие промышленности, в том числе высокотехнологичных производств¹⁵³.

Инфраструктурное обеспечение развития. Несмотря на масштабный объем экономики и большое население, Индонезия заметно отстает по уровню развития инфраструктуры от соседей по региону, в частности от Сингапура, Малайзии, Таиланда. Это касается всех объектов инфраструктуры, но наиболее остро проявляется в сфере водоснабжения питьевой водой (обеспечивает только 68% фактических потребностей населения) и жилищного строительства (планы строительства жилья выполняются не более чем на 60%).

В рамках плана развития инфраструктуры на 2014-2019 гг. из бюджета выделяются все более крупные суммы, привлекаются средства частного сектора¹⁵⁴. Планы грандиозны: например, к 2019 г. предполагается построить 15 аэропортов, 24 морских порта и несколько электростанций. Однако необходимые для реализации планов ресурсы значительно превышают возможности национальной экономики. По оценке экспертов The Hongkong and Shanghai Banking Corporation (HSBC), в период до 2030 г. Индонезии на эти цели потребуется более 1 трлн долл.¹⁵⁵

Региональные дисбалансы

Страны ЮВА сталкиваются с целым комплексом проблем, которые, хотя и вызваны дисбалансами их внутреннего развития, но приобретают трансграничный характер и представляют угрозу для обеспечения их политической и экономической стабильности. При этом усиливается значение нетрадиционных угроз безопасности, преодоление которых требует более тесного взаимодействия между странами региона как на двухсторонней основе, так и в рамках региональной структуры АСЕАН.

Проблема охраны окружающей среды. Одним из очевидных проявлений дисбаланса развития стран ЮВА стало обострение их экологических проблем как закономерное последствие реализуемой модели индустриального развития с приоритетной установкой на рост экономического производства в ущерб охране окружающей среды. Нарастающая экологическая напряженность представляет угрозу для их безопасности по двум основным причинам. Во-первых, налицо утрата природного капитала, потребность в котором только увеличивается с ростом индустриального производства и доходов населения при сохранении большой прослойки бедных, существующих за счет использования природных ресурсов. Во-вторых, усиливаются риски для здоровья населения, связанные с загрязнением окружающей среды.

Становится очевидным, что регион не может позволить себе следовать традиционным путем развития, основанным на принципе «сначала рост, а потом борьба с загрязнением». Перспективы достижения долгосрочного экономического и социального прогресса стран ЮВА зависят от того, смогут ли они повысить эффективность использования природных ресурсов, предотвратить процесс их истощения и улучшить качество окружающей среды.

¹⁵³ URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/Economy/China-growth-to-fall-below-3-by-2030-ASEAN-4-to-hold-steady-JCER> (accessed 28.09.2016).

¹⁵⁴ Соотношение затрат государственного и частного секторов в настоящее время составляет примерно 40:31, остальные затраты покрываются внешними займами (Rahadiana R., Suhartono H. Op. cit.).

¹⁵⁵ URL: http://asia.nikkei.com/magazine/20160901-ASEAN-THE-GREAT-PUZZLE/On-the-Cover/ASEAN-is-coming-together-slowly?n_cid=NARAN11 (accessed 01.09.2016); Paramitha S.H. ASEAN Economic Community: Has Indonesia Done Its Homework? // S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University Commentaries (Singapore). 2016. №031 (February, 10). P. 2.

Постановка этих задач отражает в то же время и изменения, происходящие в мировой экономике и политике (в значительной степени под влиянием угрозы изменения климата). Они и придают дополнительный импульс активизации действий по созданию зеленой низкоуглеродной экономики – условия повышения конкурентоспособности в глобальном мире. Бывший президент Филиппин Ф. Рамос на встрече лидеров азиатских стран еще в 2010 г. призвал их следовать модели зеленой экономики, даже если это приведет к болезненным трансформациям в странах региона¹⁵⁶.

Хотя задача по переходу к модели зеленого роста была поставлена странами ЮВА еще в 2005 г. на пятой конференции министров по охране окружающей среды стран АТР, тем не менее лишь в последние годы она обретает конкретное содержание, которое во многом определяется взятыми ими добровольными обязательствами по борьбе с изменением климата¹⁵⁷.

Учитывая наличие большой дифференциации в уровне социально-экономического развития стран ЮВА, можно предположить, что процесс создания низкоуглеродной зеленой экономики в регионе будет растянут во времени, сопровождаясь появлением «лидеров» и «аутсайдеров». Среди явных лидеров можно выделить Малайзию¹⁵⁸ и Сингапур¹⁵⁹, которые придерживаются курса на осуществление зеленой революции на базе развития новых технологий.

Что же касается большинства других стран ЮВА, то хотя задачи по созданию зеленой экономики ими провозглашены и даже заложены в долгосрочных планах развития, однако их выполнение затягивается. Поэтому и перспективы зеленого развития в странах ЮВА остаются неясными. Им предстоит совершить экоиנדустриальную революцию, чтобы обеспечить потребности общества в продовольствии, воде, жилье, энергии, используя при этом только 20% ресурсов и производя 20% выбросов на душу населения по сравнению с современной моделью производства и потребления. Но для того, чтобы реализовать поставленную цель, необходимо включить в модель догоняющего развития индустриального типа элементы развития постиндустриального общества.

Сегодня можно лишь делать предположения относительно общих направлений поиска средств по минимизации экологического ущерба экономического развития стран ЮВА в рамках развития чистых технологий на базе адаптации технологических инноваций развитых стран. В ряду поставленных задач предполагается обеспечить эффективное использование энергетических ресурсов, улучшение качества воздуха и водных ресурсов, защиту морской экосистемы, осуществить региональные действия по предотвращению изменения климата. Учитывая относительную слабость их научно-технологического потенциала, ограничивающего возможности их перехода к зеленому развитию, логично

¹⁵⁶ Development Asia. January–March 2012. P. 5.

¹⁵⁷ Страны ЮВА поставили своей целью сократить региональные выбросы парниковых газов на 20% в течение 10 лет. Одним из средств ее достижения является увеличение доли возобновляемых источников энергии в структуре энергопотребления до 23% к 2020 г. Smiti Mitta. ASEAN Countries Adopt Renewable Energy Target. URL: <https://cleantechnica.com/2015/10/09>.

¹⁵⁸ Власти Малайзии, которые исходят из того, что зеленая экономика может стимулировать экономический рост, намерены повысить долю возобновляемых источников энергии в общем объеме энергопотребления до 11% к 2020 г. Это принесет экономию в 22.8 млрд долл., создаст 50 тыс. новых рабочих мест и сократит выбросы парниковых газов на 40%. Уже сегодня созданная в стране зеленая индустрия оценивается в 21.8 млрд долл., ее рост за период с 2010-2011 гг. составил 6%.

¹⁵⁹ В Сингапуре были выдвинуты следующие цели на 2030 г.: сократить энергозатраты на 35% по сравнению с 2005 г., обеспечить оптимальное использование земли, добиться рециклирования 70% отходов, уменьшить объем потребления воды в домашнем хозяйстве до 140 л в сутки на человека (учитывая существующие проблемы с водоснабжением острова), сделать 80% всех зданий «зелеными», сократив на 16% выбросы.

предложить, что страны ЮВА будут заинтересованы в расширении экологического сотрудничества в рамках созданного Экономического сообщества АСЕАН.

Новые возможности для взаимодействия открываются в сфере создания и передачи зеленых технологий, прежде всего связанных с развитием возобновляемых источников энергии, чему может способствовать либерализация торговли этими технологиями, снижение импортных тарифов на экспорт соответствующего оборудования и компонентов. Судя по накопленному опыту экологического взаимодействия, региональное сотрудничество стран АСЕАН в сфере охраны окружающей среды в основном развивается в тех областях, которые представляют общий интерес и не затрагивают экономических интересов отдельных стран-членов организации.

Очевидно, что обеспечение долгосрочного экономического развития в странах региона нуждается в оздоровлении окружающей среды. Потребность в этом нарастает в условиях умножения числа трансграничных экологических проблем. И если для стран Индокитая задача видится в минимизации экологического ущерба хозяйственного освоения реки Меконг (главным образом, связанного со строительством гидроэнергетических объектов), то для островной части ЮВА наибольшую опасность представляют лесные пожары в Индонезии. В обоих случаях экологический конфликт, в который вовлечено значительное число стран, отражает наличие противоречий между их национальными экономическими интересами и потребностями обеспечения субрегиональной экологической безопасности. Эти экологические конфликты насчитывают не одно десятилетие. Но несмотря на действующие региональные институты по их урегулированию¹⁶⁰ и заключение ряда межгосударственных соглашений, достичь эффективного взаимодействия между странами не удается.

Комиссия по Меконгу, являющаяся межправительственной структурой, призванной координировать деятельность стран Индокитая в сфере устойчивого использования ресурсов этой трансграничной реки, остается заложницей национальных интересов стран, преследующих свои экономические задачи. Аналогичным образом и АСЕАН оказалась малоэффективной в обеспечении принятого еще в 2002 г. Соглашение о борьбе с трансграничным загрязнением атмосферы (смогом). Несмотря на протесты соседних стран¹⁶¹, понесших в 2015 г. большие убытки от лесных пожаров в Индонезии, руководство этой страны затягивало с принятием действенных мер по их предотвращению, преследуя свои экономические и политические интересы.

Проблема создания действенной системы регионального сотрудничества в предотвращении лесных пожаров выходит сегодня в число приоритетных для стран ЮВА, которые планируют создать к 2020 г. в регионе зону, свободную от пожаров. Как заявил на саммите ООН по устойчивому развитию в 2015 г. министр иностранных дел Сингапура Вивьян Балакришман, «для решения проблемы трансграничного загрязнения требуется укрепить сотрудничество между странами. Они в индивидуальном порядке решают эту проблему, однако нужна более тесная региональная и международная кооперация для использования средств юридического и коммерческого давления в целях предотвращения лесных пожаров»,

¹⁶⁰ Таиланд, Вьетнам, Лаос и Камбоджа в 1995 г. подписали Соглашение о сотрудничестве по устойчивому развитию бассейна реки Меконг и о создании Комиссии по Меконгу. Взаимодействие между странами по борьбе со смогом, вызванным лесными пожарами, регулируется соглашением о трансграничном загрязнении атмосферы, подписанном в 2002 г., но реально вступившим в силу только в 2015 г. после его ратификации Индонезией.

¹⁶¹ Вице-премьер Малайзии выступил с заявлением о необходимости взыскать с Индонезии компенсацию за понесенные потери в связи с лесными пожарами. Indonesia needs three years to solve haze problem, says President Joko Widodo // The Jakarta Post. 30.09.2015.

что, по оценкам экспертов, обойдется Индонезии, Малайзии и Сингапуру в 10 млрд долл.¹⁶²

Однако основополагающий принцип деятельности АСЕАН — *невмешательство* во внутренние дела стран-членов организации, даже тогда, когда возникшая экологическая проблема принимает трансграничный характер, ограничивает возможности межгосударственного взаимодействия в сфере охраны окружающей среды. В соответствии с заявленным принципом добровольности члены организации избегают принятия каких-либо обязывающих их решений. Принятый в АСЕАН способ регулирования деятельности с его опорой на личную дипломатию, консультации и обсуждение вопросов в поисках достижения консенсуса формирует такой механизм принятия решений, который не обеспечивает эффективного преодоления экологического кризиса, требующего быстрого реагирования.

И если страны АСЕАН действительно собираются стать реальным сообществом, то они вынуждены будут отказаться от части своего национального суверенитета в интересах предотвращения региональных угроз.

Это относится и к решению **проблемы внутрирегиональной миграции трудовых ресурсов**. Создание Экономического сообщества АСЕАН в 2015 г., предусматривающее в перспективе свободное перемещение трудовых ресурсов в регионе в рамках развития интеграционных процессов, актуализирует задачу по управлению миграционными потоками. Внутрирегиональной миграции рабочей силы в ЮВА способствуют сохраняющиеся между странами различия по доходу на душу населения, заработной плате, по конкурентоспособности, условиям труда и возможностям трудоустройства, что и определяет соотношение внутрирегиональной миграции к общему числу перемещаемой рабочей силы за пределы ЮВА.

В 2015 г. из 10.2 млн человек, эмигрировавших из стран ЮВА, 6.8 млн нашли себе работу в самом регионе¹⁶³. В бедных странах в силу более высоких темпов прироста населения и его омоложения возникла избыточная рабочая сила, не имеющая возможности трудоустроиться в еще слабо развитых экономиках¹⁶⁴. Ее экономическому вытеснению сопутствует и рост спроса на нее в более богатых странах, столкнувшихся с проблемой дефицита рабочей силы. Основную массу трудовых мигрантов в регионе составляют полуквалифицированные и неквалифицированные работники (87%).

К поставщикам рабочей силы относятся Лаос, Камбоджа, Мьянма, Вьетнам и Индонезия. Основными принимающими странами в ЮВА, на которые приходится 90% внутрирегиональной миграции, являются Сингапур (21%), Таиланд (35%), Малайзия (35%)¹⁶⁵. Эти страны вступили в фазу дефицита рабочей силы с сопутствующим ростом стоимости трудоемкой продукции, что снижает их конкурентоспособность и повышает заинтересованность в привлечении дешевой

¹⁶² More international cooperation needed to tackle haze: Vivian // The Straits Times. 29.09.2015.

¹⁶³ ASEAN Community 2015: Managing Integration for Better Jobs and Shared Prosperity. ILO and ADB, Bangkok, 2014. P. 83.

¹⁶⁴ В период с 2010 по 2025 гг. общее число трудовых ресурсов в странах АСЕАН возрастет на 68.2 млн человек, или на 22.7%, при наибольшем приросте в Индонезии — 29.5 млн человек. Безработица среди молодежи там составляет 21.6%. На Филиппинах, где этот показатель достиг 16.6%, трудоспособное население увеличится на 15.1 млн человек. Многие молодые люди вынуждены будут искать работу за границей.

¹⁶⁵ В Сингапуре основную массу мигрантов составляют малайзийцы (45%), в Малайзии — индонезийцы (42.6%), в Таиланде — мьянманцы (50.8%). См. ASEAN Community 2015: Managing integration for better jobs and shared prosperity. P. 84.

иностранной рабочей силы¹⁶⁶. Ее основными сферами занятости являются домашнее хозяйство, строительство, сельское хозяйство и трудоемкие отрасли промышленности, то есть те виды труда, которые относятся к категории «грязных», «опасных» и «непрестижных».

Несмотря на то, что трудовая миграция в странах-импортерах рабочей силы, как правило, регулируется различными нормативными актами, тем не менее каждый четвертый мигрант в ЮВА является нелегальным работником. Наибольшее их число трудится в Таиланде и в Малайзии¹⁶⁷. В Таиланде, по неофициальным данным, число нелегальных мигрантов достигло 3 млн человек, из которых 80% приходится на выходцев из Мьянмы; в Малайзии нелегально работают 4.4 млн человек, 70% которых составляют индонезийцы.

В процесс нелегальной миграции вовлечены многие стороны. Звеньями сложной цепочки поставок нелегальной рабочей силы помимо самого мигранта и его нанимателя являются рекрутские агентства и государственные чиновники (при попустительстве которых совершаются незаконные операции), а также этнические диаспоры в стране назначения. Посредники и преступные организации работают во взаимодействии и подготавливают каждый этап контрабандного перемещения рабочей силы – от подготовки документов до нахождения работы. Наличие большого неформального сектора экономики в странах-импортерах рабочей силы облегчает доступ на их рынок труда нелегальных мигрантов. Незаконное их существование и отсутствие правовых гарантий защиты личности делает их легкой добычей для сексуальной эксплуатации и принудительного труда. На регион приходится треть операций по торговле людьми в мире, большая часть которых осуществляется в пределах самой ЮВА¹⁶⁸. Положение главного центра незаконной торговли людьми прочно занимает Таиланд. Помимо занятости в секс-индустрии, незаконные мигранты из бедных стран Индокитая используются в домашнем хозяйстве, уличной торговле, строительстве, сельском хозяйстве, на фабриках и в рыболовстве.

Использование их рабского труда в рыбном хозяйстве Таиланда стало предметом международного расследования, проведенного Reuters, Environmental Justice Foundation и газетой The Guardian. Расследование послужило основанием для Государственного департамента США, публикующего ежегодный доклад о торговле людьми в мире, присвоить в 2014 г. и 2015 г. Таиланду самый низкий индекс, в соответствии с которым Таиланд оказался на последнем месте в списке из 188 стран. Согласно данным этого доклада, 57% опрошенных рабочих-мигрантов, занятых в рыбном хозяйстве Таиланда, стали жертвами принудительного труда¹⁶⁹. Под угрозой тюремного заключения или депортации, в условиях постоянного запугивания и насилия, применения пыток или даже убийства нелегалы вынуждены работать по 18-20 часов в день всю неделю – без права на отдых, за мизерное вознаграждение и одноразовое скромное питание. Иногда они находятся в море годами, не имея возможности сойти на берег с лодки. Среди «рабов»-рыбаков много представителей бирманского национального меньшинства рохинджа.

Реакцией властей Таиланда на публикацию доклада Госдепа США стало осуществление более решительных действий по пресечению трафика людей, что

¹⁶⁶ В 2014 г. иностранцы составляли 48% рабочей силы, или 22% населения Малайзии.

¹⁶⁷ Regional Informal Workshop on “Labor Migration in Southeast Asia: What Role for Parliaments?” Manila, 22-23 September 2007.

¹⁶⁸ Derks A. Combating Trafficking in South-East Asia A Review of Policy and Programme. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2000. P. 16.

¹⁶⁹ Gong L. Comprehensively Tackling on Persons. RSIS Non-Traditional Security (NTS) Year in Review 2014. S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS). Singapore, 2014. P. 26-29.

объяснялось чисто экономическими соображениями – предотвратить саму возможность введения ограничений на поставки на мировые рынки рыбы и морепродуктов, что приносит стране доход в размере 7 млрд долл. ежегодно. Однако побочным последствием ужесточения мер контроля над незаконными операциями в Таиланде стал разразившийся в регионе в 2015 г. кризис беженцев, который наглядно продемонстрировал необходимость скоординированного подхода стран АСЕАН к решению проблемы нелегальной миграции.

Об этом кризисе заговорили тогда, когда 8 тыс. человек, покинувших Бангладеш и Мьянму весной и летом 2015 г., оказались брошенными на произвол судьбы в открытом океане в переполненных лодках без еды и воды, поскольку ни одна страна ЮВА не хотела их принимать. Как заявил министр обороны Индонезии, генерал Мулдоко, «мы постараемся предотвратить их проникновение на нашу территорию, поскольку это может спровоцировать обострение социальных проблем. Если мы допустим их к себе, то это приведет к их переселению в Индонезию»¹⁷⁰.

То, что представители народа рохинджа, мусульманского меньшинства Мьянмы, лишенного права на гражданство, образование, получение работы, ежегодно пополняют ряды нелегальной рабочей силы в Таиланде, Малайзии и Индонезии и подвергаются там жестокой эксплуатации, известно уже давно. С 2012 г. их эмигрировало более 120 тыс. человек, главным образом по нелегальным каналам. По оценкам ООН, с 2012 г. по середину 2015 г. незаконная контрабанда людьми через Андаманское море и Бенгальский залив принесла прибыль криминалитету в размере 250 млн долл.¹⁷¹ И как любой криминальный бизнес он не обошелся без жертв. Неожиданное вскрытие факта массового захоронения нелегальных мигрантов на границе Таиланда и Малайзии стало поводом для ужесточения контроля над путями трафика людей, вследствие чего рохинджа и оказались брошенными своими посредниками в открытом море.

В отличие от стран Евросоюза, большинство стран АСЕАН не связано никакими международными обязательствами по решению проблемы беженцев, не подписав ни одной конвенции. Нет и сформированной региональной политики в этой сфере, хотя с массовым наплывом беженцев им пришлось иметь дело после окончания войны в Индокитае. Тогда к преодолению миграционного кризиса подключились развитые страны, которые и приняли у себя вьетнамских беженцев. Однако на этот раз Запад решил уклониться от решения проблемы, которая, по мнению бывшего пресс-секретаря Государственного департамента США Джефа Раткеа, является региональным вопросом¹⁷².

В поисках выхода из возникшей политической ситуации страны АСЕАН в конце мая 2015 г. провели специальную встречу по проблеме незаконной миграции в Индийском океане (название встречи было выбрано из-за угроз со стороны Мьянмы бойкотировать ее проведение в случае упоминания о рохинджа). Договорившись о проведении поисковых и спасательных работ в море, создании сил быстрого реагирования по борьбе с трафиком людей и согласившись временно разместить у себя рохинджа до окончательного вынесения решения о предоставлении им статуса беженцев в других странах мира, государства, входящие в АСЕАН, в то же время отказались признать наличие в регионе проблемы беженцев, а следовательно – и свою ответственность за ее решение. С большой осторожностью подошли они и к

¹⁷⁰ Neuman S. Why No One Wants The Rohingyas. 15.05.2015. URL: <http://www.npr.org/sections/thetwo-way>.

¹⁷¹ Jera Beah H. Lego. The Southeast Asian “Boat People Crisis” of 2015: Human (In) Security, Precarity, and the Need for an Ethic of Cohabitation (preliminary draft). Tokyo. 17.06.2016. URL: <http://web.isanet.org/Web/Conferences/AP%20Hong%20Kong%202016/Archive/916df8c6-cf8c-42e7-b919-97273f9e2b2f.pdf>.

¹⁷² Neuman S. Op. cit.

оценке роли Мьянмы в массовом бегстве из страны ее жителей, в первую очередь, рохинджа (которые нигде в официальных документах не упоминались), выразив лишь общее намерение разобраться «в основной причине» миграции. Это лишний раз подтверждает нежелание АСЕАН как региональной организации вмешиваться в те вопросы, которые относятся к «национальному суверенитету», что, безусловно, отражается на выработке региональной миграционной политики. Но, как отметил исполнительный директор Human Rights Watch Кеннет Рот, у АСЕАН нет средств и механизма для разрешения возникшей ситуации с беженцами¹⁷³.

Тем не менее возникший в регионе миграционный кризис заставил страны ЮВА признать важность и необходимость скоординированного подхода к решению проблемы нелегальной миграции трудовых ресурсов, которую они сегодня рассматривают в числе основных нетрадиционных угроз региональной безопасности.

Сохраняющаяся социально-экономическая дифференциация стран ЮВА, которая в среднесрочной перспективе вряд ли будет преодолена, осложняет решение задачи по эффективному управлению внутрирегиональными миграционными потоками, требующей двойного подхода. С одной стороны, модернизация среднеразвитых стран ЮВА в рамках их перехода от ресурсоемкой и трудоемкой экономики к ресурсоэффективной и наукоемкой выдвигает новые требования к качеству рабочей силы, и привлечение ее становится основой их миграционной политики. С другой стороны, значительный сегмент их экономики, ориентированный на внешние рынки, будет по-прежнему нуждаться в дешевой рабочей силе в интересах поддержания своей конкурентоспособности, что, в конечном счете, благоприятствует притоку нелегальной рабочей силы из соседних стран, экономика которых не способна поглотить все трудоспособное население.

Проблема нелегальной рабочей силы, хотя и рассматривается на самом высоком уровне, в частности на саммитах АСЕАН, пока не находит, однако, адекватного решения, несмотря на вносимые корректировки в национальные миграционные законодательства, ужесточение пограничного контроля и заключение многочисленных двухсторонних соглашений¹⁷⁴.

Вопрос не столько в том, что большинство стран ЮВА не связаны никакими международными обязательствами по защите прав иностранных рабочих, а соответственно свободны в правовом отношении в использовании их принудительного труда, не подписав международных конвенции по труду¹⁷⁵, и даже

¹⁷³ URL: <http://www.npr.org/sections/thetwo-way/2015/05/15/407048785/why-no-one-wants-the-rohingyas>.

¹⁷⁴ В качестве меры борьбы с нелегалами правительства Малайзии и Таиланда используют механизм заключения двухсторонних соглашений со странами – поставщиками иностранной рабочей силы. Такие соглашения действуют между Малайзией, Бангладеш, Индонезией, Пакистаном, Шри-Ланкой. Они предполагают передачу одной стороной списка вакансий на работу, а другой – списка отобранных заявок на эти вакансии, при этом обе стороны берут на себя обязательства по контролю за выполнением правил миграции, требующих получения трудового контракта, медицинской страховки, уплаты соответствующих налогов. Таиланд подписал меморандум о взаимопонимании с тремя соседними странами – Камбоджой, Лаосом и Мьянмой. Жители этих стран получают право работать в Таиланде, только если пройдут через официальную процедуру рекрутства у себя на родине и зарегистрируются в Таиланде. Однако контроль над нелегальной миграцией затруднен в отсутствии достоверной информации, с чем сталкивается правительство Таиланда при проведении кампании репатриации. В этих целях Таиланд договорился с Мьянмой о предоставлении ей фотографий мигрантов, документов о месте их проживания с тем, чтобы провести их идентификацию. Однако заключение двухсторонних отношений с соседними странами о контроле над незаконной миграцией пока ощутимых результатов не дало. В 2013 г. Таиланд, Мьянма, Лаос и Камбоджа договорились о внесении корректировок в их меморандумы о взаимопонимании, касающиеся мигрантов, работающих в приграничных районах.

¹⁷⁵ Среди стран АСЕАН только Камбоджа, Индонезия и Филиппины являются участниками международных конвенций по труду.

не в том, что коррупция во властных структурах препятствует налаживанию миграционного контроля. Проблема в том, что пока сохраняются побудительные факторы к миграции неквалифицированной рабочей силы из бедных стран, которые будут дополняться спросом на нее со стороны более развитых экономик региона, задача по эффективному управлению миграционными потоками в регионе решена в полной мере не будет.

Как правило, в центре внимания остаются вопросы, связанные с сексуальной эксплуатацией женщин и детей из числа нелегальных мигрантов, в то время как решению проблемы их принудительного труда уделяется гораздо меньшее внимание. И АСЕАН как региональная структура, констатируя наличие общей для всех стран проблемы, которая преимущественно рассматривается в контексте борьбы с международной преступностью, вовлеченной в торговлю людьми, может лишь давать рекомендации по ее решению, оставаясь верной принципу невмешательства во внутренние дела стран-участниц организации. Как следствие этого каждая страна ЮВА вправе проводить самостоятельную миграционную политику, руководствуясь своими экономическими и политическими интересами.

Новым вызовом для ряда стран ЮВА и проверкой их потенциала взаимодействия стала угроза распространения **транснационального терроризма** в регионе. Хотя проблема это не новая, тем не менее именно с возникновением ИГИЛ (террористической структуры, запрещенной в России) и его попыткой усилить свои позиции в странах региона, где проживает 15% мусульман мира, риски политической, а следовательно, и экономической дестабилизации возрастают. Как заявил вице-президент Индонезии Юсуф Калла на международной конференции на о. Бали в 2016 г., «террористические атаки приводят к гибели людей, угрожают экономике и подрывают имидж страны»¹⁷⁶.

Только в 2016 г. прогремели взрывы в Индонезии и Таиланде, готовились теракты в Малайзии и Сингапуре. К этим терактам были причастны исламистские радикалы, сторонники ИГИЛ, базирующиеся на юге Филиппин. Террористические исламистские организации в ЮВА, хотя и действуют независимо друг от друга, но поддерживают между собой контакты¹⁷⁷. Их объединяет общность салафитской идеологии, разделяемой «Аль-Каидой» и ИГИЛ, готовность образовать исламский халифат под названием Daulah Islamiyah Nusantara на территории Индонезии, Малайзии, Сингапура, на юге Таиланда и Филиппин, что соответствует планам ИГИЛ по созданию своего плацдарма в Юго-Восточной Азии.

В видеообращении, переданном на индонезийском, малайском, тагальском и английском языках и размещенном в Интернете 22 июня 2016 г., ИГИЛ призывала своих сторонников в ЮВА, которые не могут непосредственно участвовать в боевых действиях в Сирии¹⁷⁸, присоединиться на Филиппинах к исламистским формированиям, оповестившим в апреле 2016 г. о создании на острове Минданао вилайета (wilayah) «Исламского государства».

Угроза распространения влияния ИГИЛ в некоторых странах Юго-Восточной Азии с сопутствующим укреплением позиций радикального исламизма объясняется как наличием здесь организационной базы террористов, имеющих давние контакты с

¹⁷⁶ Wahyudi Soeriaatmadja. World terror experts vow to fight terrorism together at Bali meeting // The Straits Times. 10.08.2016 (accessed 30.08.2016).

¹⁷⁷ Боевики из Индонезии и Малайзии проходят военную подготовку в лагерях повстанцев на юге Филиппин, которые в свою очередь поставляют им оружие.

¹⁷⁸ В рядах ИГИЛ насчитывается в настоящее время от 200 до 800 выходцев из Индонезии, 60-80 – из Малайзии и 100 – из Филиппин. Воюют в рядах ИГИЛ и граждане Сингапура. Многие из них вошли в специальный отряд боевиков, говорящих на малайском языке (Katibah Nusantara Lid Daulah Islamiyah).

международными террористическими структурами¹⁷⁹, сильных лидеров, готовых присягнуть на верность халифату, так и восприимчивой к этой идее социальной базы, насчитывающей пока несколько тысяч человек, но способной возрасти в численности в случае активизации сторонников ИГИЛ после возвращения боевиков на родину из зоны боевых действий на Ближнем Востоке. При этом просчитываются различные сценарии развития ситуации в условиях как «победы», так и «поражения» ИГИЛ на Ближнем Востоке. И в том, и в другом случае возможности влияния этого объединения на развитие джихадистского движения в ЮВА с сопутствующим высоким уровнем террористической угрозы остаются достаточно большими.

Главная опасность исходит от так называемых «волков-одиночек», вдохновленных идеологией ИГИЛ. Это могут быть как боевики, возвратившиеся из конфликтных зон Ближнего Востока, так и отдельные радикально настроенные мусульмане, которые совершают теракты в одиночку, не будучи членами никаких террористических организаций. Как откровенно признался глава индонезийского национального контртеррористического агентства Ансьяд Мбаи, «наша главная обеспокоенность связана с тем, что мы не знаем, что будут делать по возвращению на родину те, кто сегодня воюет на стороне ИГИЛ»¹⁸⁰.

Борьба с терроризмом в странах ЮВА осуществляется в основном в двух направлениях – подавление террористов силой и использование превентивных мер, направленных на противодействие угрозе распространения идеологии радикального исламизма. В этой сфере своей контртеррористической деятельности власти Индонезии и Малайзии рассчитывают на поддержку мусульманских организаций, а также ученых-религиоведов, пытаясь лишить сторонников ИГИЛ социальной опоры в обществе. В Сингапуре упор делается на мобилизацию всего населения страны в рамках осуществления новой национальной программы, призванной помочь подготовиться к защите от террористической угрозы. С этой целью запущено мобильное приложение SG Secure, позволяющее оперативно оповещать пользователей о возможных террористических атаках или чрезвычайных ситуациях. Внутренняя стабильность Сингапура, сплоченность нации, координация действий между властью и обществом рассматриваются как основные условия предотвращения угрозы терактов, достигшей, по словам министра внутренних дел Сингапура К. Шанмугам, «наивысшего уровня за последние десятилетия»¹⁸¹.

Каждая страна региона вырабатывает свою тактику и способы борьбы с терроризмом, исходя из накопленного опыта, имеющихся организационных, финансовых и технических ресурсов, а также наличия у государства политической воли, которая во многом определяется расстановкой политических сил – как в случае с Индонезией, где президент Д. Видодо в условиях наметившегося процесса исламизации страны ограничен в своих возможностях действовать более решительно в отношении террористов. Поэтому в Индонезии, где угроза терактов и распространения джихадистского движения стоит острее, чем в Малайзии и Сингапуре, процесс обновления созданного еще в начале 2000-х годов контртеррористического законодательства протекает медленно. Затягивается

¹⁷⁹ В Индонезии о солидарности с ИГИЛ заявили 18 экстремистских организаций. В Малайзии была раскрыта новая террористическая группировка *Majmu'ah al-Arkhabiliy*, состоящая из индонезийцев и малазийцев, находящихся под командованием боевиков ИГИЛ. На Филиппинах свою преданность ИГИЛ выразили члены воинствующих группировок *Abu Sayyaf* и *Bangsamoro Islamic Freedom Fighters* (Biff).

¹⁸⁰ Hamon D., Ahn S.J. Premonitions of a Militant Homecoming. URL: http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/SEA-02-121114.html (accessed 18.06.2016).

¹⁸¹ Singapore Steps Up Checks at Entry Points. URL: http://www.straitstimes.com/singapore/singapore-steps-up-checks-at-entry-points?utm_source=getresponse&utm_medium=email&utm_campaign=rsis_publications&utm_content=RSIS+Fortnightly+Summary+%28Issue+126%29 (accessed 24.03.2016).

принятие нового закона, взамен старого от 2003 г., который позволил в свое время ослабить джихадистское движение в стране, но не гарантирует безопасность сегодня, когда угроза исламистского экстремизма возрастает.

В то же время от повышения эффективности контртеррористического режима в Индонезии зависит и безопасность соседних стран региона. В условиях свободного передвижения террористов, денежных потоков и оружия возникает реальная угроза регионализации терроризма в островной части ЮВА и на юге Таиланда, организации терактов из-за рубежа. Например, летом 2016 г. удалось предотвратить обстрел Сингапура с территории Индонезии. Не исключено и то, что в организации терактов на туристическом юге Таиланда приняли участие малазийские исламисты.

Осознание того, что терроризм в регионе приобретает характер транснациональной угрозы, повышает заинтересованность стран ЮВА к расширению сотрудничества. В условиях нависшей над ними опасности радикализации мусульман важным направлением совместных усилий по пресечению роста экстремизма в регионе становится осуществление превентивных мер. За основу положены программы дерадикализации – перевоспитания боевиков, оказания им помощи в возвращении к нормальной жизни. Такие программы были успешно апробированы в Малайзии, которая по коллективному решению Индонезии, Филиппин и Таиланда должна возглавить процесс планирования и осуществления действий по противодействию терроризму в регионе. В рамках постановки этой задачи в январе 2016 г. в Малайзии была проведена международная конференция по проблеме дерадикализации в формате АСЕАН+8 стран. Тем не менее еще рано делать прогнозы относительно эффективности этих программ. Странам ЮВА не хватает ни опыта, ни обученных кадров, ни соответствующей правовой базы для противодействия росту исламистского экстремизма.

Регионализация терроризма диктует необходимость появления новых форм кооперации. Так, Сингапур, Малайзия и Индонезия договорились систематически обмениваться биометрической информацией, как например, отпечатками пальцев известных боевиков и осужденных террористов, о создании региональной системы визуального распознавания боевиков с целью пресечения их передвижения между странами, ужесточении пограничного контроля¹⁸², налаживании координации между органами безопасности стран АСЕАН, в том числе и в сфере контроля над поступлением финансовых средств на поддержку террористов.

Угроза распространения исламского экстремизма в регионе измеряется не только человеческими жертвами в результате террористических актов. Главную опасность, по словам министра юстиции Австралии Майкла Кинана, представляет тот факт, что в условиях распространения международного терроризма «неизвестные властям люди подвергаются быстрой радикализации»¹⁸³. Для мусульманских стран ЮВА это имеет серьезные политические последствия, которые выражаются в возможном расколе мусульманской общины, в появлении религиозной нетерпимости (примером служат последние события в Индонезии), в подрыве политической стабильности.

Транснациональный терроризм становится новым вызовом безопасности стран ЮВА. Попытки найти на него адекватный ответ на региональном уровне в рамках АСЕАН пока ограничиваются проведением диалогов и консультаций,

¹⁸² Таиланд и Малайзия договорились об обмене разведанными, относящимися к обеспечению их безопасности, и о строительстве пограничной стены для противодействия транснациональному терроризму и торговле людьми.

¹⁸³ Terrorists Channeling Funds into Southeast Asia, Says Risk Study. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-10/terrorists-channeling-funds-into-southeast-asia-says-risk-study> (accessed 10.08.2016).

регулярными встречами министров обороны, созданием рабочих групп. Тем не менее постоянный обмен информацией и опытом повышает уровень их готовности к отражению угрозы распространения религиозного экстремизма.

Энергетическая безопасность. В наступившем веке в ЮВА существенно обострилась становящаяся все более опасной для социально-экономического развития стран региона угроза энергетической безопасности. Главная причина ее возникновения – дисбаланс спроса и предложения энергоносителей, в первую очередь нефти, в масштабе всего региона. Обостряет ситуацию и разрыв возможностей преодоления упомянутого дисбаланса у разных стран региона, усиливающаяся неспособность каждой страны в отдельности обеспечить собственными силами свою энергетическую безопасность. Существенную роль играет также обострение военно-политической напряженности в Ближневосточном регионе – основном поставщике энергоносителей в ЮВА и становящиеся все более явными и масштабными террористические угрозы для энергетической безопасности региона (разной формы, масштаба и интенсивности).

Движимый стремительным экономическим ростом и серьезными демографическими переменами спрос стран региона на энергоносители с 2000 по 2013 гг. вырос более чем на 50%. По оценке Международного энергетического агентства (МЭА)¹⁸⁴, к 2040 г. спрос стран ЮВА на энергоносители возрастет по сравнению с 2014 г. на 80% (до 1100 млн т нефтяного эквивалента в годовом исчислении). При этом масштаб экономики региона утроится, а численность его населения возрастет почти на четверть – до 760 млн человек.

Эксперты МЭА полагают, что потребление нефти в ЮВА к 2040 г. увеличится на 45% (до 339 млн т), газа – на 2/3 (до 265 млрд куб. м), угля – почти в 3.4 раза (до 440 млн т нефтяного эквивалента). В связи с устойчиво быстрым социально-экономическим развитием к концу прогнозируемого периода потребление электроэнергии в ЮВА почти утроится. Согласно прогнозу МЭА, ЮВА в период до 2040 г. еще будет обладать определенными, хотя и сужающимися возможностями для того, чтобы обеспечивать растущие потребности в энергоносителях за счет собственных ресурсов. Регион располагает доказанными запасами нефти объемом почти 2 млрд т и газа – 7.5 трлн куб. м, которые выглядят довольно скромно по сравнению с их потребностями в этих энергоносителях. В наступившем веке в регионе происходит неуклонное падение числа вновь открытых нефтегазовых месторождений.

Несомненно, для относительно полного удовлетворения этих потребностей страны ЮВА будут, *во-первых*, по-прежнему нуждаться в их импорте (в первую очередь это относится к нефти). Исключение составит лишь небольшой Бруней, где сейчас добывается порядка 6 млн т нефти и 11 млрд куб. м природного газа (при этом, например, $\frac{3}{4}$ газа экспортируется). *Во-вторых*, сохранится значительное расхождение возможностей удовлетворения спроса на энергоносители в отдельных странах региона, что уже делает проблему развития внутрирегионального сотрудничества в данной сфере особо актуальной.

Имеющиеся в настоящий момент данные позволяют утверждать, что почти 76% своих потребностей в нефти страны ЮВА будут вынуждены восполнять за счет импорта. Подавляющая часть его будет по-прежнему поступать из традиционно беспокойного Ближнего Востока (в настоящее время доля этого региона в поставках нефти в ЮВА составляет примерно 70%).

Добыча газа в регионе возрастет с 214 млрд куб. м в 2013 г. до 260 млрд куб. м в 2040 г. в основном за счет увеличения добычи в Индонезии и Мьянме. В

¹⁸⁴ IEA. Southeast Asia Energy Outlook 2015. Paris, 2015. P. 9.

итоге к 2040 г. будет испытываться дефицит газа примерно в 10 млрд куб. м ежегодно. Его тоже придется покрывать за счет импорта, скорее всего из Австралии, Западной Африки, Северной и Южной Америки и, возможно, из России.

Уже в первые годы наступившего века идея регионального сотрудничества стран ЮВА в нефтегазовой сфере стала обретать вполне реальные черты. Анализ состояния энергетической безопасности стран ЮВА на рубеже веков показал, что ускорению упомянутого сотрудничества способствовали в основном следующие три фактора.

Во-первых, страны ЮВА в гораздо большей мере нежели ранее – в первую очередь из-за обострения, скорее всего на достаточно длительный период времени, ситуации на мировом нефтегазовом рынке, осознали серьезность проблемы обеспечения нефтью и газом применительно к каждой из них и к региону в целом. Это привело их к выводу о необходимости мобилизации всех имеющихся возможностей для содействия ее решению – в том числе и возможностей, связанных со взаимовыгодным сотрудничеством на уровне региона и отдельных стран.

Во-вторых, руководство всех без исключения стран ЮВА пришло к выводу о том, что некоторые проблемы, в частности, связанные с развитием национальных нефтегазовых комплексов, укреплением энергетической безопасности и преодолением ряда конфликтных ситуаций в регионе, практически невозможно решать без участия всех или большинства стран, входящих в его состав, и их тесного сотрудничества.

В-третьих, правительства стран региона отчетливо осознали, что в своих отношениях с партнерами (отдельными государствами или объединениями государств) их способность достичь желаемого результата будет значительно выше, если они будут выступать на переговорах с этими странами или объединениями сообща, с согласованных позиций. То есть впервые на уровне региона речь пошла о необходимости координации дипломатических усилий отдельных стран, а в перспективе и формирования (хотя бы по ключевым проблемам) единого курса.

Соответственно, региональное сотрудничество в нефтегазовой сфере развивалось в ЮВА по следующим пяти основным направлениям.

1. Координация политики в нефтегазовой сфере. Региональное сотрудничество в области энергетики в целом и в нефтегазовой сфере в частности в ЮВА изначально развивалось гораздо успешнее, чем в Северо-Восточной Азии, поскольку для этого есть достаточные политические и экономические основания. Во-первых, все страны ЮВА объединены в субрегиональную экономическую организацию – АСЕАН, которая имеет обширный опыт, как негативный, так и позитивный, в формировании сотрудничества на уровне субрегиона десяти стран, отличающихся по многим параметрам, но, тем не менее, находящихся в весьма продвинутой фазе сближения. В том, что касается координации политики в нефтегазовой сфере, итоги деятельности АСЕАН можно считать положительными.

Во-вторых, достичь позитивных результатов в данной области странам ЮВА удалось благодаря тому, что большинство из них обладают достаточно крупными – реальными и потенциальными – ресурсами нефти и газа, которые позволяют им не только налаживать реальное взаимодействие в нефтегазовой сфере, но и строить вполне конкретные планы на будущее, когда отдельные страны уже не смогут решать проблемы, связанные с потреблением нефти и газа только своими силами.

Первые попытки координации энергетической политики относятся еще к 70-80-м годам прошлого века. В основном они были призваны обеспечить краткосрочное реагирование на кризис. В конце прошлого века в АСЕАН был принят Первый шестилетний план сотрудничества в области энергетики на 1999-2004 гг. (The First ASEAN Plan of Action on Energy Cooperation), в котором страны-участницы

организации поставили перед собой задачу не ограничиваться текущими, краткосрочными проблемами, а перейти к средне- и даже долгосрочному планированию своих действий. Затем АСЕАН исполнила аналогичные Второй (2005-2010 гг.) и Третий (2010-2015 гг.) планы. В настоящее время реализуется Четвертый план (2016-2020 гг.).

По-настоящему остро проблема энергетической безопасности встала перед странами ЮВА только по завершении Второго плана в связи с обострением ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, возникновением терроризма как глобального явления и нарастающим дисбалансом спроса и предложения по нефти и газу в самих странах субрегиона. В Третьем плане была впервые подчеркнута важность регионального взаимодействия при обеспечении энергетической безопасности.

2. Совместные проекты и инвестиционное сотрудничество. До настоящего времени страны АСЕАН сосредоточили основное внимание на поэтапном строительстве Единой энергосистемы (ASEAN Power Grid, APG) и Единой газовой сети АСЕАН (Trans-ASEAN Gas Pipeline, TAGP).

Хотя исторически системы энергоснабжения стран ЮВА выстраивались как автономные, идея создание Единой энергосистемы возникла уже достаточно давно – в 1971 г., когда в строй вошла гидроэлектростанция Nam Ngum-1 в Лаосе (основная часть вырабатываемой ею электроэнергии передавалась в Таиланд). В 1978 г. в рамках единой энергосистемы были объединены три страны ЮВА – Малайзия, Таиланд и Сингапур.

Рисунок 5.1

**Трансграничные сети электроснабжения в Юго-Восточной Азии
(действующие, строящиеся и проектируемые)**

Источник: Рогожин А. А. Экономическое сообщество АСЕАН на пути к созданию единой региональной энергосистемы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. №32. М.: ИВ РАН, 2016. С. 27.

В настоящее время в регионе действуют шесть трансграничных энергосистем, соединяющих энергосистемы Таиланда, Лаоса, Камбоджи, Малайзии и Вьетнама (совокупная мощность 3803 МВт), строятся еще шесть (в которые войдет Бруней, 7292 МВт) и планируются десять (с участием Мьянмы, 22158 МВт). В соответствии с разработанным Советом национальных органов управления энергоснабжением стран АСЕАН (The Heads of ASEAN Power Utilities and Authorities, HAPUA) планом, в ЮВА к 2020 г. должно быть создано не менее одиннадцати трансграничных энергосистем. В более отдаленной перспективе все трансграничные энергосистемы ЮВА должны быть закольцованы в единую сеть (см. рис. 5.1).

Идея создания Единой газовой сети АСЕАН зародилась еще в 1997 г., однако повышенное внимание к этому проекту стали уделять тогда, когда стало очевидным, что уровень запасов нефти в ЮВА имеет тенденцию к снижению, доказанных запасов газа при нынешнем объеме потребления хватит на 50 лет, а с учетом вероятных запасов – на 130 лет.

Все страны ЮВА заинтересованы в развитии газовой отрасли в масштабах субрегиона не только из-за того, что лишь некоторые из них обладают собственными, пока достаточными запасами нефти. Уже сейчас стран субрегиона, обладающих запасами газа, больше – семь из десяти.

В электроэнергетике ЮВА в XXI веке во все большей степени используется природный газ: на нем в Сингапуре и Мьянме в первом десятилетии нынешнего века работало уже около 60% электростанций, в Малайзии и Таиланде – порядка 70-75%. Высокими темпами ведется перевод на газоснабжение электростанций в Индонезии и Вьетнаме. При наличии единой региональной газовой сети страны-потребители будут иметь возможность маневрировать объемами потребления и в значительной мере повысят уровень коллективной энергетической безопасности.

Запланированная проектом 1999 г. протяженность TAGP – примерно 10 тыс. км, а ее строительство потребует не менее 15 млрд долл. Единая сеть будет состоять из семи взаимосвязанных участков, но первоначально предполагается уложить на суше и под водой 4 тыс. км труб, построить необходимое число компрессорных станций и обеспечить их газом с платформ, расположенных на континентальном шельфе (первая очередь сети потребует капиталовложений в сумме более 7 млрд долл.).

По сути дела, в проекте TAGP объединены два подхода: строительство (расширение) национальных газовых сетей и прокладка магистралей, соединяющих в одну сеть национальные компоненты. Уже определено пять из семи компонентов-связок в проекте TAGP: Малайзия–Таиланд, Индонезия–Малайзия, Мьянма–Таиланд, Индонезия–Сингапур, Филиппины–Малайзия. Далее к сети будет подключен Вьетнам. Первоначально предполагалось, что создание TAGP будет завершено к 2020 г.

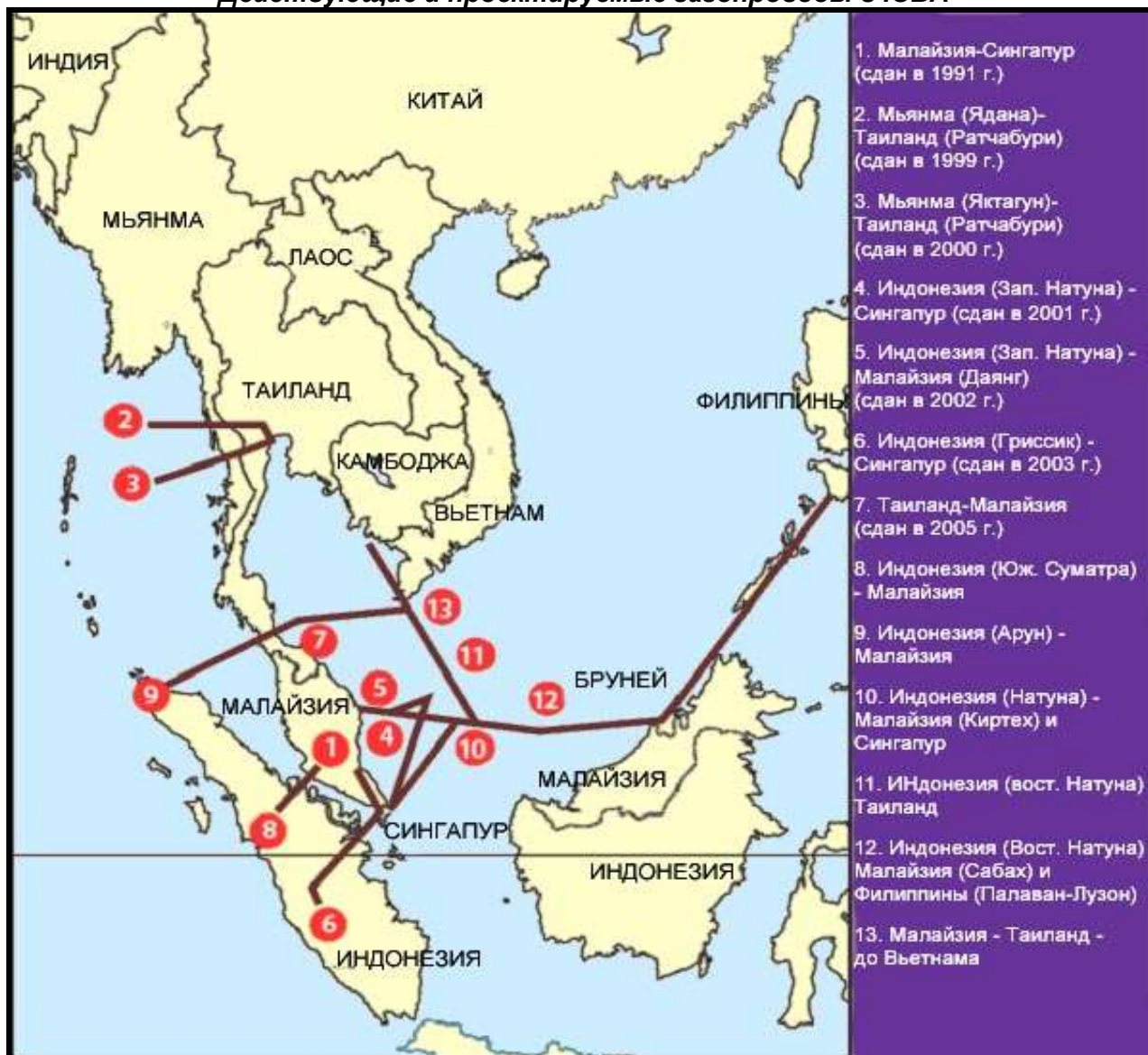
Оценивая уже достигнутые к 2016 г. фактические результаты, этот прогноз представляется чрезмерно оптимистическим. На начало 2016 г. протяженность TAGP составила всего 3631 км (менее запланированных для первой очереди 4 тыс. км) и построено лишь четыре компонента-связки (Сингапур–Малайзия, Сингапур–Индонезия) из 13-ти, запроектированных для всего комплекса TAGP (см. рис. 5.2). Газ для них поставляется с месторождений архипелага Натуна.

В немалой мере реализация проекта TAGP сдерживается появлением второго после месторождений архипелага Натуна источника газа – регионального СПГ. Соответственно, ряд участников проекта TAGP уже по-иному планирует свои действия по обеспечению газом (по крайней мере, в отдельных зонах), уклоняясь под различными предлогами от прокладки газопроводов и предпочитая закупать газ у операторов мобильных регазификационных комплексов. Реализации TAGP

препятствуют и некоторые другие обстоятельства: технические, экономические, регуляторные.

Рисунок 5.2

Действующие и проектируемые газопроводы в ЮВА

Источник: Рогожин А. А. Экономическое сообщество АСЕАН на пути к созданию единой региональной энергосистемы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. №32. М.: ИВ РАН, 2016. С. 32.

В нефтегазовой области в ЮВА реализуется ряд двусторонних и многосторонних проектов, участниками которых являются компании стран региона. В Индонезии ведут разведку и добычу нефти малазийские фирмы. В зоне совместного использования работают вьетнамские и малазийские нефтяники; на вьетнамском континентальном шельфе начали поиски нефти и газа таиландские компании, изучаются возможности проведения аналогичных работ и на Филиппинах; во Вьетнаме разработку двух нефтегазовых блоков ведут совместно индонезийская и малазийская компании.

3. **Обеспечение транспортной безопасности поставок энергоносителей** в регион как направление регионального сотрудничества в нефтегазовой сфере возникло на рубеже веков, когда к традиционной угрозе для мореплавателей в Восточной Азии в форме преимущественно пиратства

добавилась угроза значительно более серьезная – морской терроризм с отчетливо выраженной политической окраской. Такая угроза особенно опасна для ЮВА и может при определенных обстоятельствах привести к серьезным потрясениям не только в экономике стран региона, но и на мировом рынке нефти и газа.

Особенно очевидна угроза морского терроризма, если учесть, что основная часть импорта нефти и значительная часть СПГ поступает в Восточную Азию из стран Ближнего и Среднего Востока и транспортируется через Малаккский пролив. В 2003 г. через него было переправлено почти 547 млн т нефти и прошло около 50 тыс. судов различного класса, в том числе не менее трети из них составляли танкеры и газовозы. В 2013 г. через Малаккский пролив было транспортировано свыше 647 млн т нефти (а также более 0.5% млн т нефтепродуктов и значительные объемы СПГ), прошло около 100 тыс. судов. Это $\frac{1}{4}$ всего объема этих товаров, перевозимых морским путем в мире. Согласно прогнозу Международного энергетического агентства, к 2040 г. совокупный объем перевозимых через пролив нефти, нефтепродуктов и СПГ может достичь 1245 млн тонн. Уже сейчас через пролив проходит (в один конец) 15 танкеров и газовозов в сутки. Пролив протяженностью 880 км местами весьма узок (до 2.5 км), и суда, проходящие через него, чрезвычайно уязвимы для террористических атак.

Случаи морского терроризма в последние годы уже были отмечены в зоне Ближнего Востока, что вызвало серьезное беспокойство у региональных импортеров нефти и СПГ, в первую очередь у Сингапура, который является крупнейшим импортером и реэкспортером ближневосточной нефти в ЮВА. Очевидно, что крупный террористический акт как в зоне Ближнего Востока, так и в акватории Малаккского пролива, направленный против судов или наземной инфраструктуры, может иметь серьезные последствия для близлежащих стран, для всей системы обеспечения стран ЮВА нефтью и СПГ (в относительной безопасности в таком случае окажутся только Вьетнам, Таиланд и Камбоджа).

Именно поэтому проблема обеспечения безопасности прохождения через Малаккский пролив ныне встала со всей остротой, породив сложную политическую и даже военно-политическую ситуацию: все страны Тихоокеанской Азии, включая страны Северо-Восточной Азии, в наибольшей степени зависящие от поставок нефти и СПГ из ближневосточного региона (Япония, Китай, Южная Корея), требуют от трех государств (Малайзия, Индонезия, Сингапур), которые взяли на себя обязанность решать эту проблему, принять повышенные меры безопасности и, в частности, расширить круг стран-гарантов. Однако «государства пролива», отстаивая свои суверенные права, не идут на это, ограничиваясь заверениями о принятии дополнительных мер защиты Малаккского пролива.

Таким образом, реальное сотрудничество стран Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии по такой важной проблеме, как защита прохода судов, не развивается по следующим причинам.

Прежде всего, все три «государства пролива» не желают поступаться национальным суверенитетом и создавать опасный прецедент вмешательства «неасеановских» государств; тем более «государства пролива» категорически не хотели бы видеть своими «помощниками» Японию и США, которые, кстати, готовы по первому зову поставить Малаккский пролив под свой жесткий военный контроль.

Кроме того, опасения самих «государств пролива» не столь велики, как, например, у Японии или Китая: даже между самими «государствами пролива» есть разное ощущение опасности ситуации – мусульманские страны, Индонезия и Малайзия, втайне надеются, что атаке не будут подвергнуты суда под их флагами или доставляющие грузы в их адрес; Сингапур, хотя и не уверен в том, что на его суда не будут совершены нападения, все же надеется, что интересы

ближневосточного нефтяного бизнеса в Сингапуре столь велики, что ему тоже особенно бояться нечего.

Наконец, «государства пролива» прекрасно понимают, что сами они не в состоянии эффективно бороться даже с пиратством в проливе (темпы развития которого в последнее десятилетие резко увеличились, превратив Малаккский пролив в крупнейшую зону мирового пиратства), поскольку не располагают ни военными, ни техническими, ни финансовыми средствами для организации должного отпора потенциальным угрозам со стороны морских террористов. Однако чисто политический фактор оказывается сильнее страха перед ними.

4. Приоритетное обеспечение нефтью и газом региональных партнеров в чрезвычайных ситуациях – направление регионального сотрудничества, о котором в ЮВА много говорится, разрабатываются планы и программы действий в такого рода ситуациях, однако фактически и в прошлом, и в настоящем страны региона вынуждены полагаться исключительно на национальные механизмы выживания.

Нетрудно предположить, что главная причина отсутствия прогресса в деле формирования национальных стратегических запасов нефти во всех странах ЮВА, за исключением Сингапура, кроется в отсутствии финансовых возможностей для формирования и поддержания уровня такого рода запасов.

В начале века страны ЮВА стали уделять большее внимание другой форме сотрудничества на рассматриваемом направлении – **формированию региональных стратегических запасов нефти**. Возможность создания некоего коллективного стратегического запаса нефти начала рассматриваться начиная с 2002 г., когда угроза прекращения поставок с Ближнего и Среднего Востока стала весьма реальной. К ней добавился и впервые прозвучавший тревожный прогноз о превращении региона ЮВА в нетто-импортера. Инициаторами выступили Малайзия, Индонезия и Филиппины, которые приступили к неофициальным, и, по-видимому, достаточно сложным переговорам относительно объема и места размещения Стратегического нефтяного запаса АСЕАН.

К этому следует добавить, что Сингапур, официально поддерживающий идею формирования упомянутого запаса, на практике делает все возможное для того, чтобы затормозить этот процесс – тогда в критической ситуации страны субрегиона будут вынуждены обратиться к ресурсам нефти, аккумулируемым на его территории. А это ресурсы коммерческие, контролируемые в основном крупнейшими международными нефтяными компаниями, и в критической ситуации посреднические операции с этими ресурсами могут принести Сингапуру немалую выгоду.

5. Разрешение конфликтных ситуаций, связанных с освоением нефтегазовых ресурсов на спорных территориях. Это направление можно отнести к наиболее актуальному и перспективному в контексте регионального нефтегазового сотрудничества, поскольку большинство стран региона заинтересовано во взаимовыгодном и, главное, мирном разрешении упомянутых конфликтных ситуаций. Они возникают время от времени вокруг прав на освоение тех или иных территорий и акваторий Южно-Китайского моря. В конфликты разной степени интенсивности вовлечены все страны Тихоокеанской Азии, за исключением Таиланда, Камбоджи, Мьянмы и Лаоса. Зоны конфликтов имеют разные конфигурации: от рифа, скалы, отдельного острова до обширных архипелагов, причем споры в них чаще всего ведутся вокруг шельфов. Правовой статус спорных территорий вызывает многолетние споры претендентов, которые нередко кончаются захватами тех или иных территорий.

Самое большое число стран вовлечено в споры по поводу принадлежности островных территорий в центральной части Южно-Китайского моря, называемых островами Спратли (Китай, Филиппины, Вьетнам, Малайзия и Бруней). У геополитических претензий конфликтующих сторон есть серьезная экономическая мотивация. В особенности это касается архипелага Спратли, имеющего площадь всего 7 кв. км. Американские источники указывают на то, что доказанные запасы только нефти в акватории Южно-Китайского моря равны 1 млрд т, а из общего объема углеводородов 65% составляет газ.

Проблема разрешения конфликтных ситуаций впервые резко обострилась в 2003-2005 гг., когда на фоне неблагоприятного развития ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, стремительного роста мировых цен на нефть, катастрофически возросли потребности крупнейшей страны Тихоокеанской Азии – Китая. Вопреки договоренностям 2002 г. с АСЕАН о мирном, правовом и взаимовыгодном урегулировании всех конфликтных ситуаций в Южно-Китайском море Китай значительно активизировал геологоразведочную, производственную и даже строительную деятельность в нескольких районах этого моря, в том числе в особой зоне, установленной им в одностороннем порядке и с явным нарушением норм международного права.

Мотивация действий китайской стороны, приведшая к ряду конфликтов, предельно проста. Китай претендует на значительное число островов в Южно-Китайском море, в том числе и на отстоящие от китайского побережья на 353 км. По оценкам некоторых китайских специалистов, возможные запасы нефти на территориях и акваториях, которые КНР считает своими, составляют от 14 до 28 млрд т. Только на Спратли можно ежегодно добывать от 75 до 150 млн т., что могло бы полностью избавить страну от импорта нефти, который в 2004 г. увеличился на 40%.

Очевидно, что в разрешении столь сложных проблем важную, если не главную роль призваны сыграть совместные усилия всех заинтересованных сторон, тем более что все они категорически отрицают необходимость вмешательства каких-либо посредников в лице отдельных стран или международных организаций. Однако переговоры, практически постоянно ведущиеся в разных составах и на разных уровнях с 80-годов прошлого века, пока не дали никакого результата. Большинство участников переговоров возражают против создания некоего регионального механизма или тем более организации, которая занималась бы урегулированием хотя бы отдельных конфликтов. Пока стороны предпочитают выяснять отношения в двусторонних переговорах.

Как показал анализ практики регионального сотрудничества в нефтегазовой сфере в ЮВА, реальные успехи его пока невелики, а перспективы – весьма неопределенны. Причины такого развития многочисленны, однако представляется, что они объясняются воздействием нескольких ключевых факторов. К наиболее значимым можно отнести, *во-первых*, значительные расхождения относительно направлений и, главное, условий сотрудничества между его ключевыми участниками. *Во-вторых*, это наличие обостряющихся время от времени конфликтных ситуаций, связанных с освоением нефтегазовых ресурсов на спорных территориях ЮВА. *В-третьих*, это динамика мирового рынка на нефть и газ, от развития которой во многом будут зависеть масштабы и темпы регионального сотрудничества в нефтегазовой сфере, а также в значительной мере и перспективы обеспечения энергетической безопасности стран ЮВА в целом.

АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ: ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ И РЕГИОНАЛИЗМ

В 2013 г. Африка отметила 50-летие континентального интеграционного объединения независимых африканских государств – Организации африканского единства (ОАЕ), преобразованной в 2002 г. в Африканский союз (АС). В январе 2015 г. АС на 24-й сессии глав государств и правительств представил свое видение будущего континента через полвека – «Африка-2063» (или «Повестка дня 2063», African Union's Agenda 2063). Ключевая идея концепции – интеграция 54 государств-членов АС, «открывающая границы, объединяющая рынки и говорящая единым голосом на мировой арене, на базе возрождения идей panaфриканизма и стимулирования всестороннего развития континента».

Первый десятилетний план реализации дорожной карты развития Африки до 2063 г. (2014-2023 гг.) включает более десятка флагманских проектов, нацеленных на углубление интеграционных процессов на континенте. Среди них – формирование долгожданных ключевых финансовых институтов: Африканского инвестиционного банка, Панафриканской фондовой биржи (2016 г.), Африканского валютного фонда (2018 г.), а также создание Континентальной зоны свободной торговли (2017 г.) и введение африканского паспорта (2018 г.) в целях стимулирования свободного передвижения людей и «формирования общей идентичности». Предполагается также к 2020 г. покончить с конфликтами и обеспечить мир на континенте.

На континентальном уровне осуществление этого грандиозного плана поручено таким институтам АС, как Комиссия АС (AUC), Агентство НЕПАД¹⁸⁵ (NPCA), Панафриканский парламент (PAP), Комитет по экономическому, социальному и культурному развитию (ECOSOCC). Большие надежды возлагаются на эффективную помощь со стороны стратегических партнеров, а именно Африканского банка развития (АфБР, AfDB), ЭКА ООН, Африканского фонда по наращиванию потенциала (The African Capacity Building Foundation, ACBF), Ассоциации комиссий африканских государственных служб (The Association of African Public Services Commissions, AAPSC). Но ключевая роль в реализации «Повестки дня 2063» отводится восьми региональным экономическим сообществам (РЭС)¹⁸⁶, которые рассматриваются АС как строительные блоки континентального единства.

Все эти инициативы и общий подход находятся в русле важнейшего тренда современности – регионализации мировой экономики. Но насколько реалистичны амбициозные планы АС по претворению в жизнь «Повестки дня 2063» и, в частности, по использованию регионализма в качестве ключевого инструмента – и компонента – политического объединения и социально-экономической трансформации Африки, в первую очередь ее субсахарского региона¹⁸⁷?

¹⁸⁵ НЕПАД – Новое партнерство в интересах развития Африки (NEPAD).

¹⁸⁶ Сообщество сахельско-сахарских государств (Сен-Сад), Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Восточноафриканское сообщество (ВАС), Экономическое сообщество государств Центральной Африки (ЭСГЦА/СЕЕАС), Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС), Межправительственная организация по развитию (ИГАД), Сообщество развития Юга Африки (САДК), Союз Арабского Магриба (САМ).

¹⁸⁷ Из 54 государств Африканского континента на Африку южнее Сахары (АЮС) приходится 48 с населением 965 млн человек (2016 г.). Наряду с такими густонаселенными странами, как Нигерия (182 млн человек), Эфиопия (90 млн), Демократическая Республика Конго (81.7 млн), ЮАР (55.6 млн человек), население 18 государств насчитывает от 0.5 до 5 млн каждое. 15 стран являются внутриконтинентальными и не имеют выхода к морю.

6.1. Африканский союз: проекты и реальность

Несмотря на полувековое функционирование ОАЕ/АС и десятилетия деятельности региональных экономических сообществ (РЭС), Африка остается политически (54 государства) и экономически наименее интегрированной из всех мировых регионов. Идея создания Соединенных Штатов Африки, выдвинутая лидером Ганы К. Нкрума на заре политической независимости африканских стран и активно продвигавшаяся М. Каддафи в 2000-е годы, не нашла поддержки большинства африканских лидеров. В новой стратегии «Африка-2063» предполагается достижение к 2030 г. консенсуса по форме континентального политического управления и его институтов, что более чем сомнительно. В своем выступлении на праздновании 50-летия ОАЕ/АС председатель Союза на тот момент – министр Эфиопии Хайлемариам Десалень оценил перспективы Африки через 50 лет лишь как «интегрированной экономически». Впрочем, решение и этой задачи чрезвычайно сложно по целому ряду причин.

С середины 1990-х годов начался сильный и устойчивый рост экономики в Африке южнее Сахары (АЮС) с пиковыми показателями в 2002-2007 гг. – 6.5% ВВП в год. С 1994 по 2013 гг. суммарный номинальный ВВП АЮС вырос на 350% (в долл. США), а товарный экспорт увеличился на 500% (глобальная торговля за тот же период выросла лишь на 260%). Экспорт как доля ВВП (export-to-GDP ratio) увеличился в 1995-2013 гг. с 20.5 до 27.5%, а импорт – с 19 до 23%. Доля же внутренней торговли в АЮС, хотя почти удвоилась, достигала лишь 3.5% ее ВВП¹⁸⁸. Балансовая стоимость накопленных прямых иностранных инвестиций в субсахарских странах повысилась за 2000-2012 гг. в 4.1 раза¹⁸⁹.

Вместе с тем экономический рост стал в основном результатом – и показателем – расширяющегося нового партнерства Субсахарской Африки с крупнейшими развивающимися государствами – Китаем, Индией, Бразилией. Их заинтересованность, особенно КНР, в природных ресурсах и рынках субсахарских стран стимулировала расширение торгового оборота, рост цен на топливно-энергетические ресурсы и увеличение притока финансовых средств в АЮС. Отсюда – сдвиг во внешнеэкономических связях Субсахарской Африки от стран с развитой экономикой к странам-партнерам с так называемым формирующимся рынком. За нулевые годы доля экспорта из АЮС в развитые страны сократилась с 70 до 50%, а доля импорта АЮС из них уменьшилась с 60 до 40%¹⁹⁰.

В то же время появляются/усиливаются серьезные риски для субсахарских стран по мере их втягивания в глобализирующиеся мирохозяйственные и геополитические отношения. Эти риски консервируют или углубляют дисбалансы в политическом и социально-экономическом развитии стран и регионов АЮС, которые значительно различаются по агроклиматическому, природно-ресурсному, демографическому и экономическому потенциалу, а также по характеру политического и социокультурного развития. Это и традиционные риски, связанные с чрезвычайной чувствительностью экономик африканских государств, опирающихся на сырьевой сектор, к внешним шокам (спад в Китае, низкие темпы роста экономик развитых стран) в условиях нарастания неопределенности в мировой экономике. Это и усиление деиндустриализации стран АЮС из-за неспособности местной обрабатывающей промышленности конкурировать с дешевой продукцией азиатских стран на внешних и внутренних рынках. Это и углубление экономической дифференциации и социальной поляризации внутри стран и регионов АЮС и между

¹⁸⁸ Regional Economic Outlook. Sub-Sahara. Washington: IMF, 2015. P. 48. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2015/afr/eng/pdf/sreo0415.pdf> (accessed 13.05.2016).

¹⁸⁹ Африка: пути модернизации экономики. М.: Институт Африки РАН, 2014. С. 138.

¹⁹⁰ Сайех А. Качество экономического роста // Финансы и развитие. 2011. Вып. 48. №4 (декабрь). С. 16-17.

ними из-за неравномерности их втягивания в процессы глобализации, а также из-за того, что экономический рост субсахарских стран не конвертировался в адекватной/достаточной степени в социальное развитие и в улучшение качества человеческого капитала. Новые вызовы глобального характера – экономический, экологический и продовольственный кризисы, формирование криминально-террористических сетевых структур, «ресурсные войны» – усиливают традиционные факторы, провоцирующие политическую нестабильность в субсахарских странах, как-то: этнорегиональные и конфессиональные противоречия, слабость государственных институтов, системную коррупцию, высокий уровень социального расслоения и экзистенциальную угрозу.

Именно в сфере обеспечения безопасности и мира роль АС оказалась наиболее заметной и достаточно эффективной на фоне очевидной неспособности ООН адекватно реагировать на многочисленные конфликты по всему миру. В нынешнем усложняющемся, глобальном контексте ООН слишком медлительна и неповоротлива в реакциях на конфликты, у нее не хватает ресурсов на выполнение всех необходимых задач в рамках не просто миротворчества, но *миростроительства*, нацеленного на постконфликтное восстановление и развитие. Поэтому в десятые годы актуализировались вопросы обеспечения слаженной и взаимодополняющей миротворческой деятельности ООН и АС – ведь взаимоотношения между ними характеризуются нарастающим недоверием и напряженностью, иногда носят конфликтный характер¹⁹¹.

Наиболее яркий пример – несогласие АС с операцией НАТО в Ливии в 2011 г., когда западные державы использовали мандат ООН как прикрытие для ликвидации режима М. Каддафи. Президент ЮАР Дж. Зума заявил, что «Африка никогда впредь не должна становиться игровым полем для продвижения интересов других регионов», и предложил расширить число участников принятия решений, одобряющих операции по принуждению, что встретило решительное противодействие пяти постоянных членов Совета Безопасности.

В 2013 г., через год после начала малийского кризиса, АС и Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) предприняли попытку изменить концепцию разрешения конфликтов, следуя лозунгу «Африканские решения для африканских проблем». АС предложил сохранить самостоятельность созданной ЭКОВАС «Миссии по поддержке Мали» (MISMA) при усилении ее миссией ООН. ЭКОВАС пошел дальше, рекомендуя преобразовать MISMA в операцию ООН по стабилизации «с сильным мандатом», то есть с предоставлением права на ведение боевых действий с целью заменить французские силы. Надо отметить, что ЭКОВАС доминирует в сфере обеспечения безопасности в АЮС, будучи одним из десяти основных поставщиков миротворцев для миссий ООН и АС. В нулевые и десятые годы Сообщество совместно с АС активно участвовало в посреднических операциях по прекращению гражданской войны в Кот-д'Ивуаре (2002-2007 гг., 2010 г.), политического кризиса и военного конфликта в Мали (2012-2013 гг.), смягчению последствий военного переворота в Буркина-Фасо (2014 г.).

Африканский проект, однако, не встретил поддержки в Совете Безопасности ООН, как ранее не была принята во внимание позиция АС по Ливии. СБ ООН фактически «узаконил» уже сложившуюся практику, подтвердив тем самым недееспособность существующей системы миротворчества в новых условиях без прямого военного вмешательства мировых держав в урегулирование конфликтов.

Эта позиция вызвала неоднозначную реакцию в Африке. С одной стороны, трудно было не признать, что вмешательство Франции в малийский конфликт

¹⁹¹ Лебедева Э.Е. Субсахарская Африка: конфликты и развитие // МЭиМО. 2014. №12. С. 102-112.

оказалось жизненно необходимым ввиду вакуума государственной власти в центре и на местах, чрезвычайной слабости национальной армии и неэффективности африканских миротворческих сил. С другой стороны, понятны опасения африканцев, что постоянное присутствие французского военного контингента в Сахеле может стимулировать подъем вооруженного исламизма и усилить политическую турбулентность, угрозы в отношении Франции и Запада в целом. Очередной саммит АС (31 января 2015 г.), посвященный координации усилий африканских государств для коллективного ответа на континентальные угрозы, поддержал инициативу Комиссии стран бассейна озера Чад по формированию многонациональных сил (Multinational Joint Task Force – MNJTF)¹⁹² (примерно 8700 военнослужащих из Нигерии, Нигера, Чада и Камеруна) для борьбы с «Бoko Харам». В ответ на вопрос, нужна ли наземная операция западных войск, наподобие французской операции на севере Мали, Нигерия заявила, что такой необходимости нет. Эту позицию поддержал спецпредставитель ООН по Западной Африке М. Ибн Чамбас, сказав, что многонациональные силы будут действовать лишь при технической и финансовой поддержке АС, ООН и стран-доноров (США, Франции и Великобритании).

Тем не менее члены Совета Безопасности посчитали, что амбиции АС и ЭКОВАС явно превышают их возможности институционального, профессионального, материально-технического, финансового и логистического характера для эффективного проведения миротворческих операций, особенно когда главным субъектом многослойных конфликтов становятся радикальные исламистские группировки. И, действительно, до сих пор не обеспечено полноценное функционирование механизмов и институтов в рамках Африканской архитектуры мира и безопасности (APSA)¹⁹³, сформированной АС в 2002 г. В частности, не завершен процесс формирования в каждом из пяти регионов АЮС столь необходимых для урегулирования конфликтов Сил постоянной готовности Африки (African Standby Force, ASF), мандат которых должен включать все компоненты миротворческой миссии в соответствии с требованиями ООН, а именно военную, гуманитарную и политическую. 23-й саммит АС (июнь 2014 г.) одобрил инициативу ЮАР по созданию к октябрю 2014 г. в качестве временного, промежуточного механизма Африканских сил немедленного реагирования на кризисы (African Capacity for Immediate Response to Crises, ACIRC), готовых к интервенции в страну, где разворачивается конфликт, в течение нескольких дней.

Трудно говорить о результативности этой очередной инициативы в сфере миротворчества. Она требует немалых затрат, и предполагается, что деньги дадут сами африканские страны, чтобы ACIRC мог действовать независимо от внешних акторов. И это при том, что государства-члены АС никак не могут самостоятельно наполнить казну организации. В 2007-2013 гг. бюджет увеличился более чем в два раза – с 124.1 до 278.2 млн долл. Из них 44% приходилось на взносы государств-членов, причем они шли только на операционные нужды, то есть на содержание аппарата Союза, из них значительную часть средств вносили Египет, Нигерия, Алжир и ЮАР. При этом штаб-квартира АС была построена китайцами. Остальная часть бюджета АС, выделяемая на реализацию проектов в 2007-2013 гг., почти полностью финансировалась странами-донорами. Ее объем за шесть лет вырос в 4.3 раза – с 36.3 до 155.4 млн долл., без учета взносов доноров на осуществление

¹⁹² Эти силы (MNJTF) были созданы еще в 1998 г. для противодействия контрабандистам в пограничных районах между Чадом, Нигером и Нигерией. Со временем мандат MNJTF трансформировался в контртеррористический.

¹⁹³ В рамках APSA объединены Совет мира и безопасности, Континентальная система раннего предупреждения конфликтов, Группа мудрецов, Силы постоянной готовности Африки (ASF), Механизм постконфликтной реконструкции и развития, а также Африканский фонд мира.

миротворческих операций. Но если Африканскому союзу удастся осуществить эту крайне необходимую для обеспечения безопасности субсахарских стран инициативу, то это будет свидетельствовать о политической воле и зрелости африканских лидеров, об укреплении доверия между странами-членами АС и их способности достигнуть консенсус в урегулировании сложных конфликтов. Это тем более необходимо, поскольку в среднесрочной перспективе, как минимум, политическая нестабильность в ряде стран Субсахарской Африки будет сохраняться или даже нарастать.

Приоритетным направлением деятельности АС по преодолению серьезных дисбалансов в социально-экономическом развитии АЮС стало выдвижение и поддержка крупных амбиционных проектов. Так, в 2003 г. на волне экономического подъема на континенте была одобрена Комплексная программа развития сельского хозяйства в Африке (The Comprehensive Africa Agriculture Development Programme, CAADP) – один из пяти приоритетов программы Нового партнерства в интересах развития Африки (НЕПАД), являющейся концептуальной основой АС. Главная цель CAADP – помочь африканским странам поднять сельское хозяйство, чтобы преодолеть голод, уменьшить нищету, обеспечить продовольственную безопасность и стимулировать экспорт. CAADP не является, как подчеркивают лидеры АС, наднациональной программой, которую нужно выполнять африканским странам. Скорее, программа представляет ключевые принципы и цели, которыми должны руководствоваться африканские государства при выработке и реализации стратегий развития. При запуске этой программы в 2005 г. главы африканских государств определили общую цель CAADP в достижении 6-процентного ежегодного роста сельского хозяйства.

В 2010 г. президент ЮАР Дж. Зума предложил ускорить развитие инфраструктуры путем реализации девяти прорывных проектов под эгидой политических лидеров и Агентства НЕПАД. Среди них – строительство недостающих участков Транссахарской автомагистрали, газопровода Нигерия–Алжир, транспортного коридора «Север–Юг», ЛАПСЕТ (Lamy Port – South Sudan – Ethiopia Transport), прокладка оптико-волоконной линии связи между Алжиром и Нигерией через Нигер и т.д. В 2012 г. АС представил интегрированный Стратегический план трансформации континентальной инфраструктуры на 2012-2040 гг., а именно Программу инфраструктурного развития Африки (Programme for Infrastructure Development in Africa, PIDA – ПИДА). Приоритетными сферами применения программы до 2020 г. объявлены транспорт (24 проекта), энергетика (15), трансграничные водные ресурсы (9) и информационно-коммуникационные технологии (3 проекта). Из 51 проекта семь будут иметь континентальный характер. В Западной Африке намечена реализация 16 проектов стоимостью в 6.2 млрд долл., в Южном регионе – 6 проектов стоимостью в 12.0 млрд и 11 проектов на сумму в 23.4 млрд долл. в Восточном регионе. Эта инфраструктура должна стать, по мнению ее промоутеров, катализатором создания новых рабочих мест, индустриализации, развития технологий, научных исследований и разработок, интеграции и расширения внутриафриканской торговли, инвестиций и туризма.

Ожидается, что внутриафриканская торговля к 2045 г. составит 50% всей торговли континента, а доля Африки в мировой торговле увеличится до 12% к 2063 г. Пока же доля внутренней торговли во всей торговле континента, а это основной показатель экономической интеграции, остается самой низкой – 12-16% (2013 г., данные ВТО) – на фоне других мегарегионов мира. Так, в Азии этот показатель составляет 40%, в Южной и Центральной Америке – 26.6%, не говоря уже о Европе и Северной Америке, где он равен соответственно 68.6 и 49.2%. Доля африканской торговли в мировой составляет всего 3.3% (2013 г.).

Согласно оценке Всемирного банка на 2009 г., инфраструктурные потребности АЮС составляют 93 млрд долл. в год, в частности 40.92 млрд (44%) на развитие энергетического сектора и 18.6 млрд (20%) на создание транспортной инфраструктуры. По недавней оценке МВФ, ежегодные бюджетные расходы стран АЮС на инфраструктуру равны примерно 51.4 млрд долл., что означает недофинансирование в объеме 41.6 млрд долл. Существуют также большие различия между странами по относительным объемам расходов на инфраструктуру. Ангола, Кабо-Верде и Лесото инвестируют более 8% своих ВВП, в то время как богатая нефтью Нигерия и нестабильный Южный Судан выделяют менее 1%. С 2009 по 2012 гг. пять стран АЮС стали адресатами более половины совокупных зарубежных обязательств по финансированию расходов на инфраструктуру. На ЮАР пришлось 17% обещанных средств, на Нигерию – 11%, Гану – 10%, Кению – 8%, Эфиопию – 7%¹⁹⁴. В настоящее время АфБР остается крупнейшим внешним источником финансирования для развития инфраструктуры в Африке на национальном и региональных уровнях. Например, с 2009 по 2011 гг. Банк завершил 51 транспортный проект (автомобильные и железные дороги, аэропорты и морские порты) на сумму более 3 млрд долл.¹⁹⁵

Еще до начала реализации ПИДА Комитет Комиссии АС по инфраструктуре и энергетике, проанализировав опыт инфраструктурных проектов с участием НЕПАД, доноров, многонациональных и региональных банков, выявил несогласованность их действий, а также отсутствие стратегического планирования, «плохое взаимодействие между Комиссией АС, региональными экономическими сообществами и другими институтами, участвующими в развитии инфраструктуры», «слабость мобилизации ресурсов и технического сотрудничества» и т.п.

Комиссия АС, Агентство НЕПАД и АфБР находятся в центре реализации в Африке программы ООН «Устойчивая энергетика для всех», принятой в 2011 г. в связи с растущей озабоченностью мирового сообщества проблемами изменения климата и борьбой с бедностью. Программа нацелена в первую очередь на обеспечение к 2030 г. повсеместного доступа к современным энергетическим ресурсам и увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ), в чем наиболее остро нуждаются субсахарские страны. В тридцати из них доступ к сетевой электроэнергии варьируется от 11 до 30%, а в десяти государствах АЮС этот показатель составляет менее 10%. Для достижения полного подключения субсахарских стран к электроэнергии необходимо, по оценкам Международного энергетического агентства, 756 млрд долл., то есть ежегодные инвестиции в сумме 36 млрд долл. на 2010-2030 гг. С целью их привлечения и был создан фонд «Устойчивая энергетика для Африки». В 2014 г. представители 19 африканских стран на IV ассамблее Международного агентства по возобновляемой энергии приняли решение о создании «Коридора чистой энергии», который будет включать государства Восточного и Южного энергетических бассейнов. Региональный подход к разработке значительного потенциала возобновляемых энергоресурсов, как справедливо отмечают российские исследователи, позволит оптимизировать энергобалансы этих государств. Наиболее крупные госпрограммы по использованию возобновляемых источников энергии в субсахарской Африке осуществляют ЮАР, Эфиопия и Кения¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Амаду Си. Препятствие на пути к росту // Финансы и развитие. 2016. Вып. 53, №2 (июнь). С. 26. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2016/06/pdf/fd0616r.pdf> (дата обращения: 02.03.2016).

¹⁹⁵ Infrastructure Gap, Non-Tariff Barriers Impediments to Regional Trade in Africa // African Development Bank Group. 30.10.2013. URL: <http://allafrica.com/stories/201310301182.html> (accessed 12.06.2016).

¹⁹⁶ Африка: пути модернизации экономики. М.: Институт Африки РАН, 2014. С. 242, 243, 246.

Выполнение этих амбициозных программ в наибольшей степени зависит от международных финансовых институтов, стран-доноров и т.п. Вместе с тем предполагается, что и РЭС примут посильное участие в их реализации, поскольку принимались эти программы главами государств и правительств на саммитах АС. Однако лидеры африканских стран не хотят делегировать часть своего государственного суверенитета наднациональным структурам АС и тем более РЭС. Принятие решений осуществляется на договорной основе главами государств и правительств, для которых национальные интересы (иногда это клановые или даже личные интересы, которые выдаются президентами за национальные), естественно, стоят на первом месте. Ассамблея глав государств и правительств собирается раз в году, а Совет министров – два раза. Другими словами, их решения имеют силу только в рамках институциональной структуры РЭС, исполнение их на территории государств зависит от национальных интересов и приоритетов (как их определяют правящие элиты), которые могут отличаться от приоритетов на региональном уровне. Африканские лидеры могут поддерживать – и именно так в основном и делают – решения АС, так как это вопрос их имиджа, политического капитала и т.п., но реализация решений определяется субъективными или объективными причинами (например, вызовами, грозящими существованию государства, политической стабильности и т.п.).

Интеграционные процессы в региональных экономических сообществах континента протекают неравномерно. В настоящее время африканские страны, даже не имеющие выхода к морю, отдают приоритет торговле с нерегиональными партнерами, а не расширению торговых связей с непосредственными соседями. Как ни странно, именно декларируемое стремление африканских государств к интеграции создает одно из серьезных препятствий на ее пути, поскольку они обычно являются членами нескольких экономических сообществ. Причем стратегические или политические соображения играют нередко гораздо большую роль, чем экономические потребности. А так как РЭС часто имеют конфликтные цели и несовпадающую повестку дня, то это препятствует попыткам каждой из этих региональных организаций достичь внутреннего согласия ее членов, без которого успеха не добиться.

Более того, интеграция вызывает сопротивление отдельных стран из-за страха экономических потерь в результате отмены таможенных тарифов или конкуренции с более развитыми рынками. Устойчивая склонность к защите местного производства мешает ряду стран открыть свои рынки соседям. Нельзя не принимать во внимание и негативное влияние на процессы регионализации соперничества между традиционными партнерами – ЕС, США и быстро развивающимися экономиками мира (Китай, Индия, Бразилия и др.). И, пожалуй, ключевой недостаток РЭС – это их неспособность полностью применить интеграционные соглашения.

Есть причины и чисто экономического характера. В первую очередь, это наличие множества малых государств с узкими и слабыми национальными рынками, высокий уровень концентрации производства, недостаток производственного потенциала. Африканским странам недостает конкурентоспособности в сфере производства и торговли из-за высокой стоимости производства, администрирования и транспортных услуг, плохой инфраструктуры, значительных барьеров в сфере торговли, малого объема фирм, слабых межфирменных связей и высокого уровня неформальных отношений. Эксперты же ЮНКТАД видят главный недостаток интеграционных усилий африканских стран, обуславливающий их низкую результативность, в узком взгляде на регионализм и предлагают новый подход.

Регионализм, ориентированный на развитие – так формулируют эксперты ЮНКТАД «подход XXI века, необходимый для решения африканских проблем»¹⁹⁷. Мир стремительно меняется, и, чтобы адаптироваться к вызовам и рискам развития, африканские страны также должны изменить свой подход к региональной интеграции. Усилия, предпринимавшиеся до настоящего момента для стимулирования синергетического экономического роста в Африке, опирались, по их мнению, на «односторонний» подход к региональному сотрудничеству, который фактически ограничивался мерами по упрощению процедур в сфере торговли. Новый подход предполагает, что инициативы по региональному сотрудничеству должны реализовываться внутри более широких рамок развития, которые способствуют экономической диверсификации, структурной трансформации и технологическому развитию. А это должно усиливать производственный потенциал африканских экономик через использование многообразных преимуществ «экономики масштаба», способствовать инфраструктурному развитию и поддерживать индустриализацию. Также важно использовать региональную интеграцию для повышения конкурентоспособности и вовлеченности африканских стран в глобальную экономику *в целях содействия устойчивому развитию*.

Среди ключевых драйверов регионализации, ориентированной на развитие, авторы доклада указывают следующие:

- формирование региональной промышленной политики для обеспечения взаимодополняемости в производстве и торговле;
- укрепление производственно-сбытового потенциала и создание региональных цепочек создания стоимости;
- разблокирование динамизма частного сектора и формирование надежного механизма диалога между государством и бизнесом в качестве важного катализатора расширения регионального сотрудничества;
- установление межстрановых экономических связей в конкретных секторах деятельности за счет создания «коридоров развития».

В целом же, эксперты ЮНКТАД констатируют отсутствие целостной стратегии Африканской интеграции, которая могла бы, по их мнению, стать парадигмой развития континента в XXI веке.

Важной мерой в восполнении этой лакуны является, на наш взгляд, совместная разработка экспертов Комиссии АС, ЭКА ООН и АфБР Индекса региональной интеграции в Африке (Africa Regional Integration Index, ARII, ИРИА). Это инструмент мониторинга процессов регионализации на континенте по 16 показателям в рамках пяти ключевых направлений социально-экономического развития: торговля, инфраструктура, промышленность, свободное передвижение людей, финансовая и макроэкономическая политика. В докладе за 2016 г. по ИРИА представлены первые результаты ранжирования РЭС по степени их внутренней связанности, а также стран, занимающих ведущие позиции в объединительных процессах в этих сообществах¹⁹⁸. Оценка текущей ситуации с использованием Индекса позволяет выявить не только проблемные узлы в практике регионализации, но и их глубинную связь с противоречиями социально-экономического развития африканских стран.

¹⁹⁷ United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). Economic Development in Africa Report 2013. Intra-African Trade: Unlocking Private Sector Dynamism. UN, 2013. P. 158. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldcafrica2013_en.pdf (accessed 20.04.2016).

¹⁹⁸ Africa Regional Integration Index Report 2016. AU, AfDB, UN ECA. URL: http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Generic-Documents/ARII-Report2016_EN_web.pdf. P. 18, 24-26.

6.2. Социально-экономические дисбалансы в крупных государствах Африки южнее Сахары

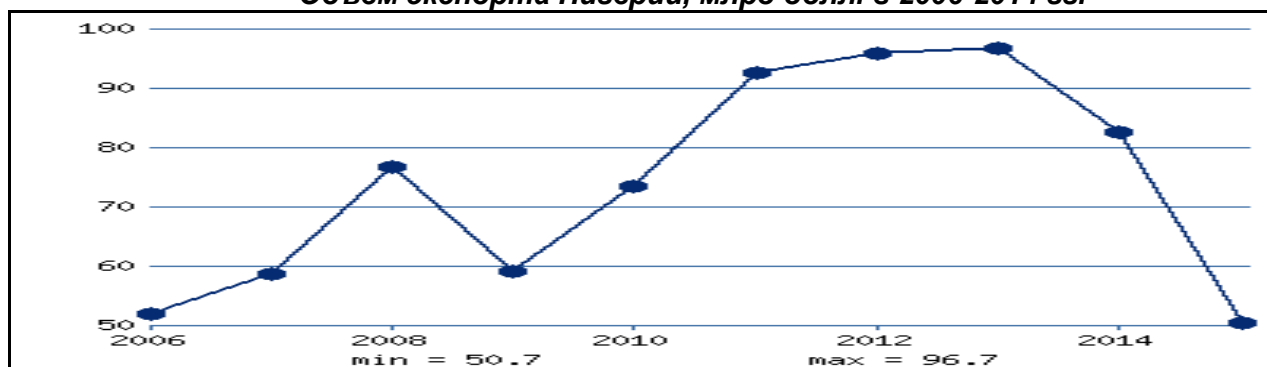
Федеративная Республика Нигерия

Нигерия – самая населенная страна Африки (182 млн человек) – занимает первое место в АЮС по объему ВВП (490 млрд долл., 2015 г.) и ведущие позиции по производству и экспорту нефти. Она является лидером западноафриканского региона, претендует на континентальное лидерство и стремится занять место среди 20 крупнейших экономик мира, став участником Большой двадцатки (G20). При этом Нигерия подвержена – в большей или меньшей степени, в различной комбинации – всем тем рискам социально-экономического и политического характера, о которых говорилось выше. Наличествуют у нее и глубокие дисбалансы в экономическом, социокультурном и политическом развитии.

В нулевые годы и вплоть до 2014 г. Нигерия демонстрировала довольно устойчивый ежегодный экономический рост – в 6-7% (11% в 2010 г.). Наибольший вклад в ВВП страны (в текущих ценах 2014 г.) делали сельское хозяйство – 20.2%, нефтяной сектор – 10.8%, промышленность – 9.8%, торговля – 18.6%, транспорт и коммуникации – 12.1%, финансы и бизнес-услуги – 15.4%¹⁹⁹. В целом на сферу услуг приходилось около 46% ВВП. Однако в 2015 г. произошло резкое падение темпов роста ВВП – до 3%, что было обусловлено в первую очередь обвалом нигерийского экспорта, фактическим возвращением его объема к уровню середины нулевых годов (см. рис. 6.1).

Рисунок 6.1

Объем экспорта Нигерии, млрд долл. в 2006-2014 гг.

Источник: Вся статистика. Страны мира: экономика Нигерии. URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=nigeria&table=execia>.

Среди главных причин этого – более чем 50-процентное снижение с середины 2014 г. мировых цен на сырую нефть, которая, наряду с газом, является одним из основных факторов производства в стране. Произошли и серьезные сдвиги в динамике спроса на нигерийскую нефть со стороны ее главного потребителя на протяжении последнего десятилетия – США. Американцы стали бурно наращивать собственное производство нефти, поэтому объемы закупок в Нигерии сократились в разы – с 29.7 млрд долл. в 2010 г. до 3.9 млрд долл. в 2014 г.²⁰⁰ В 2015 г. США заняли лишь скромное восьмое место среди десяти мировых топ-партнеров Нигерии по экспорту, список которых возглавил ЕС, куда направлялось более трети

¹⁹⁹ African Economic Outlook 2016 Sustainable Cities and Structural Transformation. AfDB, OECD, UNDP 2016. P. 4. URL: <http://allafrica.com/download/resource/main/main/idadcs/00100849:887010dd2bf3afa4d3dc4c9e004e58f.pdf> (accessed 12.08.2016)

²⁰⁰ ITC. Trade map. Trade statistics for international business development. URL: [http://www.trademap.org/\(X\(1\)S\(dshet055ileu2j45iagpueuo\)\)/tradedstat/Bilateral_TS.aspx](http://www.trademap.org/(X(1)S(dshet055ileu2j45iagpueuo))/tradedstat/Bilateral_TS.aspx) (accessed 10.08.2016).

нигерийского экспорта углеводородных ресурсов, главным образом в Нидерланды и Испанию (см. табл. 6.1).

Таблица 6.1

Доли топ-партнеров Нигерии в ее товарной торговле, 2015 г., %

Партнеры	Экспорт	Партнеры	Импорт
ЕС-28	33.8	КНР	25.8
Индия	17.0	ЕС-28	22.4
Бразилия	8.5	США	6.5
ЮАР	5.6	Индия	4.3
Япония	4.7	ОАЭ	2.6
Кот-д'Ивуар	4.3	Гонконг	1.5
Гана	4.2	Бразилия	1.3
США	3.2	Южная Корея	1.3
Индонезия	2.1	Малайзия	1.3
КНР	2.1	ЮАР	1.2

Источник: European Union. Trade in goods with Nigeria. P. 8. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113427.pdf.

Немалую роль в формировании/углублении негативного тренда в нефтяной отрасли играет и снижение добычи сырой нефти. Она, по оценке компании Shell, упала в 2014 г. на 15-20%²⁰¹, а с октября 2015 г. по июнь 2016 г., согласно данным Международного института стратегических исследований – с более чем 2.2 млн до 1.5 млн баррелей в день²⁰². Это обусловлено как естественными причинами (пик добычи пройден, резервы сужаются и т.п.), так и уменьшением иностранных инвестиций. Приток прямых капиталовложений в Нигерию в целом в 2013 г. упал на 20%, преимущественно из-за продаж активов иностранными нефтяными компаниями, такими как Royal Dutch Shell (нидерландско-британская компания), Chevron Corp. (США) и др.²⁰³ Причина этого – многолетнее сопротивление населения их присутствию в основном районе нефтедобычи – штате «Дельта Нигера» (Niger Delta), где участились случаи воровства нефти и нападения боевиков организации «Мстители Дельты Нигера» (Niger Delta Avengers) на нефтепроводы. В 2005 г. на долю иностранных компаний приходилось 41.2% добычи нигерийских нефти и газа²⁰⁴.

Доходы от продажи нефти в 2015 г. составили лишь 9.3% ВВП. Валютные резервы сократились на 15.6% – 29.1 млрд против 34.52 млрд долл. в 2014 г. Приток капитала, в котором преобладали портфельные инвестиции, резко упал – с 20.8 млрд в 2014 г. до 9.6 млрд долл. в 2015 г. Все это привело к серьезному увеличению макроэкономического дисбаланса, и прогнозы по его преодолению и восстановлению экономической активности неутешительны, поскольку вышеуказанный негативный тренд, имеет по всей видимости, все шансы приобрести долгосрочный характер. В результате новый президент Нигерии М. Бухари и его правительство, пришедшие к власти после победы на выборах 2015 г., вынуждены были пойти на ужесточение денежно-кредитной политики, включая сокращение государственных расходов и снижение объема импорта (см. рис. 6.2). Это негативно отразилось на экономической активности в ненефтяном секторе экономики и

²⁰¹ Африка: пути модернизации экономики. С. 167.

²⁰² Strategic Survey 2016. The Annual Review of World Affairs. UK. P. 148.

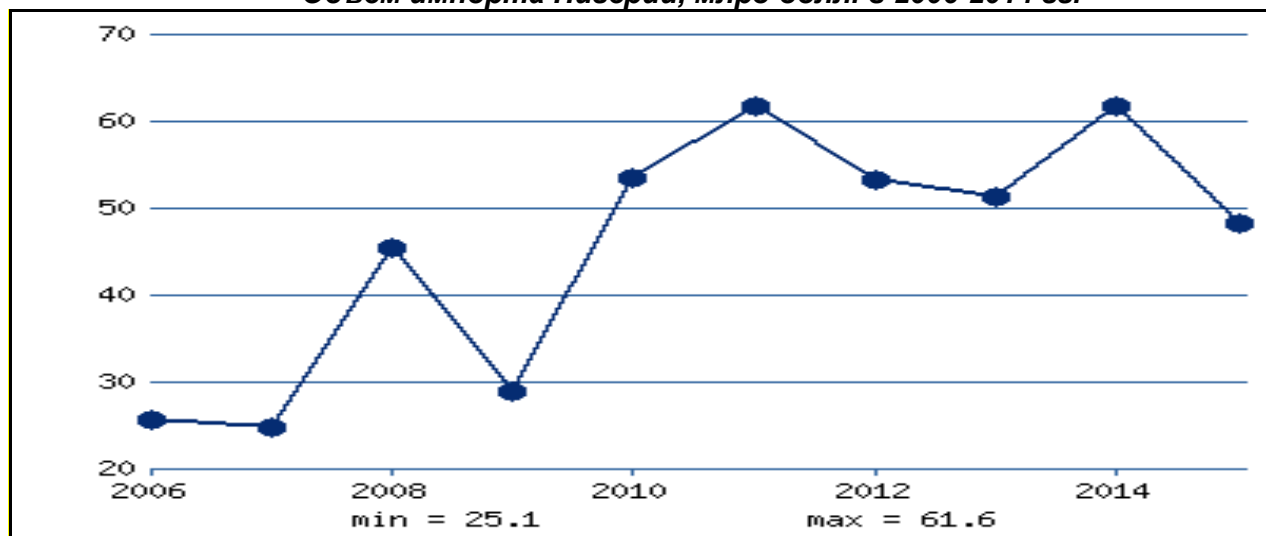
²⁰³ Ibidem. P. 166.

²⁰⁴ Ibidem. P. 139.

закономерно привело к росту безработицы: в середине 2016 г. она составляла 13.3%, а среди молодежи – 24%.

Рисунок 6.2

Объем импорта Нигерии, млрд долл. в 2006-2014 гг.

Источник: Вся статистика. Страны мира: экономика Нигерии. URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=nigeria&table=execia>.

И все это происходит в условиях неразвитости большинства современных отраслей экономики, массивных дисбалансов в хозяйственном развитии и, как следствие, наличия неформального сектора, охватывающего подавляющее большинство самодельного населения страны. Плохая инфраструктура, коррупция, недостаточный доступ к финансам, политическая нестабильность, низкий уровень подготовки кадров и неэффективное госуправление также сдерживают развитие Нигерии и сказываются на ее конкурентоспособности. Так, в рейтинге Глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index) Нигерия в 2005 г. занимала 91-е место, а через десятилетие скатилась на 124-ю позицию из 140 стран. Согласно последнему рейтингу коррумпированности стран, составляемому Transparency International, Нигерия находится на 136-м месте из 166 стран.

Неудивительно поэтому, что экономическими приоритетами бюджета 2016 г. стали наращивание усилий по диверсификации производственной базы экономики и активизации деятельности ненефтяного сектора ради уменьшения уязвимости страны для внешних шоков, восстановление и расширение инфраструктуры и, конечно, борьба с коррупцией. Новые власти также пообещали уделять пристальное внимание решению проблем бедности и неравенства, оказанию помощи наиболее уязвимым слоям населения. Однако реализации этих планов препятствуют долговременные взаимосвязанные и взаимодополняющие негативные тренды социально-демографического характера, которые к тому же стали одним из драйверов политической турбулентности в ряде регионов страны.

Напомним, что Нигерия в нулевые годы и вплоть до 2014 г. развивалась быстрыми темпами. Но, как и в других африканских странах, этот впечатляющий экономический рост не привел к позитивным и качественным сдвигам в социальном развитии, не конвертировался он в улучшение качества человеческого капитала. Хотя, согласно национальной статистике, уровень бедности значительно сократился – с 65.6% в 1996 г. до 45.5% в 2010 г., он остается неприемлемо высоким, особенно в условиях растущей безработицы.

Существуют к тому же большие региональные диспропорции в распределении беднейшего населения: на две из шести геополитических зон страны (северо-восточную и северо-западную) приходится более половины общей численности бедняков. Индекс человеческого развития (ИЧР) в стране на протяжении последнего десятилетия действительно вырос – с 0.467 в 2005 г. до 0.514 в 2015 г. Но усилия по выполнению «Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций» дали неоднозначные результаты по целям, географическим районам и гендерным группам. Так, охват населения базовым образованием имел тенденцию к снижению с пикового уровня в 84% в 2005 г. до 54% в 2013 г. Аналогичный тренд наблюдался в отношении грамотности, которая снизилась с 80% в 2008 г. до 66.7% в 2014 г., особенно в северо-восточной геополитической зоне, наиболее пострадавшей от террористической деятельности «Боко Харам». В северной части страны 90% из примерно 11 млн детей в настоящее время не посещают школу. Если же учесть высокий уровень неравенства в доходах, которое по коэффициенту Джини составляет 0.43, то ИЧР Нигерии снизится, по мнению авторов «African Economic Outlook 2015», до 0.320, что соответствует среднему показателю в АЮС²⁰⁵.

Важнейшим препятствием на пути преодоления социальных дисбалансов Нигерии стал и переживаемый ею демографический взрыв. С 1960 г. население страны выросло в четыре раза: оно удвоилось с 45.2 млн человек в 1960 г. до 90.8 млн в 1988 г., а затем еще раз удвоилось – до 177.4 млн в 2014 г. По прогнозам российских ученых, к 2050 г. численность жителей страны может достигнуть 450.1 млн человек – в случае реализации сценария продолжения «застывания» уровня рождаемости. Отсутствие целенаправленной и эффективной государственной политики планирования семьи в условиях сохранения в нигерийском обществе установок на высокую рождаемость делает вполне обоснованным осуществление этого сценария. Он подразумевает, в частности, более чем трехкратное увеличение численности молодежи в возрасте 15-24 лет²⁰⁶. И эти многомиллионные массы неквалифицированных и/или низкоквалифицированных работников, не нашедшие себе места на рынке труда, не имеющие образования в результате коллапса его системы и в значительной своей части подверженные влиянию исламского радикализма, могут стать детонатором – и субъектом – мощнейших социально-политических потрясений как в самой Нигерии, так и в регионе Западной Африки в целом. Первые проявления такой нестабильности уже налицо.

Во многих странах АЮС, особенно сахаро-сахельских, десятилетиями в основе перманентной политической нестабильности лежал социально-экономический, социокультурный и/или этноконфессиональный разлом этих стран по линии Север–Юг. Экономически отсталые, социально маргинализированные и не имеющие адекватного представительства в центральных властных структурах северные регионы были источником и полигоном масштабных протестных движений и гражданских войн. Их разрушительный потенциал значительно возрастал в тех странах, где противостояние между Севером и Югом носило межконфессиональный характер: там отсталая мусульманская периферия выступала против центрального правительства, представлявшего интересы экономически более развитых южных регионов с преобладанием христианского населения.

Все это имеет прямое отношение к Нигерии. Ее экономика отличается серьезными региональными диспропорциями в размещении основных объектов производства. Главные разработанные нефтяные скважины находятся на юге,

²⁰⁵ African Economic Outlook 2016. Sustainable Cities and Structural Transformation. AfDB, OECD, UNDP 2016. P. 4. URL: <http://allafrica.com/download/resource/main/main/indatcs/00100849:887010dd2bf3afa4d3dc4c9e004e58f4.pdf> (accessed 27.07.2016).

²⁰⁶ Зинькина Ю.В. Демографическая бомба Нигерии // Азия и Африка сегодня. 2016. №8. С. 40-41.

несмотря на попытку правительства наладить добычу углеводородов в районе озера Чад и в бассейне реки Бенуэ. Северо-восточные же регионы Нигерии экономически слабо развиты, с быстрорастущим населением, в подавляющем большинстве своем мусульманским. Они-то и стали главной социальной базой исламистской террористической организации «Боко Харам».

Ее лозунги – искоренение светской модели образования и западного образа жизни, свержение нынешнего правительства и создание исламского государства – нашли поддержку жителей штатов Борно, Уоб и Адамава, возмущенных своим бедственным экономическим положением, которое усугубляется масштабными негативными последствиями изменения климата (засуха, опустынивание, уменьшение водных ресурсов и, как следствие, снижение урожая), а также плохим управлением и беспрецедентной коррупцией в правящей элите.

В 2014 г. нигерийское правительство официально признало «Боко Харам» главным вызовом нигерийскому государству. 23 мая 2014 г. по просьбе Нигерии СБ ООН внес «Боко Харам» в список террористических организаций. В 2014 г. группировка, согласно данным Института экономики и мира²⁰⁷, даже обошла ИГИЛ по числу убитых (6644 против 6073), причем 77% из них были мирными жителями, и заняла второе место после Ирака по количеству похищенных людей (1298). А всего с 2009 г. в Нигерии от рук боевиков «Боко Харам», предположительно, погибло более 20 тыс. человек только в одном штате Борно, 2.5 млн жителей северо-востока страны стали внутренне перемещенными лицами, а 200 тыс. – беженцами, осевшими в Камеруне, Чаде и Нигере. Общий ущерб от действий экстремистов, разграбивших и разрушивших сотни деревень и ряд городов, в штате Борно составил примерно 5.9 млрд долл., в штате Йобе – 150 млн долл.

В сентябре 2014 г. лидер «Боко Харам» Абубакар Шекау, явно находясь под влиянием «успехов» ИГИЛ, заявил о создании халифата на северо-востоке Нигерии со столицей в городе Гвоза. К ноябрю 2014 г. «Боко Харам» контролировала в Нигерии территорию более 20 тыс. км – почти весь штат Борно, часть штатов Адамава и Йобе, часть приграничных районов Камеруна, Нигера и Чада, где располагались базы боевиков. В марте 2015 г. «Боко Харам» присягнула на верность халифу «Исламского государства» и сменила название на «Западноафриканскую провинцию “Исламского государства”» (Islamic State's West Africa Province, ISWAP).

В результате действий многонациональных сил, приступивших к разгрому «Боко Харам», военный потенциал организации значительно ослабел. Сократилась и контролируемая «Боко Харам» территория, но террористические акты продолжаются. «Боко Харам» – это комплексная проблема, решить ее только военными средствами невозможно. Не менее важна реализация стратегии «мягкого» подхода к борьбе с терроризмом в условиях, когда традиционный ислам становится все менее привлекательным для обездоленной нигерийской молодежи на фоне растущего влияния в арабском мире радикальных настроений, «перетекающих» из стран Северной Африки и Ближнего Востока в Субсахарскую Африку²⁰⁸. А главное, Нигерия, чтобы не превратиться в региональный плацдарм терроризма, нуждается в глубоких реформах, нацеленных на преодоление социально-экономической и политической маргинализации северных регионов, ликвидацию самого высокого (после ЮАР) разрыва в уровне жизни между верхами и низами, массовой безработицы и хронической нищеты.

²⁰⁷ Global Terrorism Index 2014. Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. Institute for Economics and peace. P. 50-53. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/06/Global-Terrorism-Index-Report-2014.pdf> (accessed 20.12.2016).

²⁰⁸ Лебедева Э. Радикальный исламизм в Африке южнее Сахары // РСМД [сайт]. URL: <http://russiancouncil.ru/extremism-africa>.

Южно-Африканская Республика (ЮАР)

По численности населения (55.6 млн человек, 2016 г.) ЮАР почти в четыре раза меньше Нигерии, уступает ей по объему ВВП, но превосходит по душевому доходу более чем в два раза – 5695 долл. против 2743 долл. (2015 г.)²⁰⁹.

ЮАР была одним из инициаторов создания АС, активно участвует в интеграционных процессах регионального и международного уровня: в частности, она стала в 2011 г. членом БРИКС. ЮАР – единственное африканское государство в составе Большой двадцатки, что свидетельствует о признании мировым сообществом лидерских позиций ЮАР в Африке. И, действительно, страна обладает диверсифицированной экономикой, наиболее технологически продвинутой промышленной базой и сравнительно развитой инфраструктурой, стабильно функционирующим, мощным финансово-банковским сектором и бурно развивающейся сферой услуг. Более того, южноафриканская компания Sasol является мировым лидером по технологиям производства синтетического жидкого топлива, занимая также передовые позиции в области применения биотехнологий в горнодобывающей и металлургической промышленности. Южноафриканский Standard Bank Group – старейший и самый крупный банк на континенте – имеет более тысячи отделений в 20 африканских и 16 других странах, включая Бразилию, Аргентину, Россию и Китай²¹⁰. В рейтинге Глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index 2016-2017), представленном в докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ), ЮАР занимает 47-е место из 138 стран.

В то же время не надо забывать, что экономика страны носит дуальный характер. Наряду с развитым формальным сектором существует и неформальная экономика, которая, по некоторым оценкам, охватывает от 40 до 70% самодостаточного населения и на которую приходится около 30% ВВП страны.

Динамика развития ЮАР в последнее пятилетие продемонстрировала углубление фундаментальных дисбалансов, присущих модели социально-экономического развития страны.

Хотя рецессия экономики ЮАР в 2009 г. (-1.5% ВВП) сменилась в начале десятых годов определенным ростом ВВП (3.0% в 2010 г., 3.2% в 2011 г.), позже началось неуклонное падение его темпов. Третий квартал 2015 г. был отмечен спадом не только в производстве электроэнергии (-8%), но и в горнодобывающем (-9.8%) и аграрном (-12.6%) секторах. В целом темпы роста промышленного производства в 2015 г. составили всего 1.7%²¹¹. Резервный Банк ЮАР снизил прогноз роста ВВП в 2016 г. до 0%, а в ближайшие два года рост ВВП ожидается лишь 1.1 и 1.5% соответственно²¹². В связи с этим, а также с увеличением бюджетного дефицита и государственного долга, международные агентства (Standard and Poor's, Fitch, Moody's) намерены присвоить стране «мусорный» кредитный рейтинг.

Негативное воздействие на экономическую динамику страны оказывали – и, по всей видимости, будут оказывать в среднесрочной перспективе – факторы как внутреннего, так и внешнего характера.

ЮАР не смогла преодолеть последствий мирового финансово-экономического кризиса, который усугубил системные изъяны хозяйственного комплекса страны,

²⁰⁹ The Global Competitiveness Report 2016–2017. Geneva: WEF, 2016. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/country-profiles/#economy=NGA> (accessed 07.01.2017).

²¹⁰ Матченко И.Б. Региональные банки в Африке: возможности и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2016. №9. С. 46.

²¹¹ URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=safrika&table=ipecia&time=2>.

²¹² Statement of the Monetary Policy Committee. Issued by L. Kganyago, Governor of the South African Reserve Bank. 21.07.2016. URL: <https://www.resbank.co.za/Lists/News%20and%20Publications/Attachments/7396/MPC%20Statement%20July%202016.pdf> (accessed 03.10.2016).

обусловил низкие темпы ее роста в основных экспортных отраслях, ограничив, тем самым, внутренние инвестиции и потребление, обострив социальные проблемы (нищета, безработица). Так, архаичная энергосистема, основанная на использовании угля, в условиях роста потребления электричества в домохозяйствах²¹³ привела к острому дефициту в стране электроэнергии. Это стало причиной резкого спада производства во многих отраслях экономики, особенно в горнодобывающей, являвшейся традиционной опорой хозяйственного комплекса страны. За четверть века (1990-2015 гг.) занятость в этой отрасли сократилась на 29.4%, что коррелировало с постепенной деиндустриализацией экономики в результате снижения конкурентоспособности промышленной продукции ЮАР на мировых рынках.

Важнейшим внешним сдерживающим фактором роста страны с 2011 г. стали падение спроса и колебания котировок на сырьевые товары на мировых рынках, снижение объема инвестиций и волатильность валют. И неожиданно одним из носителей этих внешних рисков для ЮАР и в целом для развивающихся стран стал Китай, демонстрирующий замедление роста из-за своего перехода к новой стратегии развития с упором на рост внутреннего потребления и развитие сферы услуг. Это привело к снижению в 2014 г. объема экспортно-импортных операций ЮАР с КНР при сокращении почти на треть – по сравнению с 2013 г. – южноафриканского экспорта в Китай из-за падения спроса на ряд сырьевых товаров, крупнейшим производителем и экспортером которых является ЮАР.

Таблица 6.2

Доли топ-партнеров ЮАР в ее товарной торговле, 2015 г., %

Партнеры	Экспорт	Партнеры	Импорт
ЕС-28	20.8	ЕС-28	29.6
КНР	9.2	КНР	18.4
США	7.6	США	7.1
Намибия	5.1	Индия	5.0
Япония	4.9	Япония	3.7
Индия	3.9	Нигерия	3.6
Мозамбик	2.9	Саудовская Аравия	3.1
Замбия	2.8	Таиланд	2.4
Зимбабве	2.5	Бразилия	1.6
Гонконг	2.2	Ангола	1.6

Источник: European Union, Trade in goods with South Africa. P. 8. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113447.pdf.

Тем не менее КНР, как видно из таблицы 6.2, остается важнейшим торгово-экономическим партнером ЮАР, в первую очередь в сфере импорта, который почти полностью состоит из товаров тяжелой и легкой промышленности. Торговый баланс ЮАР с Китаем стабильно отрицательный, ряд товаров (текстиль и т.п.) создают серьезную конкуренцию местному производству, что вызывает серьезную озабоченность властей ЮАР. В целом на тройку топ-партнеров ЮАР (ЕС, КНР и США) в 2015 г. приходилось более трети объема экспорта и более половины объема импорта страны. Усилились позиции в экспортно-импортных операциях ЮАР и азиатских стран (12.0% экспорта, 14.2% импорта).

Общую картину динамики внешней торговли (экспорта и импорта) дают рисунки 6.3 и 6.4. Из них видно, что ее подъемы/всплески 2008 г. и начала 2010-х

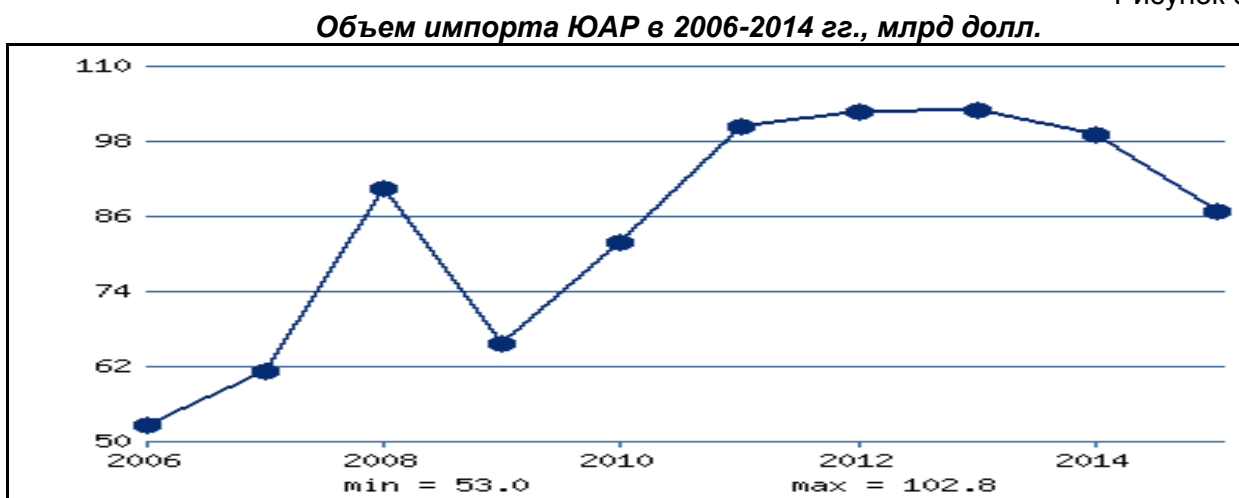
²¹³ В мировом рейтинге по показателю «Подключение к электрическим сетям» ЮАР занимает всего лишь 158-е место. См.: Юг Африки на современном этапе. Сборник статей. М.: Институт Африки РАН, 2016. С. 178.

годов сменяются последующим падением, и явная чрезмерность подобного рода цикличности отражает серьезную нестабильность внешнеэкономических факторов развития страны.

Рисунок 6.3

Рисунок 6.4

Источник для двух рисунков: Экономика ЮАР. URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=safrika>.

Замедление экономического роста и маргинализация значительной части населения страны побудили правящие круги ЮАР сделать ставку на реализацию новой модели модернизации хозяйственного комплекса. Стратегическими задачами признаны реиндустриализация – на базе частно-государственного партнерства – экономики ЮАР, способствующая переходу к экономике знаний, а также искоренение нищеты и сглаживание социального неравенства. Главными ориентирами Национального плана развития страны до 2030 г., принятого в 2012 г., становятся: достижение, как минимум, 5-процентного ежегодного роста ВВП, а также создание 5 млн рабочих мест к 2020 г. и 11 млн – к 2030 г.

Пока, однако, отсутствуют сколько-нибудь значимые предпосылки для осуществления этого плана. В условиях замедления экономического роста и возможного присуждения стране «мусорного» кредитного рейтинга министерство финансов пересматривает бюджет страны, чтобы поднять налоги и сократить бюджетные расходы. Предполагается также перенести строительство новых АЭС более чем на 10 лет – на 2037 г. Эти меры могут обеспечить краткосрочное улучшение макроэкономической ситуации, но в долгосрочной перспективе они

способны оказать серьезное негативное влияние на экономику и вызвать дальнейшее нарастание социальной напряженности, включая и обострение межрасовых отношений.

Следует отметить, что на протяжении всего постапартеидного периода в ЮАР сохраняются глубокие дисбалансы в социально-экономической сфере. Неприемлемо высоки уровень безработицы – 26.6% (среди молодежи – 53.7%)²¹⁴, а уровень бедности достигает, по данным национальной статистики, 53.8%. Наблюдается также разрыв в распределении доходов в обществе (коэффициент Джини равен 0.69) – один из самых высоких в мире. Не оправдал ожиданий курс южноафриканских властей на преодоление этих дисбалансов: этот курс включал меры по улучшению условий жизни самой бедной части африканцев²¹⁵ и проведение политики по наделению черного населения экономической властью²¹⁶. Более того, результаты реализации последнего направления этого курса оцениваются российскими исследователями резко отрицательно. Политика расового перераспределения ресурсов привела по существу к появлению прослойки черных миллионеров, небывалому расцвету коррупции, созданию клиентельно-патронажной системы, пронизывающей все общество, а, главное, был положен конец надеждам южноафриканцев на расовое примирение и создание единой нации²¹⁷.

О росте протестных настроений значительной части общества, недовольного социально-экономической политикой правительства, свидетельствовали: регулярные забастовки рабочих, жестко подавляемые полицией; усиление поддержки непризнанных профсоюзов; масштабные низовые протесты в неформальных поселениях и тауншипах крупных городов; студенческие волнения и т.п. На это недовольство указывают и результаты муниципальных выборов, проведенных в ЮАР в августе 2016 г. Правящая партия «Африканский национальный конгресс» (АНК) победила в целом по стране, но набрала менее 54% голосов, потеряв поддержку в четырех из девяти провинций страны. При этом АНК уступил оппозиции два крупных мегаполиса, включая столицу ЮАР Преторию. Так, либеральная южноафриканская партия «Демократический альянс» (ДА) получила поддержку примерно 27% избирателей, что позволило говорить об «историческом сдвиге» в предпочтениях избирателей. Немалую роль в снижении популярности АНК сыграли неутраченные скандалы коррупционного толка вокруг нынешнего президента Дж. Зумы, что вызывает растущее недовольство главой государства в рядах АНК и даже в его руководящем органе – Национальном исполнительном совете.

Тем не менее все попытки отстранить Дж. Зуму от власти провалились, потому что сохранение его на посту президента до выборов 2019 г. рассматривается

²¹⁴ Trading economics. URL: <http://ru.tradingeconomics.com/south-africa/indicators> (accessed 03.10.2016).

²¹⁵ За два постапартеидных десятилетия построены 3.1 млн домов, доступ населения к электроэнергии увеличился с 58 до 85%, а к водопроводной воде – с 61 до 74%. Число функционально неграмотных сократилось с 34 до 19%. С 2.4 млн человек до 16.1 млн увеличилось число получателей различных социальных пособий-грантов для самых малоимущих и обездоленных (детей и подростков, пенсионеров, инвалидов). На это уходило 10 млрд долл. ежегодно за счет экспортной выручки. См.: Скубко Ю.С. Научно-технический прогресс и экономический рост в ЮАР после апартеида / Юг Африки на современном этапе. Сборник статей. М.: Институт Африки РАН, 2016. С. 110.

²¹⁶ Официально объявленная цель этой политики – выровнять расовый баланс в экономике путем предоставления экономических преимуществ населению, подвергавшемуся гнету в период апартеида. Результатом этой политики в госсекторе стала замена всего руководящего состава и значительной части среднего звена на черных южноафриканцев, огромные потери бюджета, утрата квалифицированных кадров, особенно в муниципалитетах и сельских районах. См.: Филатова И.И. Там, где кончается радуга. Трансформация ЮАР / Юг Африки на современном этапе. С. 133-149.

²¹⁷ Там же.

как «меньшее зло» по сравнению с растущей социально-политической нестабильностью в стране. Не исключена, в частности, эскалация насилия в связи с принятым парламентом в 2016 г. законом об экспроприации сельскохозяйственных земель (половина их находится в руках белых) – «для общественных целей или в общественных интересах» без торга и по цене, предложенной государством. Уже убито 1200 белых фермеров и их работников. Вполне вероятно и усиление ксенофобских настроений, периодически выливающихся в массовые беспорядки в крупнейших городах ЮАР и погромы эмигрантов (из соседних африканских, а также азиатских стран), которых – на фоне роста безработицы – многие южноафриканцы обвиняют в том, что это они отнимают у местного населения рабочие места, хотя для подобных обвинений нет никаких оснований²¹⁸.

6.3. Региональное сотрудничество: возможности и пределы

В какой же степени Нигерия и ЮАР – эти наиболее значимые в экономическом и политическом отношении страны АЮС – определяют региональную политику? И в какой мере они заинтересованы во взаимодействии с соседними странами?

Западная Африка

Нигерия является региональным лидером. По ее инициативе и при ее поддержке более 40 лет назад было образовано первое интеграционное объединение – Экономическое сообщество стран Западной Африки (The Economic Community of West African States – ECOWAS)²¹⁹, объединяющее в настоящее время 15 стран с населением в 336 млн человек. Высший орган Сообщества – Конференция глав государств и правительств. ЭКОВАС имеет Парламент, Суд, Экономический и социальный совет, Банк ЭКОВАС по инвестициям и развитию (ECOWAS Bank for Investment and Development – EBID), комиссии (по торговле, таможенной политике и т. д.). Среди объявленных при создании организации основных целей – введение унифицированного паспорта, единой валюты «эко» и формирование Федерации западноафриканских государств. Бюджет Сообщества только на 20% финансируется странами-донорами, остальное добывается путем налогообложения импортируемых в регион товаров.

Опыт ЭКОВАС демонстрирует чрезвычайную сложность налаживания регионального сотрудничества стран с различным опытом исторического развития, с несопоставимыми природно-ресурсными, демографическими и экономическими потенциалами. Такие трудности возникают, в частности, между африканским гигантом – Нигерией и остальными членами Сообщества (от 27-миллионной Ганы до полумиллионного Кабо-Верде), имеющими маленькие внутренние рынки и слабую экономику. Мали, Буркина-Фасо и Нигер не имеют выхода к морю. Большинство западноафриканских государств квалифицируются как наименее развитые страны. Несмотря на бурный экономический рост в некоторых из них, доход на душу населения колеблется там от 420 до 814 долл. (2014 г.).

Франкофонные страны региона (Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того) и примкнувшая к ним лузофонная Гвинея-Бисау входят в Западноафриканский экономический и валютный союз (West African Economic and

²¹⁸ В 2012 г. южноафриканский Научно-исследовательский центр по изучению проблем миграции и рынка труда (MiWOCR) выяснил в своем исследовании, что 82% рабочих мест в ЮАР занимают местные жители, еще 14% – «местные мигранты», то есть граждане ЮАР, поменявшие ради работы место проживания в стране. Иностранные граждане занимают в ЮАР лишь 4% рабочих мест. Из этих иностранцев 79% являются чернокожими, 17% – белыми и 3% – азиатами.

²¹⁹ Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кот-д'Ивуар, Кабо-Верде, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того.

Monetary Union – WAEMU), «зону африканского франка» (КФА), чей обменный курс привязан к курсу евро и гарантируется казначейством Франции. В рамках Союза с 1996 г. действует режим беспошлинной торговли, не распространяющийся лишь на аграрную продукцию и авиатехнику. Бывшие французские колонии поддерживают тесные связи с Францией, которая оказывает им значительную финансовую помощь и военно-политическую поддержку. Все это, а также нежелание доминирующих в Союзе Кот-д'Ивуара и Сенегала иметь Нигерию в качестве регионального лидера объясняли длившееся до конца XX века упорное противодействие членов Союза попыткам углубления интеграционных процессов в рамках ЭКОВАС.

Не способствовала регионализации и постоянная внутривнутриполитическая нестабильность в западноафриканских странах – военные перевороты, затяжные и разрушительные гражданские войны 1990-х годов в Либерии и Сьерра-Леоне, экономическая деградация и т.п.²²⁰ В этих условиях, когда об эффективном экономическом сотрудничестве между странами не могло быть и речи, Нигерия пыталась объединить усилия членов Сообщества – и не без успеха – в сфере обеспечения безопасности и миротворчества. В 2010 г. наибольшая часть бюджета ЭКОВАС приходилась на реализацию проектов в сфере безопасности (20%). Тем не менее с начала 2000-х годов интеграционные процессы в регионе стали нарастать в условиях бурного экономического роста западноафриканских стран, их втягивания в глобализирующиеся мирохозяйственные связи и под влиянием активизации региональной интеграции в мировой экономике.

Темпы роста ВВП Сообщества, по данным Банка ЭКОВАС по инвестициям и развитию (ECOWAS Bank for Investment and Development, EBID), увеличились с 5.7% в 2013 г. до 6.7% в 2014 г.²²¹ В 2000-2014 гг. общий экспорт ЭКОВАС вырос почти на 260%. Основные товары Сообщества – нефть (75%), обеспечиваемая в основном Нигерией (почти на $\frac{3}{4}$), какао и продукты питания (5%), драгоценные камни (3%), а также хлопок, резина, пластмасса, древесина и изделия из нее, рыба и моллюски (по 1%). Доля Нигерии в общем экспорте Сообщества равна 77%, Кот-д'Ивуара – 10%, Ганы – 4%, Сенегала – 2%, Мали – 1.7%. Главными торговыми партнерами ЭКОВАС являются ЕС, США и азиатские страны, на которые приходится 23, 40 и 16% экспорта Сообщества соответственно. При этом доля внутривнутрирегионального экспорта составляет всего 8.3% от общего экспорта ЭКОВАС. Это показатель слабой заинтересованности в региональном рынке, в первую очередь со стороны Нигерии, о чем свидетельствует структура экспорта страны (см. табл. 6.1 выше). Похожая картина и у некоторых других западноафриканских стран, чей экспорт базировался на двух-трех товарах и был ориентирован на нерегиональных акторов – бывшие метрополии и азиатские государства. Так, 46% экспорта Ганы приходится на ЕС, 8% – на Китай и лишь 6% – на ЭКОВАС. В импорте Сообщества доминируют десять продуктов: топливо (22%), моторные масла, автомобили, тракторы, машинное оборудование, бойлеры, электроприборы, зерно, чугун и сталь, лекарства.

Произошли позитивные подвижки в инвестиционной и банковской сферах. Увеличился объем внутривнутрирегиональных прямых капиталовложений, при этом 36% инвестиций концентрируются в промышленности и секторе услуг. Быстро расширяется в регионе ареал деятельности панафриканских банков. Банковская группа Ecobank Transnational (штаб-квартира в Того), созданная в 1985 г. при финансовой поддержке ЭКОВАС, является ведущей в странах зоны франка и ЭКОВАС. Старейший нигерийский United Bank for Africa (UBA) имеет отделения в

²²⁰ Денисова Т.С. ЭКОВАС и проблемы регионального миротворчества // Азия и Африка сегодня. 2015. №9. С. 37-43.

²²¹ ECOWAS Bank for Investment and Development (EBID). URL: <http://www.bidcebid.org/en/apropos.php> (accessed 27.07.2016).

большинстве государств Западной Африки. Таким образом, наблюдается становление региональной финансовой инфраструктуры, которая играет растущую роль в стимулировании внутрирегиональной торговли и инвестиций.

После страшной засухи в Сахеле в начале 1970-х годов руководители государств Западной Африки признали сильную взаимозависимость региональных сельскохозяйственных и продовольственных рынков, сделав ставку на региональное сотрудничество в обеспечении национальной и региональной продовольственной безопасности. К тому же сельское хозяйство региона, на долю которого приходится 35% западноафриканского ВВП и 15.3% региональных экспортных поступлений, в частности, продуктов питания, является, по мнению международных экспертов, лучшим драйвером устойчивого и быстрого экономического роста.

Западная Африка – это очень разнообразный регион с точки зрения агро-климатических условий и сельскохозяйственного производственного потенциала, а также распределения уязвимых групп населения. В северных районах прибрежных стран и в странах Сахеля, не имеющих выхода к морю, продовольственная ситуация крайне нестабильная. Только около 4% от общей площади земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, орошается. Кроме того, быстрые темпы урбанизации в регионе привели к увеличению числа городской бедноты. Население в этом регионе, как ожидается, удвоится между 2010 и 2050 гг., что в сочетании с низким уровнем роста производительности труда может еще больше сократить ресурсную базу и снизить продовольственную безопасность.

Хроническое недоедание и ограниченная доступность продуктов питания – основные вызовы в сфере обеспечения продовольственной безопасности в Западной Африке. В сельском хозяйстве преобладают мелкие фермеры, имеющие крайне ограниченный доступ к новым сельскохозяйственным технологиям, информации и финансовым услугам. В результате западноафриканское сельское хозяйство особенно страдает от изменчивости погодных условий, снижения плодородия почвы и нашествия вредителей и болезней. Ожидается, что ситуация будет ухудшаться под влиянием глобальных изменений климата.

В 2002 г. ЭКОВАС инициировал разработку собственной аграрной политики (ECOWAS Agricultural Policy, ECOWAP)²²², которая слилась затем с Комплексной программой развития сельского хозяйства в Африке (CAADP, 2003 г.) и была официально принята главами государств и правительств ЭКОВАС в 2005 г. Были поставлены три ключевые задачи:

1) достижение продовольственного суверенитета путем увеличения производительности и конкурентоспособности западноафриканского сельского хозяйства, с приоритетной установкой на развитие двух цепочек создания стоимости, а именно производство риса и продуктов животноводства. Эти цепочки включали и импортозамещение, и продвижение/защиту зарождающейся промышленности, что совпадало с интересами и позициями сильного и во многом протекционистского нигерийского частного сектора;

2) создание зоны свободной торговли для формирования регионального рынка сельскохозяйственной продукции и услуг;

3) принятие общих внешних тарифов.

Но только в 2008 г., после резкого скачка мировых цен на продовольствие началась разработка национальных планов. Ключевую роль в этом сыграла Комиссия ЭКОВАС по сельскому хозяйству, окружающей среде и водным ресурсам, которая предоставила каждой стране на эти цели по 450 тыс. долл. Комиссия

²²² Haggblade S., Staatz J. et al. Regional dimensions of South Africa's CAADP process: Lessons from West Africa // African Journal of Agricultural and Resource Economics. 2015. Vol. 10, №1 (March). P. 32-50. URL: <http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/200599/2/3%20%20Haggblade%20et%20al.pdf> (accessed 28.07.2016).

проводила обучающие семинары, обеспечивала техническую поддержку и т.п. В 2009 г. было подписано региональное соглашение.

Однако реализация программы продемонстрировала конфликт интересов между странами, который был обусловлен различиями в уровне и направленности развития агропромышленного сектора. Нигерия сделала ставку на стимулирование собственного производства риса (поскольку оно обеспечивает лишь около половины внутреннего потребления), а не на производственно-сбытовые цепочки в сфере животноводства, на чем настаивали страны-члены Западноафриканского экономического и валютного союза (WAEMU) и международные эксперты. Нигерия выступала и за введение 50-процентного тарифа на импорт риса, тогда как Сьерра-Леоне и Сенегал, в значительной степени зависящие от импорта риса, настаивали на гораздо более низких тарифах. В конце концов согласились на 10-процентный тариф, который действовал в WAEMU. Там максимальная тарифная ставка составляла 20%, а в ЭКОВАС она достигала 35% на импорт животноводческой продукции – для защиты, в частности, птицеводческой отрасли в Нигерии и Гане.

В то же время осуществление программы в основном зависит от внешнего финансирования, что может подорвать возможность принятия и реализации самостоятельных решений национальными и региональными игроками. Так, ЭКОВАС может гарантировать финансирование только 17% ECOWAP из собственных средств, и ни одна страна Сообщества не согласилась финансировать более 40% своей национальной программы за счет внутренних ресурсов.

Инновационным элементом в предлагаемом ECOWAP региональном плане является решение о региональном софинансировании ключевых инвестиций (например, в развитие снабженческо-сбытовых цепочек, субсидий на удобрения и т.п.) как условия региональной унификации в этих областях. Будущее покажет, удастся ли таким способом преодолеть конфликты интересов, которые традиционно сдерживали региональную торговлю. В целом же, Нигерия играет и будет играть ключевую роль в определении перспектив регионального развития сельского хозяйства, а также регионального сотрудничества в агросфере.

В 2010-е годы в Западной Африке развернулось инфраструктурное строительство, в котором выделяются следующие крупные инициативы:

- Транспортный (железнодорожный) коридор «Лагос–Дакар» и флагманский проект «Абиджан–Лагос, содействие торговле и транспорту» (The Abidjan-Lagos Trade and Transport Facilitation Project, ALTTFP). Последний должен стать инструментом региональной интеграции и коридором развития для прилегающих территорий с населением в 35 млн человек – жителей Кот-д'Ивуара, Ганы, Того, Бенина и Нигерии. Мировой банк выделил в 2010 г. 258 млн долл. на первую фазу реализации проекта. Однако существенного прогресса на данном направлении пока не наблюдается.

- Транснациональная автомобильная магистраль от Лагоса (Нигерия) до Нуакшота (Мавритания), где работы ведутся при финансовой поддержке Всемирного банка, Евросоюза, ряда западных государств и Китая.

- Программа «Западноафриканского энергетического пула», предусматривающая строительство новых электростанций и линий электропередачи. Действует соглашение между Ганой, Того, Бенином и Кот-д'Ивуаром о продаже электроэнергии третьим странам.

- Строительство автомобильной дороги (403 км) между городами Энугу (Нигерия) и Баменда (Камерун) (Nigeria-Cameroon Multinational Highway) – небольшого участка Трансафриканской автотрассы (Trans-Africa Highway) длиной в 6300 км. Она должна пройти по территории шести стран (Нигерии, Камеруна, Центральноафриканской Республики, Демократической Республики Конго, Уганды и

Кении) и соединить Лагос – крупнейший нигерийский деловой центр и порт на Гвинейском заливе, с Момбасой – кенийским портом на побережье Индийского океана. Амбициозный проект, задуманный еще три десятилетия назад, трудно выполним не только по причинам нехватки средств, недостатка политической воли лидеров и т.п., но и потому что автотрасса проходит по территории государств так называемой «дуги нестабильности».

Есть примеры регионального сотрудничества в газовой сфере, в том числе газопровод West African Gas Pipeline (WAGP), по которому нигерийский газ поступает в Бенин, Того и Гану. Возможно его продление до Кот-д'Ивуара. В стратегии развития газового сектора необходимо находить пути и возможности его интеграции во внутреннюю и региональную экономику. Надо учитывать рост населения и внутреннего рынка стран Африки, что требует все большего применения природного газа для удовлетворения энергетических потребностей, а не только расширения его торговли с целью получения экспортных доходов.

В январе 2015 г. началось применение общего внешнего тарифа (Common External Tariff) ЭКОВАС, который в дополнение к свободной торговле внутри Сообщества обеспечивает единую торговую политику в отношении третьих стран и является очередным шагом к созданию таможенного союза. Его действие рассчитано на пять лет. Его уже применяют 10 стран – Нигерия, Гана, Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея-Бисау, Мали, Нигер, Сенегал и Того. В Либерии, Сьерра-Леоне и Гвинее была эпидемия Эболы, что задержало принятие ими тарифа. Обеспечить эффективное осуществление общего внешнего тарифа во всех государствах-членах ЭКОВАС надеялись с 1 января 2017 г.

ЭКОВАС добился наибольших успехов – среди всех РЭС – в сфере управления миграцией. В 2016 г. были введены единые проездные документы, а именно биометрические удостоверения личности. Практика покажет, насколько эти меры стали действенным инструментом региональной интеграции. Что касается Нигерии, то ее главными приоритетами в региональной политике являются обеспечение безопасности в политической и продовольственной сферах, а также решение миграционных проблем.

Южно-Африканский регион

В структурном отношении аналогично западному, самое крупное интеграционное объединение Южно-Африканского региона – Сообщество развития Юга Африки (Southern African Development Community – SADC, САДК), которое включает в свой состав Южноафриканский таможенный союз (Southern African Customs Union, SACU, САКУ). В то же время само Сообщество (САДК), объединяющее 15 стран с населением 248 млн человек (данные 2013 г.), входит в Трехстороннюю зону свободной торговли (Tripartite Free Trade Area – TFTA). К факторам, которые осложняют регионализацию и в Западной Африке (различный опыт исторического развития, несопоставимые природно-ресурсные, демографические и экономические потенциалы), надо добавить тяжелейшее наследие десятилетий конфликтных отношений между независимыми африканскими государствами и тогдашним Южноафриканским Союзом с его системой апартеида. Именно из желания помочь странам-членам САДК преодолеть это наследие, развитые страны и ЕС активно содействовали становлению Сообщества. Они и поныне обеспечивают финансирование 79% его бюджета, принимали самое активное участие в формировании стратегии и приоритетов САДК. Это ясно просматривается в Региональном индикативном стратегическом плане развития (Regional Indicative Strategic Development Plan, RISDP), принятом участниками САДК в 2003 г. на 15-летний период. RISDP предусматривал, фактически копируя модель

европейской интеграции, следующие этапы регионализации: создание зоны свободной торговли (2008 г.), таможенного союза (2010 г.), общего рынка (2015 г.), валютного союза (2016 г.), введение единой валюты и преобразование САДК в экономический союз к 2018 г. Однако этот план не учитывал реалии региона Южной Африки, и потому в его реализации начались сбои.

В 2015 г. на саммите глав государств-членов САДК подписано соглашение об образовании общего рынка, но формирование таможенного союза и выполнение остальных стратегических целей RISDP отложено. Реализацию плана продлили еще на пять лет (RISDP 2015-2020), включив в него Стратегию индустриализации САДК (SADC Industrialisation Strategy) как важнейшее направление развития Сообщества. И, по всей видимости, сроки эти не являются окончательными.

Экономика ЮАР, будучи самой мощной и диверсифицированной, а также наиболее интегрированной в мировое хозяйство, несомненно, доминирует в Сообществе. На ЮАР приходится 61% ВВП САДК и более 60% всех прямых иностранных инвестиций в Мозамбике, Ботсване, Свазиленде, Лесото, Малави, Демократической Республике Конго. В рамках политики ЮАР по укреплению сотрудничества между странами-членами САДК государственные предприятия ЮАР также стали инвестировать средства в региональную инфраструктуру. В то же время страны САДК мало привлекают ЮАР как торговые партнеры. Высокодиверсифицированная экономика ЮАР контрастирует со слаборазвитыми монокультурными экономиками малых стран. Так, Ботсвана и Намибия опираются на горнодобывающую промышленность (алмазы и другие минералы), Лесото производит текстиль и одежду, главным экспортным товаром Свазиленда являются сигары и т.д. К тому же все эти страны, включая и ЮАР, являются участниками САКУ и входят, за исключением Ботсваны, в общую валютную зону южноафриканского ранда. На Намибию, Мозамбик, Замбию и Зимбабве, хотя и вошедшими в десятку ведущих партнеров ЮАР по экспорту в 2015 г., приходилось лишь 13.3% ее экспорта (см. табл. 6.2 выше). Но и торговля других стран САДК ориентирована, главным образом, на нерегиональных партнеров. В целом внутрирегиональный торговый экспорт в нулевые годы составлял всего лишь 10% общего объема экспорта САДК, что свидетельствовало о низком уровне региональной интеграции.

ЮАР занимает приоритетные позиции в региональном производстве зерновых. Высококонкурентный аграрный сектор делает эту страну житницей для ряда других участниц САДК. Так, излишки кукурузы, являющейся важнейшим продуктом в продовольственной корзине жителей региона, периодически, особенно в периоды плохих урожаев, покрывают дефицит этого вида зерновых на рынках стран САКУ, а также Зимбабве, Малави, южного Мозамбика и восточной части Демократической Республики Конго. ЮАР – самый крупный экспортер кукурузы в Восточной и Южной Африке. Частный агробизнес активно продвигает инвестиции и торговлю в страны САДК. Среди ключевых игроков – агрохолдинги по производству кормов, семян и удобрений, сети супермаркетов. Одновременно южноафриканские хлопкоочистительные заводы зависят от импорта хлопка из стран САДК. В 2013 г. на них, в первую очередь на Замбию и Зимбабве, пришлось 43.3% всего потребленного в ЮАР хлопка-волокна. Развитию этой отрасли в регионе способствовала отмена с 2004 г. пошлин на импорт хлопка²²³.

Прослеживается четкая коммерческая заинтересованность частных агропредприятий ЮАР в расширении региональной торговли и региональных сельскохозяйственных рынков – в отличие от ЭКОВАС, где драйвером в этой сфере являются госпредприятия Нигерии и других западноафриканских государств. В то же

²²³ Хаматшин А.Д. Сельское хозяйство ЮАР: тенденции развития // Азия и Африка сегодня. 2016. №2. С. 39.

время южноафриканский государственный сектор может опираться на сильную поддержку частного агробизнеса в определении направленности государственных инвестиций, моделировании взаимовыгодных трансфертов технологий и ресурсов в целях обеспечения региональной продовольственной безопасности. Именно на эти цели был ориентирован завершённый в 2014 г. пятилетний Инвестиционный план по реализации региональной аграрной политики САДК. План также был сфокусирован на снижении социальной и экономической уязвимости населения региона за счёт повышения устойчивости сельскохозяйственного производства в изменяющихся социально-экономических и климатических условиях (частые продолжительные засухи). Он предполагал также поддержку и стимулирование агропроизводства с целью увеличения вклада сектора в индустриализацию стран САДК.

Индустриализация – главная тема саммитов САДК в 2014-2016 гг. Разработка стратегий индустриализации опиралась, в частности, на результаты исследований, которые показали большой потенциал горнодобывающей и фармацевтической промышленности для развития производственно-сбытовых цепочек создания стоимости на национальном, региональном и глобальном уровнях. На последнем саммите, посвящённом мобилизации ресурсов для инвестиций в энергетику, был достигнут значительный прогресс в завершении многолетнего обсуждения вопроса о работе Регионального Фонда развития САДК (SADC Regional Development Fund, RDF, РДФ), который будет поддерживать региональные проекты по развитию инфраструктуры и промышленности.

Однако ЮАР, на словах горячо поддерживавшая индустриализацию на фоне очевидного дисбаланса в региональном развитии индустриального сектора и будучи наиболее промышленно развитой страной в САДК, не стала главным промоутером региональной индустриализации. Это не отвечает интересам ЮАР, учитывая тенденции деиндустриализации в её экономике. ЮАР всячески стремится не допустить сужения пространства для манёвра в этом секторе и усилить своё экономическое доминирование в регионе.

Внутренние дисбалансы в социально-экономическом развитии ЮАР сказываются на развитии других секторов региональной экономики. Высокий уровень безработицы и давление профсоюзов, позиции которых в ряде отраслей хозяйства явно противоречили целям создания единого рынка, вынуждали правительство вводить различные дискриминационные меры, например, нетарифные барьеры для защиты определенных отраслей экономики ЮАР. Профсоюзы выступали, в частности, против импорта дешёвых промтоваров (например, одежды и текстиля) из стран региона.

Рост в ЮАР ксенофобских настроений, которые умело разжигаются властями, стремящимися свалить на мигрантов свои провалы в экономике и социальном развитии – один из сдерживающих факторов миграционных процессов в регионе.

В отличие от Нигерии ЮАР определяет в качестве одного из главных компонентов своей региональной стратегии создание коридоров развития. Среди наиболее перспективных объектов можно выделить следующие:

- *Коридор развития Мапуту*, который связывает провинцию Гаутенг в ЮАР с портом Мапуту в Мозамбике. Начав действовать в 1996 г., он улучшил инфраструктуру 500 км шоссейных и железных дорог и упростил регуляторные правила пересечения границ.

- Созданная в 2000 г. *Группа по транспортным коридорам Уолфиш-Бей*, ставшая задачей превратить к 2017 г. этот намибийский порт на западном побережье Южной Африки в региональный центр логистики на базе расширения мощностей порта и развития сопутствующей инфраструктуры. Трансграничный мультимодальный транспортный коридор должен обеспечить интенсификацию

взаимной торговли семи стран САДК – Намибии, Анголы, Демократической Республики Конго, Замбии, Ботсваны, Зимбабве и ЮАР и их торговых связей со странами дальнего зарубежья. Предпочтительным внешним инвестором в плане осуществления инфраструктурных проектов является АфРБ.

- *Транскалахарский коридор*, который соединяет Намибию с южными районами Ботсваны и с ЮАР калахарской автомагистралью, а дальше, по коридору Мапуту – с Мозамбиком. В целях ускорения транзитных перевозок введены упрощенные таможенные процедуры, согласованы пределы допустимой осевой нагрузки и часы работы пунктов пересечения границ.

- *Дар-эс-Саламский транспортный коридор* обеспечивает связь внутриконтинентальных стран – Малави, Замбии и Демократической Республики Конго с танзанийским портом Дар-эс-Саламом.

Пока, однако, эти коридоры не приобрели комплексного характера, о котором говорили эксперты ЮНКТАД. Более того, они вызывают серьезную озабоченность местного бизнеса. Например, Мапутский коридор открыл промышленный сектор Южной Африки для более конкурентоспособных иностранных фирм без адекватной подготовки региональных предприятий.

* * *

Итак, западный и южный регионы Субсахарской Африки служат ярким примером «ведомых» регионов: их «отличает слабая внутренняя связанность, сильная внешнеэкономическая ориентация и зависимость от внерегиональных ресурсов и партнеров»²²⁴. Нигерия и ЮАР обеспечивают от 3/4 до 2/3 совокупного дохода ЭКОВАС и САДК, соответственно, но при этом во внутрирегиональной торговле занимают маргинальные позиции. Основными торговыми партнерами Нигерии и ЮАР выступают заинтересованные в их природных ресурсах ЕС, США, Китай. Экспортная ориентация на глобальные рынки характерна и для других государств-членов ЭКОВАС и САДК, что, главным образом, и обуславливает низкий уровень региональной интеграции в западной и южной частях Субсахарской Африки.

В десятилетия влияние внешних акторов на интеграционные процессы серьезно возросло, и данная проблема резко актуализировалась. Это позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что названные акторы фактически стали их важными и интегральными субъектами. На это указывают решающая роль стран-доноров, международных финансовых институтов и других внешних партнеров в финансировании и реализации приоритетных инфраструктурных проектов, в частности коридоров развития в ЭКОВАС и САДК, а также заключение соглашений о Стратегическом партнерстве между ЕС и САДК. Нигерия и ЮАР играют ключевую роль в определении и формировании отдельных направлений региональной политики, стимулируя или блокируя принятие тех или иных решений в зависимости от национальных интересов (в понимании лидеров) и/или руководствуясь стремлением сохранить свои лидирующие позиции.

Расширяются ряды адептов концепции регионализма, ориентированного на развитие, а также несколько ускорилась динамика интеграционных процессов в регионах, растет их влияние на экономику регионов. Тем не менее на нынешнем этапе регионализации ЭКОВАС и САДК не способны выступать в качестве ключевого инструмента – и компонента – социально-экономической трансформации своих регионов, в том числе преодоления дисбалансов в развитии стран-лидеров. А вот в сфере обеспечения мира и безопасности в регионе роль интеграционных объединений усиливается.

²²⁴ Зевин Л. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // МЭиМО. 2016. №8. С. 30.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И МЕСТО В НИХ КАЗАХСТАНА

Характеристика региона и специфика его трансформации

Постсоветская Центральная Азия (ЦА) занимает обширную (около 4 млн кв. км) территорию. Однако географические особенности региона – внутриконтинентальная замкнутость и отсутствие выхода к океану, гористый ландшафт, труднопроходимые пустыни и полупустыни и пр. – создают весомые препятствия для широкой международной экономической и политической активности центральноазиатских стран, стремящихся расширять торгово-экономическое сотрудничество с внешним миром, диверсифицировать маршруты экспорта и импорта своей продукции.

Население региона, насчитывавшее в 2016 г. в совокупности около 70 млн человек, не столь значительно по мировым меркам (в Южной Азии, к примеру – почти 2 млрд жителей). Согласно прогнозным расчетам международной организации Population Reference Bureau, население ЦА может достичь к 2030 г. 82-миллионной отметки, а к 2050 г. – 96-миллионной²²⁵. При этом темпы роста населения будут неодинаковы в разных странах ЦА (см. табл. 7.1).

Таблица 7.1

Прогнозируемая динамика роста населения в ЦА (по странам)

Страны	2016 г. (млн)	2030 г. (млн)	2050 г. (млн)
Казахстан	17.8	20.5	24.7
Кыргызстан	6.1	8.2	11.6
Таджикистан	8.6	11.1	14.2
Туркменистан	5.4	6.2	6.6
Узбекистан	31.9	36.2	39.0

Источник: 2016 World population data sheet. Washington: Population reference bureau, 2016. P. 12. URL: <http://www.prb.org/pdf16/prb-wpds2016-web-2016.pdf> (accessed 10.10.2016).

Приведенные данные говорят о том, что рост населения затронет в основном только два центральноазиатских государства – Таджикистан и Кыргызстан, где число жителей увеличится вдвое. В остальных странах региона население будет расти более медленными темпами.

Центральная Азия обладает богатыми запасами сырья (нефть, газ, золото, медь, алюминий, уран и пр.). Поскольку экспорт нефти и газа составляет в разных странах региона от 30 до 40% от общего объема, то доходы от продажи этих углеводородов формируют значительную часть бюджетных поступлений стран-экспортеров (Казахстана, Узбекистана, Туркменистана), обеспечивая там основные ресурсы для инвестиций и развития.

Став с 21 декабря 1991 г. полноправными участниками образованного на месте распущенного СССР Содружества Независимых Государств (СНГ) и вступив в полосу транзита²²⁶, новые независимые страны ЦА не замкнули свои интересы на этой объединяющей бывшие советские республики структуре. Они стали искать

²²⁵ 2016 World population data sheet. Washington: Population Reference Bureau, 2016. P. 12. URL: <http://www.prb.org/pdf16/prb-wpds2016-web-2016.pdf> (accessed 10.10.2016).

²²⁶ Его трактуют обычно как переход бывших советских республик в качественно новое состояние, главными компонентами которого становятся кардинальное реформирование экономической сферы (внедрение рыночных методов вместо централизованного хозяйствования и пр.) и реконструкция политической системы по образцу западной модели демократии.

другие варианты сотрудничества, как на субрегиональном уровне, так и по линии создания разного рода группировок вместе с сопредельными азиатскими странами. Всю первую половину 1990-х годов центральноазиатские республики как бы прикидывали на себя турецкую, китайскую, корейскую и иные модели. Одновременно страны региона постепенно вырабатывали собственные экономические и политические приоритеты, вели поиски новых партнеров и союзников.

По основным своим параметрам экономические структуры стран ЦА в целом схожи, но вот векторы их экономического и политического развития различаются. Одни страны (Кыргызстан, Казахстан) идентифицируют себя как приверженцы либеральных демократических ценностей и рыночной экономики. В Туркменистане и Узбекистане, где политические процессы, включая сюда и партийное строительство, полностью контролируются президентами и правительствами и где проведение тех или иных преобразований есть исключительное право государственных органов и должностных лиц, демократические идеи не стали актуальными на уровне практической политики, в то время как бизнес и экономическая сфера жестко контролируются государством. Таджикистан занимает промежуточное положение между этими двумя типами развития, однако в последние годы авторитарные тенденции берут в этой республике верх, в том числе и в силу необходимости внутригосударственной консолидации для поддержания безопасности в условиях сохраняющихся радикально-экстремистских угроз извне (главным образом, со стороны соседнего Афганистана, где обстановка остается непредсказуемой).

В целом политические системы всех центральноазиатских государств при внешнем сохранении институтов и процедур плюралистического общества представляют собой почти законченную модель управляемой, или иначе – имитационной демократии²²⁷. Такая форма правления, с точки зрения правящих элит, наилучшим образом позволяет поддерживать мир и социальную стабильность, не допускать развития межконфессиональных и межнациональных конфликтов. К тому же реальная, а не витринная демократизация политической жизни стран ЦА – достаточно опасный для местных правящих господствующих групп и плохо предсказуемый процесс. Ведь он предусматривает возможность поражения на выборах, последствия которого существенно отличаются от европейских: смена власти в азиатских государствах, как правило, влечет за собой не цивилизованный уход в оппозицию, а масштабный передел сфер влияния в области экономики и политики.

Ведущаяся в государствах ЦА борьба между властью и оппозицией – это лишь видимый постороннему глазу процесс. В действительности же здесь, в отличие от привычного западной цивилизации партийно-политического фактора, намного сильнее воздействуют как на экономику, так и на политику региональные, клановые, земляческие, родовые объединения, существующие неформально в отличие от партийно-политических. Социальная специфика, политическая культура, да и история народов региона заранее обрекают любую «бархатную» (то есть ненасильственную) революцию на перерастание в кровавую междоусобицу, что и продемонстрировали две «революции» (2005 г. и 2010 г.) в Кыргызстане. Если же взять более раннюю историю – межтаджикский конфликт, то и он, начавшись с относительно мирного противостояния в Душанбе двух площадей, на которых собирались политические соперники, закончился в конечном итоге большой кровью. Воспоминание о той трагедии, возможно, и побуждают власти и народы ЦА к

²²⁷ См. подробнее: Малышева Д. Демократизация постсоветского Востока: модели и реалии // МЭиМО. 2004. №6. С. 85-94.

большей осмотрительности, ибо любое резкое движение способно привести здесь к дестабилизации.

И все же путь «имитационной демократии», служа в ЦА оправданием для поддержания стабильности, не становится панацеей для решения многих взрывоопасных проблем и противоречий. В их числе: слабость государственных институтов и отсутствие надежных механизмов передачи власти; экономическая зависимость государств от одного-двух экспортных товаров; уязвимость инфраструктуры; высокий уровень бедности во многих районах ЦА; незанятость молодого и быстро растущего населения, имеющего ограниченные перспективы в сфере образования, трудоустройства и здравоохранения; неурегулированные пограничные споры; этническая чересполосица; отсутствие общепризнанных границ; дефицит земельных и водных ресурсов.

Имеет место в Центральной Азии и проблема «демографического давления»²²⁸, приводящая к активизации миграционных потоков и делающая актуальным вопрос продовольственной безопасности, решаемый в регионе недостаточно эффективно. Ведь основная масса жителей сельской местности занята низкопроизводительным трудом, и она постоянно пополняет собой, вследствие неразвитых национальных экономик и отсутствия глобальной инициативы, армию бедняков. Серьезные проблемы для всех стран ЦА создает рост мегаполисов, что осложняет возникновение новых рабочих мест, которые обеспечивали бы занятость. Рост городского населения приводит к изменению структуры питания и землепользования, что потенциально чревато серьезнейшими последствиями, а распространение в городской и сельской среде нищеты и неравенства становится источником социальной и политической нестабильности.

Дисбалансы рождает и идущее в ЦА полным ходом «энергоразмежевание», вызванное соперничеством стран из-за водных и энергетических ресурсов. Издавна существовавшие в Центральной Азии разногласия из-за воды, приглушенные во времена Советского Союза, в период независимого развития резко обострились. Напряженность, в частности, связана с планами возведения Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане на трансграничных водных артериях Амударьи и Сырдарьи. Эти проекты противоречат интересам Узбекистана и Туркменистана, которых объединяют общие проблемы – нехватка воды и опасение, что в результате строительства этих ГЭС поступление воды уменьшится. Однако же и испытывающие дефицит электроэнергии Кыргызстан с Таджикистаном нуждаются в дополнительных энерго мощностях. Таким образом, между центральноазиатскими государствами расхождения существуют не только по вопросу использования водных ресурсов, но и путям достижения энергетической независимости.

Все страны ЦА пережили болезненный переход к рыночной экономике, сопровождавшийся значительным экономическим спадом и ростом бедности. Однако с начала 2000-х годов в ряде стран региона, особенно тех, что являлись экспортерами углеводородов, наблюдался экономический рост. Это было связано со значительным повышением международных цен на энергоресурсы и металлы, составляющими основное богатство ЦА. Высокие цены на ресурсы привлекли большой объем прямых иностранных инвестиций в нефтегазодобывающую промышленность и транспортную инфраструктуру ЦА, и по объемам прямых капиталовложений таким богатым энергоресурсами странам, как Казахстан и Туркменистан, удалось войти в число ведущих стран Азии, что оказало

²²⁸ Проблема «демографического давления» в Центральной Азии требует интеграции // Литер. 13.07.2010. URL: http://www.liter.kz/index2.php?option=com_content&task=view&id=2900&pop=1&page=0&Itemid=2 (дата обращения: 14.07.2010).

благоприятное воздействие на развитие их экспортной сферы²²⁹. Но и Кыргызстан с Таджикистаном, обладающие куда меньшими углеводородными богатствами, также выиграли от роста цен на энергоносители: увеличились объемы денежных переводов от их трудовых мигрантов, отправившихся на работу в страны-экспортеры нефти – Россию и Казахстан. Таджикистан и Кыргызская Республика вошли в первую десятку стран мира по показателю доли денежных переводов мигрантов в стоимости ВВП. В 2014 г. денежные переводы составили 42% ВВП Таджикистана и 30% Кыргызстана²³⁰. Позже на лидирующие позиции по отправке денежных переводов физических лиц выбился Узбекистан.

Ухудшение внешнеэкономических условий в 2015-2016 гг. оказало негативное влияние на итоговые показатели экономического роста большинства центральноазиатских государств. Основным фактором стало снижение мировых цен на сырьевые товары (в 2015 г. падение цены на нефть марки Brent составило по сравнению с 2014 г. 47%²³¹). Данный негативный фактор был усугублен введением Западом, начиная с 2014 г., режима санкций против России – крупнейшего торгово-экономического партнера центральноазиатских стран и реципиента трудовой миграции из Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. Этот фактор – на фоне повсеместного провала институциональных реформ в странах ЦА и незавершившегося мирового финансово-экономического кризиса – только обострил латентные дисбалансы региона. Преодолеть существующие негативные тенденции могла бы в ЦА углубленная региональная интеграция, становление и развитие которой сопряжено в регионе с немалыми трудностями.

Региональные интеграционные проекты в ЦА: цели и упущенные возможности

Внутренние связи между государствами ЦА не приобрели еще устойчивого характера, не создали прочной основы для такого внутреннего единства, которое позволило бы безоговорочно считать ЦА политическим и интеграционным целым. Наиболее наглядно это видно из географии внешней торговли. Несмотря на весьма приближенные оценки по Туркменистану, Узбекистану и Таджикистану (что демонстрируют даже данные ВТО), бросается в глаза ориентация внешних товарных потоков стран за пределы ЦА, прежде всего на крупнейшую страну СНГ – Россию, а также Китай и другие азиатские страны, в меньшей степени ЕС-28 и Швейцарию (см. табл. 7.2). В этом кроется в известной мере одна из причин пробуксовки в регионе многих интеграционных проектов.

К этому можно добавить, что все процессы региональной интеграции в ЦА подчинены логике развития постсоветского пространства, а именно – заложенной в основание СНГ идеологии «цивилизованного развода», которая изначально стала объективным тормозом интеграционных объединений. Препятствовал интеграции и фактически не прерывавшийся с 1990-х годов курс на преимущественное развитие отношений всех новых независимых государств с Западом. Неудачи интеграции были обусловлены и тем, что национальные элиты постсоветских государств на передний план выдвигали задачу упрочения обретенного суверенитета, а почти тотальный государственный контроль над экономикой шел иногда даже в ущерб чисто экономической целесообразности. Это вело к сращиванию власти и капитала,

²²⁹ Связи Центральной Азии с глобальными экономическими центрами. Исследование Института Азиатского банка развития, 2015. (Пер. с англ.). С. XV.

²³⁰ Ивахнюк И. Центральная Азия: миграция как ресурс развития // РСМД [сайт]. 17.11.2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6864#top-content (дата обращения: 27.06.2016).

²³¹ Евразийский банк развития. Годовой отчет 2015. С. 10 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eabr.org/general/upload/docs/investors/YR_2015_web.pdf (дата обращения: 08.10.2016).

а такой симбиоз, в свою очередь, плохо поддавался процессам экономического объединения. Поддерживая объединительные идеи на словах, все руководители постсоветских стран на практике с настороженностью относились (и продолжают относиться) к интеграционным инициативам, исходящим от более сильной России. Вне зависимости от побудительных мотивов, которыми Россия руководствуется, такого рода объединительные планы и устремления негласно воспринимаются в других постсоветских государствах как покушение на бизнес-интересы правящих господствующих групп (властных элит, «семей», кланов и т.п.) и безграничные властные полномочия авторитарных в большинстве случаев правителей.

Таблица 7.2

География внешней торговли товарами стран ЦА в 2015-2016 гг.

Страны	Экспорт в 2015 г. (млрд долл.)	Внешний товарооборот в 2015 г. (млрд долл.)	Экспорт в 2016 г. (млрд долл.)	Внешний товарооборот в 2016 г. (млрд долл.)	Доля России в 2016 г., %	Четыре ведущих партнера
Казахстан	45.96	76.52	36.78	61.95	21.0	1) ЕС-28 2) Россия 3) Китай 4) Швейцария
Узбекистан	12.87	25.10	11.10	22.00	около 12	1) Россия 2) Китай 3) ЕС-28 4) Респ. Корея
Туркменистан	14.00	22.00	11.00	18.00	около 5	1) Китай 2) Турция 3) Иран 4) ЕС-28
Кыргызстан	1.47	5.54	1.55	5.46	21.9	1) Китай 2) Россия 3) Казахстан 4) Швейцария
Таджикистан	891	4.33	900	3.93	около 18	1) Россия 2) Китай 3) Казахстан 4) Турция

Расчеты авторов на основе: Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран. URL: <http://www.customs.ru>; World Trade Statistical Review 2017. P. 149, 153. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2017_e/wts2017_e.pdf; Trade Profiles 2017. P. 188, 198. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles17_e.pdf; В 2016 году Узбекистан экспортировал продукцию на \$11.1 млрд. URL: <https://regnum.ru/news/2103587.html>; Внешнеторговый оборот Узбекистана сократился в 2015 году на 10%. URL: http://news.uzreport.uz/news_4_r_151624.html; Внешнеторговый оборот Таджикистана за два года сократился на 1.3 миллиард долларов. URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20170124/vneshnetorgovii-oborot-tadzhikistana-sokratilsya-na-13-milliardov-dollarov>; Определены основные партнеры Туркменистана по увеличению торгового оборота. URL: <http://www.turkmenbusiness.org/news/opredeleny-osnovnye-partnery-turkmenistana-po-uvelicheniyu-torgovogo-oborota>; International Trade in Goods – Detailed Information. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>; Import / Export by Country. URL: <http://www.customs.go.kr/kcshome/trade/TradeCountryList.do?layoutMenuNo=21031> (дата обращения ко всем материалам: 10.07.2017).

И все же запрос в ЦА на интеграцию существует. Он изначально диктовался необходимостью решения на региональной основе водно-энергетических проблем, вопросов пограничного и таможенного контроля. В ЦА пытались создать проекты интеграции – Центральноеазиатский союз (1994-1998 гг.), Центральноеазиатское

экономическое сообщество (1998-2001 гг.), Организацию Центральноазиатского сотрудничества (2002-2005 гг.). Но все они, ставя задачу сформировать в пределах одной лишь ЦА единое экономическое пространство (создать зону свободной торговли, таможенный, валютный, платежный союзы и др.), в итоге распались, так и не достигнув поставленных целей. Параллельно с этим поиски новых механизмов экономической и политической интеграции велись в рамках запущенного с 2000 г. в Астане Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС).

Эта международная экономическая организация, наделенная функцией формирования общих внешних таможенных границ входящих в нее государств (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан) и выработки единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и др., сумела сдвинуть с мертвой точки идею формирования в пределах постсоветского пространства общего рынка. Учитывался и опыт имевшихся в мире относительно успешных примеров интеграции. Это – Европейский Союз (ЕС), Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Достигнутая этими интеграционными объединениями интенсификация торгово-экономических контактов оказала позитивное влияние на всю международно-политическую ситуацию в отдельно взятых регионах или на континентах, привела к расширению зон стабильности и многократно уменьшила риски возникновения внутренних конфликтов. Данный опыт стал актуальным и для постсоветских республик, объединенных во многом еще взаимосвязанным географическим, экономическим и социокультурным пространством.

В сравнении с участниками других интеграционных объединений (Евросоюз или АСЕАН) постсоветские республики обладали преимущественными стартовыми возможностями: они в течение длительного исторического периода находились в едином государстве, что могло бы (при наличии доброй воли правителей этих республик) существенно облегчить их продвижение к реальной интеграции. Но на этом пути стоят существенные препятствия: различные *видения* интеграции у потенциальных стран-участниц; различающееся восприятие исторического прошлого; повсеместная мифологизация «своего» исторического наследия; увязывание реализации многих экономических проектов с нерешенными политическими проблемами. Главное же, государства всех регионов постсоветского пространства – не только ЦА – основные векторы своего развития направляют не на взаимодействие друг с другом, а на внешние силы.

Эта тенденция в отдаленной перспективе может быть преодолена в случае успеха таких интеграционных проектов, как Таможенный союз (ТС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Соглашение об образовании ТС Казахстана с Российской Федерацией и Беларусью было подписано в ноябре 2009 г., а единый внешний тариф и таможенный кодекс были приняты в 2010 г. В июле 2011 г. был упразднен таможенный контроль на границах между странами-членами ТС, и значение единого внешнего тарифа было приближено к российскому. Так как ни с Евросоюзом, с одной стороны, ни с Китаем, с другой, создать зону свободной торговли не представляется в обозримой перспективе возможным, ТС имеет ценность как первый шаг на пути к реальному интеграционному объединению.

В январе 2012 г. началось создание «единого экономического пространства», целями которого стали: создание единого рынка товаров, услуг, рабочей силы и капитала; координация монетарной, финансовой и налоговой политики; развитие единой транспортной, энергетической и информационной системы; унификация структур государственной поддержки инновационного развития и развития приоритетных отраслей. В июле 2012 г. была создана Евразийская экономическая

комиссия – наднациональный исполнительный орган, сформированный на уровне заместителей премьер-министров. Но импульс региональной интеграции должен был придать запущенный с 2015 г. проект Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который ныне объединяет Россию, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Армению. ЕАЭС может, в случае успеха, стать ступенью к созданию единого экономического пространства, к превращению участников экономического взаимодействия в полноценных партнеров по институциональным политическим и военным союзам. В таком контексте ЕАЭС может рассматриваться как решающий стратегический прорыв на пространстве бывшего СССР.

В декабре 2015 г. в ежегодном обращении Президента России Федеральному собранию была озвучена идея нового амбициозного проекта, заключающегося в возможности формирования в будущем широкого экономического партнерства с участниками ШОС, АСЕАН и государствами, которые присоединяются к ШОС. Для России, подчеркнул В.В. Путин, «такое партнерство создаст принципиально новые возможности для наращивания поставок в Азиатско-Тихоокеанский регион продовольствия, энергоресурсов, инжиниринговых, образовательных, медицинских и туристических услуг, позволит нам играть лидирующую роль в формировании новых технологических рынков, а также развернуть на Россию крупные глобальные торговые потоки»²³². О том, что ЕАЭС может стать «одним из центров формирования более широкого интеграционного контура» – «большого евразийского партнерства» с участием государств ЕАЭС, Китая и ЕС, говорил Президент РФ и в своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме-2016²³³.

Реализация данного проекта, открывающего перед его участниками привлекательные перспективы в сфере торгово-экономического сотрудничества, будет, тем не менее, сопряжена с серьезными трудностями. Главной станет достижение консенсуса между таким большим количеством столь различных потенциальных участников проекта. Ведь не секрет, что и в ЕАЭС продолжают сохраняться серьезные дисбалансы, которые становятся тормозом на пути развития этого интеграционного объединения и включения в него новых участников.

Во-первых, членство России и Казахстана во Всемирной торговой организации (ВТО) ставит перед ними сложную задачу по сопряжению требований ВТО с нормативами, принятыми в ЕАЭС и касающимися, в частности, таких проблем, как таможенные тарифы, структура экспорта и импорта, преференциальные торговые соглашения и пр.

Во-вторых, в ряде стран (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан) имеются проблемы с конвертацией национальных валют; сохранен визовый режим между Узбекистаном и Таджикистаном, а Туркменистан имеет его со всеми странами ЦА.

В-третьих, не унифицированы требования к регистрации иностранных граждан, а в ряде стран (Кыргызстан) они ужесточены, вследствие чего возникают межгосударственные политические трения.

В-четвертых, очень низки объемы взаимной торговли между странами ЦА: их внешнеторговый оборот между собой составляет только 5%; это же касается взаимных инвестиций²³⁴.

²³² Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России [официальный сайт]. 03.12.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 05.12.2015).

²³³ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России [официальный сайт]. 17.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 18.06.2016).

²³⁴ Круглый стол. Перспективы региональной экономической интеграции в Центральной Азии // Central Asian analytical network [site]. 12.10.2016. URL: <http://caa-network.org/archives/7688> (дата обращения: 13.10.2016).

Особое значение в этой связи имеет роль в региональной интеграции на постсоветском пространстве и в ЦА значимого «мотора» этого процесса – Казахстана.

Дисбалансы Казахстана как крупного развивающегося государства и его место в региональной интеграции в ЦА

После распада СССР Казахстан остался в невыгодной геополитической ситуации, вследствие того, что он, обладая богатейшими запасами углеводородов, оказался зажат в центре Евразийского континента между Россией и Китаем, без прямого выхода на мировые рынки. Китайское направление экспорта нефти и газа отпадало, поскольку в южном направлении трубопроводов попросту тогда не было. Оставались только газо- и нефтетранспортные артерии через Россию. В 2001 г. консорциумом КТК был построен нефтепровод с крупнейшего месторождения Тенгиз в западной части Казахстана до российского города Новороссийск, а основной транспортной артерией для казахстанской нефти стал нефтепровод Атырау–Самара. Кроме того, Казахстан реализовал строительство еще нескольких крупных трубопроводов, в числе которых – стратегический трубопровод Казахстан–Китай с увеличением его производительности до 20 млн т в год. Была расширена пропускная способность участков нефтепроводов Каламкас–Каранжабас–Актау, а также Узень–Жетыбай–Актау. Таким образом, Казахстану к настоящему времени удалось значительно расширить свои трубопроводные возможности и диверсифицировать их.

Казахстан входит в группу стран со средним приростом населения, а потому он испытывает дефицит в рабочей силе. По данным ООН, на начало 2016 г. в Казахстане проживало 17.85 млн человек и насчитывалось 3.55 млн мигрантов²³⁵. Из них на постоянной основе в республике трудятся 50-90 тыс. жителей Кыргызстана. Однако больше всего в стране узбекских мигрантов, проживающих как официально, так и неофициально. Также среди лидеров по трудовым мигрантам – граждане Таджикистана²³⁶.

Кроме того, в Казахстане имеет место внутренняя миграция – в основном из южных регионов в Алматы, Астану, в Мангистаускую или Атыраускую области, куда люди устремляются на заработки, поскольку это наиболее привлекательные регионы страны.

В будущем Казахстан может столкнуться с неконтролируемыми миграционными потоками из соседних государств – Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, где плотность населения в отдельных районах (Ферганская долина) очень высока. Уже в наши дни бесконтрольная миграция, незаконные поселения, формируемые в том числе самозахватчиками, создают в Казахстане благоприятную среду для преступности. Бороться с этим злом в республике планируют при помощи созданного при МВД Национального бюро по вопросам миграции.

Со времени обретения в 1991 г. независимости Казахстан проводит политику репатриации этнических казахов (их в Казахстане называют оралманами, что переводится как «возвращенец») из различных стран мира. Большая часть оралманов последней волны стремится поселиться в столице или других крупных

²³⁵ Ахметов А. ООН насчитала в Казахстане 3.5 миллиона мигрантов // Tengrinews.kz [сайт]. 04.02.2016. Подробнее – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/oon-naschitala-v-kazahstane-35-milliona-migrantov-288462 (дата обращения: 22.07.2016).

²³⁶ Алхабаев Ш. Более миллиона мигрантов въезжают в Казахстан ежегодно – эксперт / Tengrinews.kz. 21.06.2016. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/milliona-migrantov-vyezjayut-kazahstan-ejegovno-ekspert-297008 (дата обращения: 22.07.2016).

центрах (городах Жанаозен, Алматы, Тараз), где легче найти работу²³⁷. В этом им помогают принятые правительством Казахстана программы по репатриации зарубежных казахов.

Параллельно с этим процессом существенное влияние на миграционную и демографическую ситуацию в стране оказывает такое явление как эмиграция. Координатор проекта казахстанского Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований “Стратегия”» Ольга Симакова подчеркивает, что в эмиграционных потоках по-прежнему преобладают славянские группы населения – русские, украинцы, белорусы, а также татары и немцы. Но русские составляют самую многочисленную группу эмигрантов – 121.3 тыс. человек за последние пять лет, или 44.5% от общего объема внешней миграции за этот период²³⁸. Отрицательное сальдо миграции остается характерным для северо-восточных и центральных областей Казахстана – регионов преимущественного проживания русского населения (Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области)²³⁹.

В начале 2016 г. Комитет статистики Министерства национальной экономики Казахстана опубликовал данные о том, что в республике наблюдается увеличение числа покидающих страну с выездом на ПМЖ в другие государства. При этом согласно официальной статистике, снижается и количество желающих принять гражданство республики. Как подчеркивает большинство казахстанских исследователей, итогом этих процессов становится масштабная потеря Казахстаном человеческого капитала, и негативные последствия этого уже сказались в экономике и социальной сфере республики.

Сделав интеграцию в глобальную экономику целью своего экономического развития, Казахстан провел серьезные макроэкономические реформы, что позволило международным экономическим организациям признать его страной с рыночной экономикой.

Казахстан остается одним из лидеров экономического роста не только в ЦА, но и на постсоветском пространстве, и его экономическая система считается наиболее свободной по сравнению с остальными странами ЦА. ВВП Казахстана больше, чем экономики всех центральноазиатских стран вместе взятых. Это, однако, не застраховало Казахстан от снижения в последние годы показателей его ВВП.

Таблица 7.3

Динамика изменений ВВП Казахстана

Годы	Объем ВВП (млрд долл. США)	Ежегодный прирост в реальном выражении, % В среднем за период 8.7
1999	18.661	
2008	133.442	
2013	236.635	6.0
2014	221.416	4.3
2015	184.388	1.2

Источник: Всемирный банк. URL: <http://data.worldbank.org/country/kazakhstan>.

Из таблицы 7.3 видно, что наивысший подъем казахстанского ВВП в долларовом выражении пришелся на 2013 г., в то время как начиная с 2014 г. наблюдается замедление экономического роста, что связано с мировым

²³⁷ Ахметов А. ООН насчитала в Казахстане 3.5 миллиона мигрантов...

²³⁸ Симакова О. Эмиграция русских: приглашение к размышлению // Казахстан-Спектр. 2016. №1 (75). С. 103-104.

²³⁹ Там же. С. 19.

экономическим кризисом, а главное – с падением цен на нефть, отчего пострадали и экономики других нефтеэкспортеров. В реальном выражении ВВП Казахстана рос на 8.7% в год в течение 1999-2008 гг., после замедления в 2009 г. до 1.2% рост восстановился до 5-7.5% в 2010-2013 гг., вновь снизившись до 1.1-1.2% в 2015-2016 гг. Все последние годы Казахстан по динамике ВВП обгоняет Россию, но в 2010-е годы существенно отстает от соседних Туркменистана и Узбекистана²⁴⁰.

Известно, что важнейшим фактором стремительного увеличения ВВП Казахстана стало развитие нефтяной и газовой отраслей. Они же явились и основными получателями зарубежных инвестиций. Именно доходы от экспорта углеводородов превратились в основной ресурс для модернизации экономики республики, хотя в этой ситуации есть и обратная сторона – сильная зависимость экономики от сырьевого экспорта. И это ставит перед страной задачу повышения конкурентоспособности несырьевых секторов, снижения энергоемкости экономики, привлечения инвестиций.

В абсолютном выражении Казахстан является крупнейшим в Центральной Азии получателем прямых иностранных инвестиций, которые приходят в регион в поисках природных ресурсов и новых рынков. Неудивительно, что львиная доля иностранных инвестиций приходится на геологоразведку и нефтедобычу. Уже в 2011 г. накопленные прямые иностранные капиталовложения в стране превысили 100 млрд долл. В течение 2011-2012 гг. Казахстан входил в тридцатку крупнейших в мире получателей прямых иностранных инвестиций, получая ежегодно более 13 млрд долл. В этот период прямые инвестиции из самого Казахстана за рубежом также ежегодно превышали 1 млрд долл., поставив рекорд в 2011 г. (5.4 млрд). Позднее показатели ежегодных трансграничных потоков прямых инвестиций снизились. Тем не менее к концу 2016 г. объем накопленных прямых иностранных инвестиций в Казахстане составлял без малого 130 млрд долл., что было почти в 2.5 раза больше, чем совокупный объем таких капиталовложений в Туркменистане, Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане вместе взятых. В то же время зарубежная активность казахстанских компаний в 2016 г. стала сворачиваться, так что накопленный объем их прямых инвестиций упал на несколько миллиардов долларов до 20.7 млрд. (однако это все равно 2-й показатель в СНГ после России)²⁴¹.

Крупнейшим источником прямых инвестиций в экономику Казахстана является ЕС, в то время как доля российских инвестиций относительно скромна. Даже с учетом капиталовложений через офшоры, как показали последние расчеты исследователей ИМЭМО РАН по заказу ЕАБР, доля России в общем накопленном объеме прямых иностранных инвестиций в Казахстане к концу 2016 г. составила лишь 6.3% (против 17% в Кыргызстане, 39% в Таджикистане и более ½ в Узбекистане, однако менее 1% в Туркменистане). Вклад получающих прямые иностранные капиталовложения предприятий в занятость является гораздо более скромным. В Казахстане доля этих предприятий в общей численности занятых составляет лишь немногим более 5%, поскольку иностранные инвестиции направляются главным образом в капиталоемкие и/или наукоемкие отрасли (например, добычу полезных ископаемых, геологические изыскания, химическую промышленность, связь, информационные технологии), так что их непосредственное воздействие на занятость остается незначительным²⁴².

²⁴⁰ World Economic Outlook. April 2017. Washington: IMF, 2017. P. 202.

²⁴¹ World Investment Report 2017. Geneva: UNCTAD, 2017. Annex tables 01-04. URL: <http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (accessed 01.07.2017).

²⁴² Связи Центральной Азии с глобальными экономическими центрами / Исследование Института Азиатского банка развития, 2015. (Пер. с англ.). С. 49.

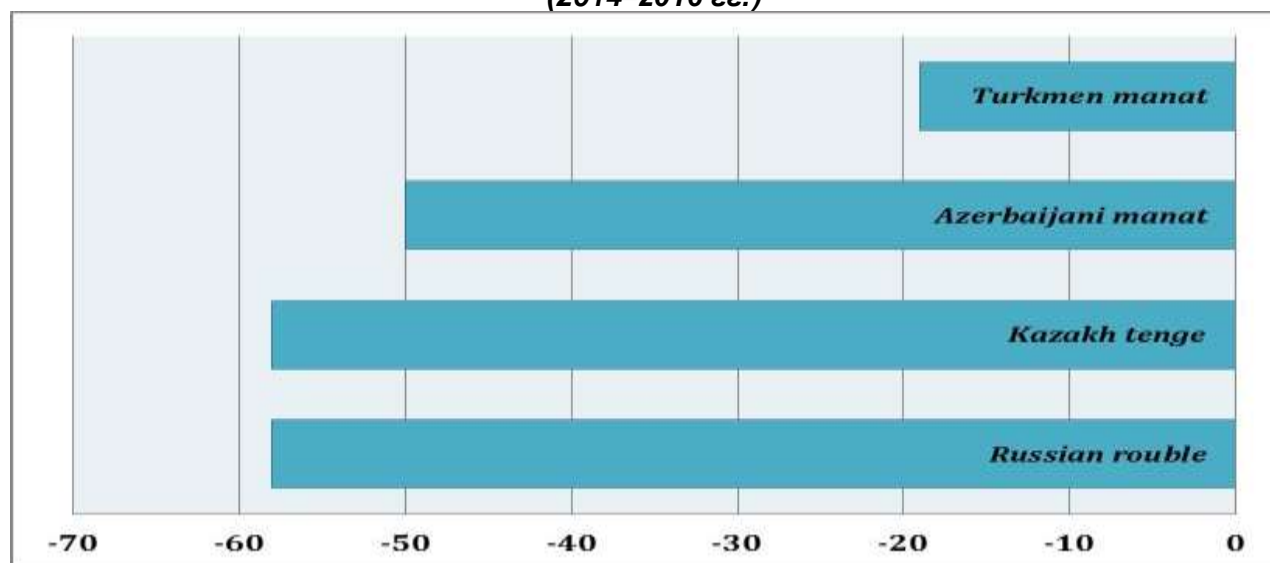
Несмотря на то, что Казахстан не настолько зависим от денежных переводов трудовых мигрантов, как страны-доноры миграции в ЦА, а уровень безработицы сократился в этой стране почти вдвое по сравнению с показателями 1990-х годов, безработица все еще высока: в 2011 г. она составила 5.4%, опустившись на второе в ЦА место (первое – у Кыргызстана с его 8.5%)²⁴³.

Оставаясь основным экспортером нефти в ЦА, Казахстан не мог не испытать на себе последствия произошедшего в последние годы резкого снижения цен на нефть, что сказалось в первую очередь на экономическом положении. Под давлением оказался курс валют, а уровень необслуживаемых кредитов повысился. Высокая инфляция и усилия по защите валютных курсов привели к проведению ограничительной денежно-кредитной политики.

Снижение цен на нефть негативно сказалось на доходах бюджета Казахстана, где сокращение налоговых поступлений было отчасти компенсировано увеличением трансфертов из Национального фонда, а также девальвацией тенге во второй половине 2015 г. По итогам 2015 г. инфляция составила в Казахстане 13.6% (7.4% в 2014 г.). После перехода к режиму свободно плавающего обменного курса Национальный банк Казахстана установил базовую ставку на уровне 12%, повысив ее в ноябре до 16%²⁴⁴. Девальвация тенге по отношению к доллару США составила в 2015 г. 21% (18% в 2014 г.)²⁴⁵. Аналогичные процессы произошли в других странах-экспортерах (см. рис. 7.1).

Рисунок 7.1

Девальвация национальных валют (в %) в постсоветских странах-экспортерах (2014–2016 гг.)

Источник: Кох Н., Валиев А. Реструктуризация сырьевых экономик Каспийского региона: слишком мало, слишком поздно? // ПОНАРС Евразия. Сентябрь 2016. URL: http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/201609_Koch_Valiyev (дата обращения: 12.11.2016).

По данным МВФ, в Казахстане в 2017 г. начинается восстановление динамики ВВП, что может вновь подстегнуть попытки Казахстана стать лидером интеграции в ЦА. Казахстанское политическое руководство делает в последнее время упор на особый статус Казахстана как крупного евразийского государства, склонного к

²⁴³ Там же. С. 12.

²⁴⁴ Евразийский банк развития. Годовой отчет 2015. С. 13 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eabr.org/general/upload/docs/investors/YR_2015_web.pdf (дата обращения: 08.10.2016).

²⁴⁵ Там же.

восприятию западных ценностей больше, нежели его соседи по ЦА. Такое подчеркивание элемента европейской идентичности казахстанской нации стало особенно заметным в период председательства страны в ОБСЕ в 2010 г. и ее стремления войти в Совет Европы. В Казахстане все чаще возвращаются к словосочетаниям, противопоставляющим эту страну другим государствам региона: «Центральная Азия и Казахстан», «Средняя Азия и Казахстан». А некоторые казахстанские депутаты предложили даже переименовать Казахстан в Казахию²⁴⁶, видимо, для того, чтобы символически дистанцироваться от нестабильных центральноазиатских «станов».

В своих внешнеполитических и внешнеэкономических инициативах Казахстан ориентируется на четыре вектора мировой политики: Россию, Китай, США и Западную Европу. С учетом возросших задач укрепления региональной стабильности, безопасности, совместных шагов по противодействию последствиям мирового финансово-экономического кризиса Казахстан взаимодействовал с Россией, в том числе и в различных международных организациях, включая СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС (теперь – ЕАЭС) и ШОС. Как подчеркивает в своем труде академик Г.И. Чуфрин, интенсивно развивающееся сотрудничество и взаимодополняющий характер экономик двух стран играют важную роль не только в решении важнейших задач их экономического и политического развития, но и в формировании общего политического и экономического климата в регионе; само же сотрудничество России и Казахстана имеет резервы, использование которых может не только содействовать устойчивому развитию экономик двух стран, но и создать прочную основу для более эффективного решения проблем международной энергетической безопасности путем построения надежной ядерно-топливной составляющей энергетической базы на долгосрочную перспективу²⁴⁷.

Потрясения, постигшие экономику Казахстана в результате мирового кризиса, не помешали официальной Астане активно действовать на международной политической арене. И в этом республика получает неизменную поддержку со стороны США и ЕС, которые поощряют Казахстан в его начинаниях не столько потому что он мог бы, как планировалось в западных столицах, воплотить мечту о построении в постсоветской Азии «успешной западной модели» (чего он, заметим, так и не смог сделать), сколько для того, чтобы позволить Казахстану позиционировать себя как альтернативу России, своего рода параллельный центр влияния, если не на всем постсоветском пространстве, то хотя бы в ЦА.

Контрасты между регионами Казахстана во внешнеторговых связях

Казахстан состоит из 16 регионов. При 18-миллионной общей численности населения страны (данные на 1 июня 2017 г.), в Южно-Казахстанской области (центр – Шымкент) проживало 2.9 млн, в Алматинской области – 2.0 млн, в городе Алматы – 1.8 млн, в Карагандинской и Восточно-Казахстанской (центр – Усть-Каменогорск) областях – по 1.4 млн человек. Таким образом, в 5 самых населенных регионах жило больше ½ населения страны. Столица страны Астана занимала лишь 7-е место, пропуская вперед Жамбылскую область (в обоих регионах более 1 млн жителей)²⁴⁸.

Различаются регионы Казахстана и по участию во внешнеэкономических связях, а также их географической направленности. При этом масштабы и структура внешней торговли и иностранных инвестиций обусловлены не столько населением

²⁴⁶ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008. С. 50.

²⁴⁷ Чуфрин Г. Россия в Центральной Азии. Алматы, 2010. С. 108-153.

²⁴⁸ Численность населения Республики Казахстан на 1 июня 2017 года. URL: <http://stat.gov.kz/getImage?id=ESTAT223629> (дата обращения: 15.07.2017).

регионов (то есть рынками сбыта), сколько наличием тех или иных природных ресурсов (хотя Казахстан обладает и обрабатывающей промышленностью). Можно выделить несколько типов регионов по характеру внешней торговли (см. табл. 7.4).

Таблица 7.4

Внешняя торговля регионов Казахстана в 2016 гг.

Регион	Товарооборот, млн долл.	Импорт, млн долл.	Экспорт, млн долл.	Экспорт обработанной продукции, млн долл.	Доля обработанной продукции в экспорте, %	Прирост экспорта обработанной продукции за год, %	Ведущая отрасль в экспорте
<i>Всего Казахстан</i>	61 950	25 175	36 776	12 903	35.1	–8.2	ТЭК
Атырауская обл.	13 424	2 308	11 117	712	6.4	–28.3	ТЭК
г. Алматы	12 085	9 389	2 696	1 606	59.6	+8.4	диверсифицированная
г. Астана	5 509	2 993	2 516	1 136	45.2	–32.7	диверсифицированная
Западно-Казахстанская обл. (ЗКО)	4 476	871	3 604	164	4.5	+2.3	ТЭК
Карагандинская обл.	4 462	1 186	3 276	2 955	90.2	+0.9	стале-литейная
Мангистауская обл.	3 860	375	3 485	131	3.8	+8.4	ТЭК
Актюбинская обл.	3 837	939	2 897	1 530	52.8	+0.4	стале-литейная
Восточно-Казахстанская обл. (ВКО)	3 774	1 540	2 234	1 890	84.6	–3.8	цветная металлургия
Южно-Казахстанская обл. (ЮКО)	2 500	1 241	1 259	946	75.2	–24.2	диверсифицированная
Павлодарская обл.	2 281	1 142	1 139	789	69.3	–17.7	диверсифицированная
Костанайская обл.	1 629	758	871	284	32.6	–5.7	диверсифицированная
Алматинская обл.	1 540	1 221	319	289	90.6	+12.7	АПК
Акмолинская обл.	783	483	301	126	41.8	–27.7	АПК
Кызылординская обл.	755	83	672	59	8.8	–37.9	ТЭК
Жамбылская обл.	536	295	241	214	88.9	+99.3	химическая
Северо-Казахстанская обл. (СКО)	501	351	150	72	48.0	+42.3	АПК

Источник: Анализ экспорта Республики Казахстан в разрезе регионов за 2016 год. URL: <http://export.gov.kz/storage/a3/a313deeb4f546b26f0a36e5703708800.pdf> (дата обращения: 10.07.2017).

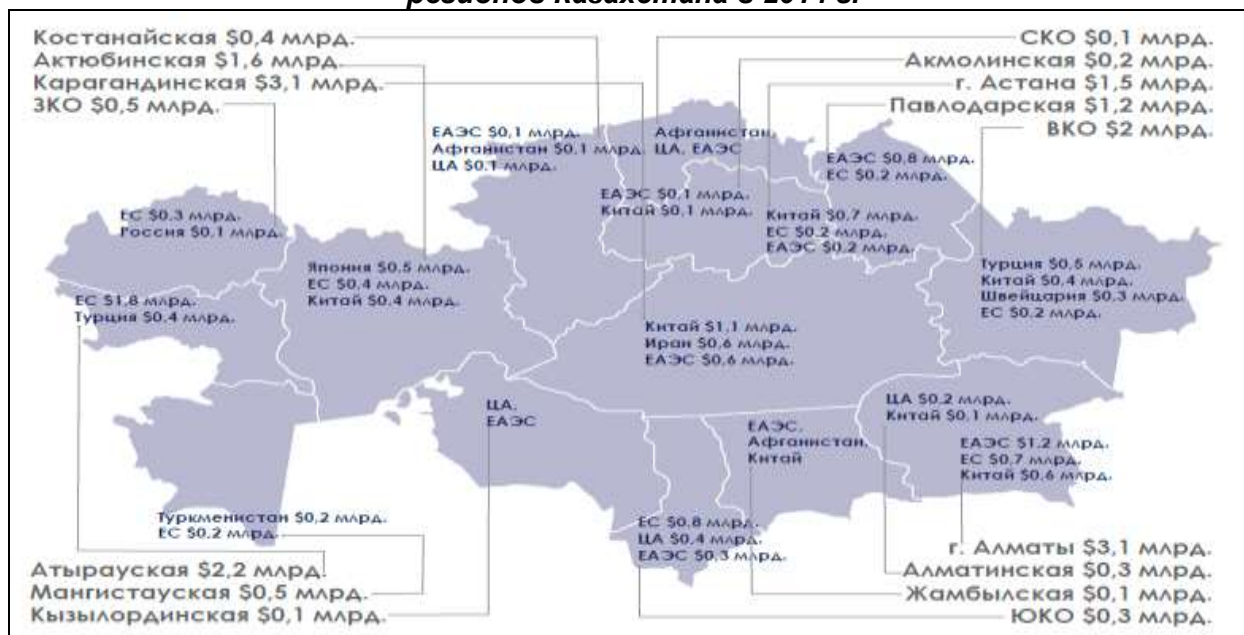
Ряд западных, в основном малонаселенных регионов с богатыми запасами углеводородов специализируется на экспорте продукции топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Все они характеризуются огромным превышением экспорта над импортом – как лидирующая по экспорту Атырауская область, так и Западно-

Казахстанская (центр – Уральск), Мангистауская и Кызылординская области. Доля обработанной продукции в их экспорте не достигает даже 10%. При этом, однако, регионы демонстрируют разнонаправленную динамику экспорта такой продукции: например, в Атырауской области в 2016 г. был спад показателя, а в Мангистауской и ЗКО – рост. В целом же у Атырауской области весь товарный экспорт сократился за 2016 г. на 24.4% (за два года вообще почти в 2.6 раза), у ЗКО – на 29.8% (и в 2.7 раза за 2015-2016 гг.), а у Мангистауской области – на 14.7% (и в 2.8 раза за 2015-2016 гг.). При этом в среднем по Казахстану падение показателя составило соответственно 1.5 раза в 2015-2016 гг. и 20% за 2016 г.

В плане географии торговли первые три региона ориентированы на поставки углеводородов в западном направлении, прежде всего в страны ЕС. Импорт (в том числе за счет закупок оборудования) более диверсифицирован. Например, у Атырауской области свыше ¼ приходится на Германию, далее следуют Китай (14%), США, Япония и Россия (9-11%). У ЗКО с показателем выше 45% лидирует Россия (опережая Китай и Германию соответственно в 4 и 7 раз). За рынок Мангистауской области борются Китай и Россия (почти по 1/5 импорта), обгоняя Японию и страны ЕС²⁴⁹. Особняком стоит Кызылординская область, которая экспортирует помимо нефти в значительных количествах также соль и уран, а ее основными партнерами и в экспорте, и в импорте являются Китай (почти 90%), а также Россия. Примечательно, что в экспорте именно обработанной продукции ни у одного из четырех регионов Китай не выделяется (см. рис. 7.2).

Рисунок 7.2

Географические приоритеты в товарном экспорте обработанной продукции регионов Казахстана в 2014 г.

Источник: Анализ потенциальных возможностей для экспорта казахстанской обработанной продукции в разрезе регионов. Астана: Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан (АО «Национальное агентство по экспорту и инвестициям «KAZNEX INVEST»), 2015. С. 12. URL: <http://export.gov.kz/storage/29/297857d00e5efac5b07842e126ba69e7.pdf> (дата обращения: 10.03.2017).

Другую группу составляют регионы с диверсифицированной структурой экономики, которые при этом отличаются сбалансированной внешней торговлей –

²⁴⁹ Подробные данные по географии внешней торговли регионов Казахстана имеются для 2015 г. См.: Регионы Казахстана. Обзор внешней торговли 2015. Астана: KazNex Invest, 2016. Есть отрывочные сведения и для 2016 г. См.: Анализ экспорта Республики Казахстан в разрезе регионов за 2016 год.

Астана, Южно-Казахстанская, Павлодарская и Костанайская области. У этих регионов и наиболее диверсифицированная география экспорта – в зависимости от доминирующих товарных групп выделяются Россия, Китай, страны ЕС, а также – прежде всего благодаря поставкам продукции агропродовольственного комплекса (АПК) – государства ЦА, Иран и Афганистан. Импорт поступает в основном из России, Китая и стран ЕС. Например, у Астаны около 30% товарооборота приходится на Россию (причем импорт заметно превышает экспорт), далее следует Китай (порядка 15%, причем казахстанский экспорт превышает импорт из КНР), а также страны ЕС (крупнейшие рынки сбыта – Италия и Польша, источники импорта – Германия и Франция). На этом фоне место лидирующего среди стран ЦА Узбекистана с показателем меньше 5% выглядит скромно. Похожая ситуация в Павлодарской области – при доле России на уровне 47% (правда, экспорт региона больше импорта) выделяются также Китай и страны ЕС, тогда как доля Узбекистана и других центральноазиатских государств невелика. Напротив, хотя у Костанайской области с Россией связана вообще половина внешней торговли, однако и на страны ЦА приходится свыше 15% (причем почти 1/3 экспорта). Для ЮКО проявляется эффект соседства, в целом не слишком типичный для регионов Казахстана – на Узбекистан приходится почти 1/5 товарооборота ЮКО, причем это государство ЦА борется с Россией за лидерство в поставках товаров в регион и входит в тройку стран-лидеров по экспорту из этой области (после России и Нидерландов).

Третью группу образуют Алматы и Алматинская область (центр – Талдыкорган), имеющие более чем трехкратное превышение импорта над экспортом – как благодаря связям с Россией, так и из-за динамично растущей торговли с Китаем (в том числе через Хоргос). При этом, однако, Алматы занимает в стране и 6-е место по экспорту, причем более 1/2 приходится на обработанную продукцию.

Четвертую группу формируют области, специализирующиеся на черной и цветной металлургии (как горнорудном сегменте, так и производстве готовой продукции) – Карагандинская, Актюбинская, Восточно-Казахстанская. Несмотря на соседство с Россией, в географии экспорта обработанной продукции выделяются также страны ЕС и крупные азиатские государства, в общем экспорте – Китай, страны ЕС и Россия, а также Турция (у ВКО), Япония (у Актюбинской области) и Иран (у Карагандинской области). Основным источником импорта – Россия, все еще заметно опережающая Китай (в Карагандинской и Восточно-Казахстанской областях – более чем в 4 раза, а в Актюбинской области – в 3 раза).

Наконец, пятую группу образуют области с незначительными объемами товарной внешней торговли – Акмолинская (центр – Кокшетау) и Северо-Казахстанская (центр – Петропавловск) со специализацией преимущественно на АПК, а также Жамбылская, экспортирующая уран, фосфаты и продукцию их переработки. При этом, в отличие от импорта, который на 3/4 российский, в случае экспорта СКО эффект соседства (равно как и этнокультурной близости, поскольку до сих пор свыше 48% населения региона – русские) почти не действует, будучи перевешен отраслевым фактором. Так, лишь около 1/4 экспорта СКО приходится на Россию, тогда как за счет поставок продовольственных товаров (муки пшеничной, пшеницы, семян льна, семян рапса, ячменя, чечевицы) выделяются также Афганистан, Таджикистан и Узбекистан (по 14-17%). Напротив, для Жамбылской области главный торговый партнер – соседний Кыргызстан (32% внешнего товарооборота, причем впереди России и по экспорту, и по импорту, на которую в целом приходится 23% оборота – по сравнению с 12% у Китая и 5% у Узбекистана).

Таким образом, в целом эффект соседства, играя определенную роль во внешней торговле регионов Казахстана, по значению уступает отраслевой специализации, которая в значительной мере предопределена набором природных

ресурсов тех или иных территорий страны. Эта же тенденция проявляется в географии прямых иностранных инвестиций – крупнейший российский проект находится на юге (в Кызылординской области) и осуществлен компанией «ЛУКОЙЛ». Выделяются также ВКО (благодаря капиталовложениям фирмы «Полиметалл») и ЮКО (вследствие инвестиций холдинга «Атомэнергопром»), а также Астана и Алматы в силу концентрации российских ТНК, представляющих сферу услуг. При этом в Карагандинской области при полумиллионном русском населении по масштабам накопленных прямых инвестиций российские компании втрое уступают турецким (прежде всего производителю пива Anadolu Group) и на порядок – индийским (вернее зарегистрированной в ЕС компании ArcelorMittal индийского предпринимателя). Граничащая с Россией Актюбинская область на западе страны демонстрирует объем китайских прямых инвестиций (прежде всего компании CNPC) более чем в 25 раз превосходящий российские капиталовложения. Таким образом, нередко нацеленные на удаленные страны и в любом случае при отсутствии ярко выраженного тяготения к соседям внешнеторговые и инвестиционные связи регионов Казахстана не подрывают единство политического и экономического пространства страны. Однако они и не способствуют усилению интеграционных усилий по линии частного бизнеса ни с Россией, ни тем более со странами ЦА.

Прогнозируемые риски для региона ЦА

Казахстан, как и другие центральноазиатские страны, постарается и в дальнейшем пользоваться разнообразием векторов сотрудничества, предоставляемых выгодным географическим положением (соседство с Россией, Китаем, Афганистаном, Ираном) и ресурсной базой. Разыгрывая различные «карты» (российскую, американскую, китайскую, европейскую), Казахстан, как и другие страны ЦА, попытаются извлечь максимальную выгоду от частично инициированной ими самими конкурентной геополитической борьбы.

Вместе с тем внешнеполитическое лавирование, уход от взятых на себя обязательств, стремление добиваться внешних кредитов и дотаций в ущерб собственному суверенитету и многое другое, что легло в основу взятой сегодня на вооружение всеми без исключения государствами ЦА «многовекторной стратегии», не будет способствовать их превращению в реальный субъект мировой политики. Вместо этого будут созданы благоприятные условия для установления в ЦА внешнего управления – либо Западом, либо Китаем. Помешает «многовекторность» и налаживанию столь необходимого странам ЦА внутрирегионального сотрудничества по целому ряду ключевых вопросов – от охраны границ и безопасности до торговли и распределения водных ресурсов.

«Многовекторность», имеющая различные модификации в зависимости от политики той или иной страны ЦА, способна будет породить, вопреки возлагаемым на такой курс надеждам, весьма своеобразный феномен – диверсификацию не целей, а политических партнеров, подмену упрощенным маневрированием внешнеполитических приоритетов, выверенных и выстроенных на основе долгосрочных национальных интересов. А это в свою очередь создаст благоприятную основу для быстрого превращения большинства стран ЦА из некогда модернизовавшихся обществ, какими они обещали стать во времена пребывания в составе СССР, в периферию развитого мира, его отсталый («третьемирский») сырьевой придаток. Трудно не согласиться в этой связи с киргизским ученым Нуром Омаровым в том, что в «различных проектах будущего» Центральная Азия,

несмотря на интерес к ней в наши дни как к «мировой кладовой», останется «в периферийной зоне глобализации»²⁵⁰.

Сохранение низких цен на нефть неизбежно усилит давление на экономику Казахстана и его финансовую систему, а кризисные явления в экономике России и спад там экономической деятельности может повлечь за собой усиление отрицательных внешних эффектов как для Казахстана, так и для других центральноазиатских стран в результате сокращения денежных переводов и снижения спроса на импорт. Именно поэтому странам ЦА потребуется развивать сотрудничество на региональном уровне.

Урегулирование политических различий – в частности, в водном и энергетическом секторах – будет иметь ключевое значение для укрепления регионального сотрудничества, особенно в рамках ЕАЭС. Оно может способствовать экономическому росту ЦА, развитию потенциала внутрирегиональной торговли, совершенствованию инфраструктуры региональных торговых отношений, восстановлению традиционных торговых путей, приданию импульса росту во всем евразийском регионе.

²⁵⁰ Омаров Н. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации. Бишкек, 2008. С. 200.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционно в научной литературе глобальные и внутристрановые дисбалансы рассматриваются в публикациях по отдельности, даже если одни и те же авторы обращаются к их анализу. Действительно, в последние годы в связи с глобальным экономическим кризисом появилось немало работ о финансовых дисбалансах, несоответствии между современным экономическим весом стран и их ролью в политических институтах формирующегося глобального управления, в целом дисбалансах в мировой экономике. «Арабская весна», миграционный кризис в Европе и расширение ареала борьбы с терроризмом на Ближнем Востоке и в сопредельных регионах, не говоря о проблеме распространения оружия массового уничтожения сделали остро актуальными еще целый ряд дисбалансов в системе международных отношений.

В то же время специалисты по социально-экономическим проблемам отдельных стран все чаще обращаются к тематике дисбалансов при анализе самых разноплановых проблем. Тут можно упомянуть анализ и инфляции, и долгосрочных отраслевых сдвигов под воздействием научно-технического прогресса, и устойчивости (либо количественного роста или, напротив, размывания) «среднего класса», и развития федерализма (как сугубо бюджетного, так и политического), и многое другое. Мы попытались в этой книге перекинуть «мостик» между классическим страноведческим анализом и исследованием проблем, имеющих транснациональное измерение, рассмотрев взаимосвязи между некоторыми внутристрановыми и глобальными дисбалансами.

Наше исследование показало, что в разных странах наиболее острыми являются разные по характеру дисбалансы. Более того, экономическая и политическая мощь страны могут кардинально влиять на значение тех или иных внутренних дисбалансов в развитии экономического и политического взаимодействия страны с соседями. Так, Китай, ставший одним из центров многополярного мира, довольно успешно в рамках стратегии «Один пояс – один путь» проецирует на свою внешнюю политику внутреннюю политику по преодолению некоторых дисбалансов (региональных в части подъема западных регионов или сырьевых в части обеспечения углеводородным сырьем динамично растущей промышленности и других секторов экономики). В то же время Нигерия или ЮАР ориентируются в своих экономических контактах не столько на окружающие их страны западного и южного регионов Субсахарской Африки, сколько на заинтересованные в их природных ресурсах ЕС, США и Китай. В результате соответствующие региональные группировки (ЭКОВАС и САДК) характеризуются низким уровнем интеграции, а потому не способны выступать в качестве ключевого инструмента социально-экономической трансформации своих макрорегионов, в том числе преодоления дисбалансов в развитии стран-лидеров – Нигерии и ЮАР. Тем не менее в сфере обеспечения мира и безопасности роль африканских интеграционных объединений усиливается, что доказывает полезность интеграционных проектов, даже если они имеют «стартовые условия» хуже, чем на постсоветском пространстве.

Вместе с тем мы не ставили целью провести полноценный межстрановой сопоставительный анализ – еще только предстоит изучить, какие именно внутренние дисбалансы чаще оказывают наибольшее влияние на те или иные трансграничные процессы – будь то внешняя торговля, миграционные потоки или, например, распространение экстремизма. В целом перечень задач, которые еще стоят перед исследователями экономических и социальных дисбалансов в макрорегионах современного мира, весьма обширен, тем более что границы между этими

регионами не являются четкими. Как показано в книге, существуют вполне обширные зоны конкуренции между соответствующими региональными лидерами – например, Индией и Китаем. Это хорошо известно и в России, которая на всех направлениях развития постсоветской интеграции сталкивается с соперничеством самых разных держав (некоторые из которых даже и не воспринимают себя в качестве внешних игроков).

Научное издание

Внутренние дисбалансы крупных развивающихся государств
и специфика их взаимодействия с сопредельными странами

Под редакцией

*Кузнецова Алексея Владимировича
Малышевой Дины Борисовны*

Коллективная монография

ISBN 978-5-9535-0507-9

Подписано в печать 19.07.2017.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 18 п.л., 11,3 а.л. Тираж 299 экз. Заказ № 20/2017

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23